

**МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ АВТОНОМНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
ВЫСШЕГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ
«КАЗАНСКИЙ (ПРИВОЛЖСКИЙ) ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»**

На правах рукописи

Валеев Динар Мунирович

**МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ
СОТРУДНИЧЕСТВА ПО БОРЬБЕ
С ТРАНСНАЦИОНАЛЬНОЙ ОРГАНИЗОВАННОЙ
ПРЕСТУПНОСТЬЮ**

Специальность 12.00.10 – Международное право. Европейское право

Диссертация на соискание ученой степени
кандидата юридических наук

Научный руководитель:
доктор юридических наук,
профессор Валеев Р.М.

Казань – 2016

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	4
Глава 1. Понятие и виды транснациональной организованной преступности	17
§ 1. Транснациональная организованная преступность: понятие, юридическая природа и причины распространения	19
§ 2. Критерии разграничения транснациональных преступлений и преступлений международного характера	48
§ 3. Виды преступлений, совершаемых транснациональными преступными группами	59
Глава 2. Международно-правовое регулирование борьбы с транснациональной организованной преступностью	84
§ 1. Конвенция ООН против транснациональной организованной преступности: юридическая природа, проблемы эффективности	84
§ 2. Протоколы к Конвенции ООН против транснациональной организованной преступности как юридические средства обеспечения механизма борьбы государств с транснациональной организованной преступностью.....	112
§ 3. Международно-правовые акты ООН и Совета Европы о борьбе с коррупцией	132
Глава 3. Проблемы реализации международно-правовых норм о борьбе с транснациональной преступностью в законодательстве Российской Федерации	160
§ 1. Специфика имплементации норм международного права о борьбе с транснациональной преступностью в уголовное законодательство Российской Федерации.....	160

§ 2. Роль международно-правовых норм в борьбе с транснациональной организованной преступностью и противодействии коррупции в России.....	174
Заключение	193
Список использованной литературы	199-219
Приложение. Проект Федерального закона «О противодействии транснациональной организованной преступности».....	220

ВВЕДЕНИЕ

Преступность как социальное явление, присущее современному обществу, представляет собой неизбежное зло, с которым идет постоянная борьба государства, его правоохранительных органов, гражданского общества. В последние десятилетия это социальное зло приобрело особую общественную опасность, поскольку стало носить наднациональный характер. Преступность вышла за территориальные пределы суверенных государств, стала интернациональной.

Транснациональная организованная преступность (далее – ТОП) представляет собой одну из наиболее серьезных угроз для всех цивилизованных государств современности. Ее значение было отмечено более двадцати лет назад на конференции по организованной транснациональной преступности, которая состоялась в Неаполе (Италия) в 1994 г., прошедшей под эгидой ООН. В дальнейшем международное сообщество постоянно подчеркивало необходимость активизации противодействия проявлениям транснациональной преступности.

Так, в феврале 2010 г. Генеральный Секретарь ООН Пан Ги Мун призвал активизировать борьбу с одной из острых форм транснациональной организованной преступности – отмыванием денег¹.

На XII Конгрессе ООН по предупреждению преступности и уголовному правосудию отмечалось, что «преодоление ... транснациональных угроз является важным приоритетом и затрагивает все элементы транснациональной организованной преступности»².

В Дохийской декларации, принятой 12 апреля 2015г. на XIII Конгрессе ООН по предупреждению преступности и уголовному правосудию, государства-участники выразили стремление расширять международное сотрудниче-

¹ См.: Российская газета. 2010. 8 февраля.

² Декларация XII Конгресса ООН по предупреждению преступности и уголовному правосудию (Салвадор, Бразилия, 12-19 апреля 2010 г.). «Комплексные стратегии для ответа на глобальные вызовы: системы предупреждения преступности и уголовного правосудия и их развитие в изменяющемся мире». (Проект). UN A/CONF. 213/ L/5. С. 5.

ство в качестве краеугольного камня усилий по совершенствованию предупреждения преступности. Они призвали к реализации и более эффективному использованию положений Конвенции ООН против транснациональной организованной преступности и протоколов к ней, Конвенции ООН против коррупции, трех конвенций о международном контроле над наркотиками, а также международных конвенций и протоколов, касающихся борьбы с терроризмом, и настоятельно призвали все государства-члены ООН, которые еще не сделали этого, рассмотреть возможность ратификации этих документов или присоединения к ним³.

3 декабря 2015 г. в послании Федеральному Собранию РФ Президент РФ В.В. Путин еще раз обратил внимание на необходимость борьбы с преступностью, терроризмом, другими негативными явлениями в нашей жизни⁴.

В России ситуация с различными видами правонарушений, относящихся к транснациональной организованной преступности, складывается не просто. Несмотря на постоянную борьбу с ТОП, осуществляемую правоохранительными органами, появляются все новые виды транснациональной преступности, носящие высокотехнологичный характер: прежде всего, это киберпреступность⁵, преступность так называемых юридических лиц (корпоративная преступность) и т.д. Осознавая эту опасность, руководство страны предпринимает шаги к адекватному реагированию на вызовы современной эпохи. Так, в Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года (п. 38) отмечается, что «главными направлениями государственной политики в сфере обеспечения государственной и общественной безопасности на долгосрочную перспективу должны стать усиление роли государства в качестве гаранта

³ См.: Док. ООН A/conf.222/L.6/

⁴ См.: Российская газета. 2015. 4 декабря.

⁵ Например, хищения денежных средств с использованием дубликатов банковских карт – скимминг. Так, по данным «Российской газеты», в 2013 году в Псковской области в момент установки скиммера на банкомат ОАО «Сбербанк России» задержаны члены международной преступной группы - граждане Латвии // Российская газета. 2014. 26 сентября.

безопасности личности, ... совершенствование нормативного правового регулирования предупреждения и борьбы с преступностью, коррупцией, терроризмом и экстремизмом ... расширение международного сотрудничества в правоохранительной сфере»⁶.

Действительно, преступность в ее наиболее опасной разновидности – организованной форме – выходит на международный уровень, меняет направления и методы своей деятельности.

По данным Министерства внутренних дел РФ, в 2015г. организованными группами или преступными сообществами совершено 13,3 тыс. тяжких и особо тяжких преступлений (-1,7%), их удельный вес в общем числе расследованных преступлений этих категорий остался на уровне января - декабря 2014 г. – 5,1%.

Иностранцами гражданами и лицами без гражданства на территории Российской Федерации совершено 46,4 тыс. преступлений, что на 4,4% больше, чем за 2014 г., в том числе гражданами государств-участников СНГ – 40,3 тыс. преступлений (+4,9%), их удельный вес составил 86,9%.

Существование и тенденции транснациональной преступности требуют от представителей юридической науки формирования комплекса доктринально обоснованных рекомендаций, направленных на повышение эффективности противодействия данному виду криминалитета.

Проблема противодействия транснациональной организованной преступности имеет практическое и доктринальное значение. При этом на **актуальность проведения настоящего диссертационного исследования** указывают следующие обстоятельства.

Во-первых, одна из важнейших задач современной международно-правовой науки усматривается в разработке научно обоснованных подходов, выработке предложений и рекомендаций по совершенствованию междуна-

⁶ Указ Президента Российской Федерации от 12 мая 2009 г. № 537 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года» // Российская газета. 2009. 18 мая.

родно-правового регулирования в сфере борьбы с наиболее опасными видами преступлений и диагностике реального состояния борьбы с преступностью в Российской Федерации. Актуальной тенденцией этой борьбы правоохранительных органов является противодействие традиционным видам транснациональной организованной преступности, своевременное определение ее новых форм и разновидностей и адекватное реагирование международно-правовыми и национально-правовыми средствами на эти новые формы транснациональной преступности. В этой связи юридическая наука, следуя ожиданиям и запросам правоприменительной практики и международного сотрудничества, должна своевременно и адекватно предлагать полный набор рекомендаций по совершенствованию правовых средств (как международно-правовых, законодательных, так и практически-прикладных), способствующих эффективной работе правоохранительных органов и минимизации опасных видов преступной деятельности.

Во-вторых, сложившиеся в науке международного права взгляды и концепции, касающиеся понятия, видов и природы ТОП пока еще далеки от совершенства. Это объясняется тем, что большинство отечественных международно-правовых исследований ТОП предпринимались с конца 80-х годов прошлого столетия (и по настоящее время), протекали в условиях ранней постсоветской действительности. В условиях того времени в научных трудах были подвергнуты анализу отдельные виды наиболее распространенных тогда проявлений ТОП. Несмотря на то, что это были достаточно глубокие по содержанию исследования, сегодня ситуация во многом изменилась и целый ряд сформированных ранее научных подходов не всегда сохраняет свою актуальность. Требуется обновление взглядов о содержании, структуре ТОП, методах борьбы с ТОП, новых формах международного сотрудничества в борьбе с ТОП. Остается востребованной разработка рекомендаций и предложений по повышению эффективности международно-правовых норм и внутригосударственного законодательства Российской Федерации о борьбе с транснациональной организованной преступностью, а также анализ полити-

ки государства в указанной области. Поэтому актуальным выглядит стремление в рамках настоящего диссертационного исследования объективно оценить сложившиеся научные подходы к транснациональной организованной преступности с обновлением таковых, а также осуществить поиск и выработку нового понятия этого феномена, соответствующего современному уровню международно-правового регулирования противодействия ТОП.

Объект и предмет исследования. Объектом исследования в настоящей диссертации являются общественные отношения, связанные с противодействием транснациональной организованной преступности.

Предметом исследования в данной диссертации являются состояние и уровень взаимодействия между государствами и международными организациями по проблемам международно-правового регулирования противодействия ТОП, а также проблемы реализации в правовой политике российского государства норм международного права, направленных на борьбу с ТОП.

Цель и задачи работы. Цель диссертационного исследования состоит в познании сущности транснациональной организованной преступности как одного из самых опасных видов международной преступной деятельности, а также выработке на этой основе научно обоснованных понятий о преступлениях, относящихся к транснациональной организованной преступности, их видовых особенностях, комплексе международно-правовых и внутригосударственных норм и правовых актов, регулирующих деятельность государств в области борьбы с ТОП.

Для достижения сформулированной цели в работе намечены следующие исследовательские задачи:

- осуществить теоретико-правовой анализ транснациональной организованной преступности во всех формах ее проявления, проанализировать ее понятие, причины появления ТОП и ее сущность;
- установить структуру ТОП, т.е. сформулировать перечень преступлений, относящихся к этому феномену;

- сопоставить юридическое содержание основных международных и внутригосударственных правовых актов (на примере Российской Федерации), регулирующих противодействие ТООП, с выделением недостатков национального законодательства, вызванных его несогласованностью с международным правом;

- сформулировать рекомендации и предложения по совершенствованию международно-правовой практики по противодействию ТООП и российского законодательства в данной сфере;

- показать основные проблемы, возникающие при осуществлении имплементации норм международного права во внутригосударственное право России в области борьбы с транснациональной организованной преступностью и предложить пути их решения.

Степень научной разработанности темы диссертационного исследования. Научно-информационная и теоретическая основы диссертационного исследования представлены результатами научных трудов ученых-юристов в области науки международного права, криминологии, уголовного права, криминалистики, социологии права (А.Х. Абашидзе, Е.А. Абрамова, И.П. Блищенко, А.Г. Богатырев, С.В.Бородин, П.Н. Бирюков, Ю.А. Воронин, Л.Н. Галенская, А.И. Гуров, И.В. Годунов, А.И. Долгова, Э.А. Иванов, Г.В. Игнатенко, С.М. Иншаков, И.И. Карпец, Д.Р. Кузахметов, Л.А. Лазутин, В.В. Лунеев, И.И. Лукашук, Е.Г.Ляхов, А.Н. Морозов, Р.В. Нигматуллин, В.А. Номоконов, С.Ю. Марочкин, А.Б. Мезяев, Р.А. Мюллерсон, И.Б. Осмаев, Б.И.Осмнин, В.П. Панов, А.Л. Репецкая, Ю.С. Ромашов, О.И.Тиунов, Т.Я. Хабриева, В.Ф. Цепелев, В.А. Яценко и др.).

Наряду с указанными авторами, значительную роль в формировании научно-теоретической, научно-правовой основы диссертации составили труды ведущих ученых казанской школы международного права (Д.И. Фельдмана, Р.М. Валеева, Г.И. Курдюкова, А.Р. Каюмовой, Н.Г. Нугаевой, Н.Е. Тюриной и др.).

Ряд значимых научных данных по интересующей проблеме получен благодаря исследованиям ведущих российских философов и социологов права (В.С. Нерсисянц, В.Н. Кудрявцев).

Некоторые развиваемые в диссертации идеи (в ее конструктивно-критическом аспекте) опираются на работы правоведов минувших столетий (Э. Ферри, Ч. Ломброзо), а также современных западных исследователей транснациональной организованной преступности (П. Ланд, Ф. Мадсен, М. Микумс, Д. Шор, Ф. Вильямс, Э. Савон, Э. Вайано и др.).

Нормативную базу диссертационного исследования составляют международно-правовые акты по борьбе с транснациональной организованной преступностью, Конституция Российской Федерации, Уголовный кодекс Российской Федерации, Федеральный закон Российской Федерации «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем и финансированию терроризма»⁷, Федеральный закон Российской Федерации «О противодействии коррупции»⁸, иные федеральные законы, посвященные противодействию отдельным проявлениям транснациональной организованной преступности, а также нормативные правовые акты Президента Российской Федерации и Правительства Российской Федерации, посвященные проблемам предупреждения транснациональной организованной преступности.

В ходе работы над диссертацией также изучались документы ООН и других международных организаций, материалы международных конференций, универсальные международные и европейские конвенции, регулирующие вопросы сотрудничества государств в области

⁷ Федеральный закон от 7 августа 2001г. № 115-ФЗ (ред. от 29.06.2015) «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма» (с изм. и доп., вступ. в силу с 30.10.2015). 7 августа 2001 года № 115-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2001. № 33 (часть I). Ст. 3418.

⁸ Федеральный закон от 25 декабря 2008г. № 273-ФЗ (ред. от 28.11.2015) «О противодействии коррупции» // Российская газета. 2015. 30 ноября.

противодействия отмыванию незаконных доходов, борьбы с наркобизнесом, предупреждения коррупции и борьбы с иными проявлениями ТОП.

Методологическую основу диссертации образуют всеобщий метод научного познания (материалистическая диалектика), а также общенаучные и частнонаучные методы, в том числе системный, структурно-функциональный, сравнительно-правовой. Специфика предмета диссертационного исследования обусловила широкое применение такого метода научного познания как формально-юридический метод. В диссертации используется комплекс научных методов, применение которых обеспечивает объективность и всесторонность научного исследования, а также достоверные научные результаты познания транснациональной организованной преступности.

Научная новизна исследования. Научная новизна диссертации состоит в том, что в ней впервые в юридической науке на основе анализа практики применения Конвенции ООН по борьбе с транснациональной организованной преступностью определены понятие транснационального преступления и критерии ограничения ТОП от преступлений международного характера и содержание международно-правовых обязательств борьбы государств с ТОП, а также проблемы реализации Конвенции государствами-участниками (на примере Российской Федерации). Проведено международно-правовое исследование по оценке эффективности норм Конвенции ООН по борьбе с транснациональной организованной преступностью, выявлению пробелов, как в международном праве, так и в российском законодательстве, разработаны рекомендации по совершенствованию международных соглашений и международного сотрудничества в сфере борьбы с ТОП.

На защиту выносятся следующие основные положения.

1. Обосновывается позиция, что транснациональная организованная преступность – структурно сложное, социальное, антиправовое явление, представляющее собой последовательную целенаправленную систему преступных деяний (активных действий) одной или нескольких преступных группи-

ровок, организованных на основе национальных, религиозных, этнических, родственных, профессиональных или иных связей, действующих на территории двух и более государств в целях совершения правонарушений и извлечения прибыли или иного запрещенного дохода.

Делается вывод о том, что международный характер транснациональной организованной преступности обуславливает формирование международных обязательств государств и международных организаций по сотрудничеству между собой в деле предупреждения и борьбы с ней национально-правовыми средствами.

2. Реализация международного сотрудничества по борьбе с правонарушениями, относящимися к ТОП, конкретизируется через международное обязательство соответствующего государства ввести на национальном уровне императивный уголовно-правовой запрет всех правонарушений, которые связаны с выходом преступных сообществ за пределы национальных границ государств и с созданием кооперативных преступных группировок в разных странах.

Диссертант на основе анализа сущностных характеристик транснациональных преступлений относит к их числу **двенадцать основных видов и семь подвидов** (к примеру, вид - кражи объектов интеллектуальной собственности, подвиды: 1) присвоение товарных знаков, кражи знаков обслуживания, фирменных наименований, элементов промышленного дизайна; 2) кражи и контрабанда произведений искусства и предметов культуры, и др.), международное сотрудничество по борьбе с которыми основано на действующих международно-правовых актах. По мнению диссертанта, перечень данных преступных деяний не является исчерпывающим.

3. Обоснованы следующие *критерии*, позволяющие идентифицировать преступность как транснациональную и организованную:

а) *транснациональность*, т.е. совершение преступления на территории двух и более государств;

б) *многоэтапность*, т.е. совершение преступления в одном государстве, когда возникновение умысла на его осуществление, планирование или последующая подготовка имели место на территории другого государства;

в) *распределенность*, т.е. совершение преступления в пределах одного государства, когда его существенные последствия имеют место в другом государстве;

г) *полисубъектность*, т.е. преступления совершают как физические лица, так и юридические лица, в совокупности образующие преступные группировки;

д) *клановость*, т.е. транснациональные преступления совершают лица, объединенные в сообщество (объединение) на основе национальных, родственных, религиозных, этнических, профессиональных или иных связей;

е) *высокодоходность*, т.е. транснациональные преступления дают их участникам систематический сверхвысокий доход (прибыль), одним из обязательных условий получения которого является распространение преступной деятельности на территории двух и более государств.

4. Обоснован вывод о том, что в настоящее время реализация обязательств по сотрудничеству государств и международных организаций по предупреждению транснациональной организованной преступности и борьбе с нею зависит от принятия конкретизирующих международно-правовых норм в форме многосторонних или двусторонних договоров, а также конкретизирующих их межправительственных и межведомственных соглашений.

5. Обоснована авторская концепция механизмов имплементации международно-правовых норм о криминализации транснациональных преступлений в уголовное законодательство России. Ее основные положения включают недостаточность правового регулирования определения ТОП:

а) в российском уголовном законодательстве имеется сорок восемь составов преступлений, сформулированных прямо или опосредовано на основе соответствующих норм международного права. В то же время обнаружива-

ются пробелы в материальном и процессуальном праве, которые следует преодолевать посредством дальнейшего правотворчества;

б) утверждение о наличии юридико-технических недостатков в международном уголовном праве, касающихся закрепления понятия ТОП и её разновидностей, а также иных норм, регулирующих противодействие ТОП, для которых характерна бессистемность, закрепленная в абстрактных формулировках, порождающих неоднозначность толкования. Все это создает сложности для процесса имплементации норм международного права в национальное законодательство государств. Это требует систематических усилий участников международно-правового общения по уточнению и систематизации национальных правовых актов и их применению, созданию международных механизмов унификации национально-правовой практики противодействия ТОП. Формирование таких механизмов должно осуществляться на основе общепризнанных принципов и норм международного права с использованием международно-правовых стандартов уголовного правосудия;

в) вывод о том, что для российского уголовного законодательства характерно отсутствие *системного подхода* к имплементации конвенционных норм, что выражается в конкуренции составов преступлений (например, статьи 126, 127.1 и 127.2 УК РФ);

г) в целях совершенствования уголовного законодательства предлагается в системном единстве, по всем составам преступлений, относящимся к ТОП, усилить меры уголовной ответственности.

6. Обоснована позиция включения в международные договоры, заключаемые Россией, таких норм, которые регламентировали бы различные правовые вопросы взаимодействия правоохранительных органов в борьбе с ТОП. В диссертации заслуживает особого внимания положение о необходимости совершенствования международного *механизма* по борьбе с ТОП. Первым шагом могло бы стать создание в рамках ООН межгосударственного Международного комитета по мониторингу ситуации ТОП, системному анализу деятельности Интерпола, оценке эффективности средств правового воздей-

ствия, направленных на борьбу с деятельностью транснациональных преступных группировок. Все эти меры должны способствовать повышению эффективности международного сотрудничества по борьбе с ТОП.

7. Обосновывается предложение, согласно которому необходимо инициировать создание «Центров антикриминальной подготовки» на базе соответствующих силовых структур, в которых целесообразно проводить специализированную подготовку сотрудников правоохранительных органов, способных осуществлять эффективную борьбу с различными формами ТОП, специфичными для регионов нашей страны (московский регион, Северный Кавказ, Восточная Сибирь, Приморье), а также предоставлять специализированным подразделениям необходимые ресурсы для борьбы с указанными видами преступлений.

Теоретическая и практическая значимость диссертации. Теоретическое значение диссертации состоит в том, что оно направлено на научное осмысление сложного явления правовой жизни современного общества – транснациональной организованной преступности и способов повышения эффективности международного сотрудничества по борьбе с ней. Результаты исследования дают возможность глубже раскрыть и объяснить причины распространения транснациональной организованной преступности во всем мире, предложить рекомендации по совершенствованию государственной правовой идеологии, концепции и программы борьбы с указанным негативным явлением, а также разработать предложения о повышении эффективности международно-правовых механизмов противодействия ТОП.

Выводы и рекомендации диссертанта позволяют сформулировать новеллы в правотворческом процессе, развивать международно-правовую юридическую технику. Диссертация также содержит ценный познавательный материал, который можно использовать в учебном процессе в ходе преподавания учебных дисциплин «Международное право», «Уголовное право», спецкурсов «Международное уголовное право», «Международное сотрудничество по борьбе с преступностью» и др.

Апробация результатов исследования. Основные положения и выводы диссертации излагались на научно-практической конференции, проводимой в Уфимском филиале Уральского государственного юридического университета в 2010 г., а также научных семинарах кафедры международного права, проводимых в Казанском (Приволжском) Федеральном университете в 2009-2015 г.г. Результаты исследования использовались в учебном процессе – в рамках курса международного права в Уфимском филиале УрГЮУ.

Структура диссертации. Текст диссертации состоит из введения, трех глав, подразделенных на параграфы, заключения, приложения и списка литературы.

Глава 1. Понятие и виды транснациональной организованной преступности

Транснациональная организованная преступность (ТОП) – новый вызов современным государствам, переживающим эпоху глобализма, международной экономической интеграции и торговли, международного разделения труда, миграции и туризма населения и т.д. Это не только относительно новый тип правонарушений, но и социальное явление, с которым современные государства ведут активное противоборство.

В настоящей главе автор даст юридическую оценку транснациональной организованной преступности, а также сопроводит эту оценку соответствующими социальными характеристиками, определив при этом наиболее актуальные формы ее проявления.

Прежде всего, следует определиться с природой изучаемого явления, т.е. его сущностными характеристиками.

В качестве исходного рабочего определения примем приводимую ниже дефиницию, взяв за основу, как теоретические разработки⁹, так и конвенционные положения.

Транснациональная организованная преступность – это социальное антиправовое явление, представляющее собой последовательную целенаправленную систему преступных деяний (активных действий) одной или нескольких преступных группировок, организованных на основе национальных, родственных, профессиональных или иных связей, действующих на территории нескольких государств в целях совершения правонарушений и извлечения прибыли или иного запрещенного дохода.

Сущность исследуемого явления, по нашему мнению, имеет *множественную природу* – социальную, политическую, национально-этническую, религиозную и собственно правовую.

⁹ См., например: Ромашов Ю.С. Международное правоохранительное право. М., 2010. С.110-111.

Главный аспект заключается в том, что транснациональная организованная преступность – это порождение противоречий современного общества, затрагивающее все слои – от низших социальных групп и слоев до политической и властной элиты. В борьбе с транснациональной организованной преступностью активно используются все ресурсы (административные, кадровые, материальные, информационные, военные и т.д.), которыми располагает современная политическая власть.

Второй аспект заключается в том, что транснациональная организованная преступность – это явление, с которым борются, в основном, правовыми средствами, в силу чего это явление с необходимостью включается в орбиту правового регулирования, правовых запретов и юридической ответственности. Именно поэтому мы считаем природу транснациональной организованной преступности множественной.

Что означает выражение «юридическая характеристика» применительно к понятию ТОП?

На наш взгляд это – синоним выражений «юридическая сущность», «правовая регламентация», «юридическая оценка». Однако, поскольку автор не является сторонником концепции юридического позитивизма¹⁰, а склонен, скорее, к использованию методов социологического правоведения¹¹, то в силу своих исходных познавательных установок, он видит свою исследовательскую задачу в анализе явлений не только с помощью правовых подходов и оценок. Было бы логично рассматривать транснациональную организованную преступность как сложное социальное явление, имеющее глубокие корни в современных государственных сообществах и требующее к

¹⁰ Методология юридического позитивизма предполагает стремление к логико-математическим операциям при анализе нормативного материала, отвлечение от конкретно-исторического анализа (См. подробнее: Пяткина С. А. О правовой теории русского юридического позитивизма // Правоведение. 1964. № 4. С. 116 – 120).

¹¹ Социологический подход в правоведении означает изучение правовых феноменов и явлений социальной жизни в синергетическом единстве, т.е. право анализируется через призму эмпиризма и общественной детерминации (См. подробнее: Гревцов Ю.И. Социология права: Статус. Метод. Предмет // Правоведение. 1996. № 1. С. 47 – 57).

себе самого пристального правового изучения и правовых средств реагирования и социального контроля.

§ 1. Транснациональная организованная преступность: понятие, юридическая природа и причины распространения

Логика научного исследования требует, чтобы в своем научном движении автор настоящей диссертации в данной части работы попытался решить две методологически важные задачи. От их решения будет зависеть, в конечном счете, успех всего нашего научного проекта.

Первая задача сводится к четкому выявлению тех *реальных объектов* социальной действительности, которые относятся к явлению, именуемому «транснациональная организованная преступность». Это такие объекты, которые мы будем подвергать научному анализу, своего рода «эмпирическая база» нашего исследования. Решение этой задачи видится в том, что автор должен предъявить *факты*, которые в наибольшей степени адекватны истинной природе, сущности ТОП. На основе обзора этих фактов и применения дедуктивных методов научного исследования следует попытаться сформулировать *причины* ТОП в современных условиях, а также факторы, способствующие ее распространению.

Вторая методологически важная задача заключается в том, что на основе решения первой задачи, обозревая факты, доказывающие *реальность* феномена транснациональной организованной преступности, автор должен обратиться к характеристике ТОП «в снятом виде», освобожденном от частных деталей, что подразумевает выяснение существенных черт, признаков интересующего явления, а также формулировку «рабочего определения» понятия ТОП, опирающегося как на международную, так и национальную практику.

Выдвижение указанных научных задач связано с авторским убеждением в том, что транснациональная организованная преступность как любое

реальное явление объективного мира может быть изучено и достоверно понято с помощью методологических средств материалистической диалектики – этого мощного инструмента познания любых явлений и процессов. Поэтому, думается, что к нашему научному предмету – ТОП – применимы такие категории диалектики, как «явление», «сущность», «причина», «следствие» и т.д.

В качестве эмпирической основы дальнейшего правового осмысления интересующего нас объекта, приведем несколько фактов и цифровых данных, подтверждающих реальность, распространенность и опасность этого антисоциального явления – транснациональной организованной преступности.

Так, в марте 2010 г. Информационное агентство РосБалт сообщило, что наркодилеры поставляли гашиш из Ирана в Подмосковье. Преступники (граждане нескольких государств, входящих в преступную группу) преданы суду. «Основным источником поступления наркотиков на территорию страны являются транснациональные преступные группировки. Согласно Стратегии национальной безопасности РФ до 2020 года, прекращение их незаконной деятельности рассматривается в числе приоритетных задач», - заявил заместитель начальника РУФСКН по Краснодарскому краю Александр Петухов (из пресс-конференции, приуроченной к Всемирному дню борьбы с наркотиками и наркобизнесом, которая состоялась 1 марта 2010г. в Сочи)¹².

Другой пример связан со стремительным развитием Интернета (на конец 2014 г. в России насчитывалось более 76,3 млн. пользователей, что составило 62 % населения страны). Речь идет о том, что преступные сообщества организовали онлайн-продажи пиратских аудио- и видеоматериалов. Теперь ассортимент «товаров» включает наркотики, проституток, угнанные автомобили, оружие, подложные документы и даже человеческие органы для трансплантации. Понятно, что эта преступная деятельность не может ограничи-

¹²www.rosbalt.ru/2010/03/02/717028.html. Последнее обращение автора 07.03.2013.

ваться одним географическим ареалом, одной страной. Преступления совершаются столь масштабно только в рамках преступной кооперации международных преступных группировок.

Также, по данным МВД России, в 2005 г. в стране было зафиксировано около 15 тысяч преступлений с использованием компьютерных технологий, причем почти 80 % из них – неправомерный доступ к информации и мошенничество. Особый интерес преступников вызывает конфиденциальная информация – сведения о банковских счетах и коды доступа пластиковых карт. Действия отдельных лиц представляют и более серьезную угрозу – они вербуют и финансируют террористов, торгуют оружием, наркотиками и людьми¹³.

Говоря о разнообразии видов преступлений, относящихся к категории транснациональных, следует отметить, что в последние годы не снижается активность международных преступных группировок по отмыванию денег, как и не снижается активность правоохранительных органов по борьбе с указанным видом правонарушений. Так, в 2004 г. Росфинмониторингом проанализировано 25380 сомнительных финансовых операций. По 3260 материалам проведено расследование. В правоохранительные органы направлено 1720 материалов, на общую сумму 170 миллиардов рублей¹⁴.

По данным Росфинмониторинга, им во взаимодействии с другими государственными органами в результате проверки осуществления закупок товаров, работ и услуг, контролируемых лицами, зарегистрированными в офшорных юрисдикциях, за период 2013-2014 гг. выявлен целый ряд исполнителей по многомиллиардным контрактам на общую сумму свыше 275 млрд. рублей, имеющих учредительские связи с иностранными компаниями. К примеру, установлено хищение бюджетных денежных средств в рамках государственного контракта по опытно-конструкторской работе на сумму более 500 млн. руб. Часть из похищенных средств в размере более 150 млн.

¹³Российская газета. 2006. 20 апреля.

¹⁴Российская газета. 2005. 25 февраля.

руб. была переведена на счета аффилированной с обвиняемыми американской компании. В результате совместных мероприятий в доход государства в настоящее время возмещено 130 млн. руб.

Следует отметить еще одну группу рисков – риски социальной напряженности, в первую очередь связанные с пресечением фактов финансирования терроризма и экстремизма. В 2014 г. в Перечень организаций и физических лиц, в отношении которых имеются сведения об их причастности к экстремистской деятельности или терроризму было включено 4139 физических и юридических лиц. Из них по российскому списку – 3610 физических лиц и 61 организация. По международному списку – 380 физических лиц и 88 иностранных организаций. По линии противодействия финансированию терроризма и экстремизма было проведено более 6 тысяч финансовых расследований. По данным материалам возбуждено 62 уголовных дела, 32 – переданы в суд, вынесено 15 обвинительных приговоров.

В 2014 г. Росфинмониторингом во взаимодействии с УФСКН России по г. Москве проведено финансовое расследование по фактам незаконного оборота в целях сбыта сильнодействующего вещества и легализации преступных доходов в размере 32,1 млн. рублей с виртуальных кошельков организаторов преступлений. В ходе расследований была выявлена единая межрегиональная схема, действовавшая в 2012-2013 гг. под управлением международной преступной группы и направленная на незаконное распространение сильнодействующего вещества на территории Московской, Ростовской, Новосибирской, Калининградской областей и Приморского края. По материалам Росфинмониторинга УФСКН России по г. Москве возбуждено уголовное дело по признакам состава преступлений, предусмотренных ч.3 ст.234 УК РФ и ч. 4 ст. 174.1 УК РФ. По приговору суда осужденным назначено наказание до 6 лет лишения свободы с конфискацией имущества общей стоимостью 30 тыс. долларов США и 6,1 млн. руб.¹⁵

¹⁵ См.: Электронный ресурс: URL: www.fedsfm.ru (дата обращения: 20 мая 2015 г.).

Представление о широком распространении явлений, относящихся к ТОП, дополняет следующий факт. Департаментом экономической безопасности (ДЭБ) и Следственным комитетом при МВД России была пресечена деятельность международной организованной группы, которая с 2007 г. занималась незаконной банковской деятельностью. Эта группа легализовала денежные средства в размере более 30 млрд. рублей, 440 млн. долларов и 123 млн. евро.

В отношении организаторов группы были возбуждены уголовные дела по признакам составов преступлений, предусмотренных статьями «Незаконная банковская деятельность» и «Легализация (отмывание) денежных средств полученных преступным путем».

Преступная группа занималась незаконными банковскими операциями, связанными с открытием и ведением банковских счетов фирм-«однодневок», осуществляла кассовое обслуживание физических и юридических лиц, проводила расчеты по поручению юридических лиц, занималась куплей-продажей иностранной валюты. За оказанные услуги злоумышленники взимали 1-7% от суммы перечисляемых денежных средств. В преступных схемах было задействовано 3 коммерческих банка, 72 российских и 7 иностранных подконтрольных организаций.

С целью предотвращения сокрытия следов преступления были арестованы счета фирм-«однодневок», на которых находилось свыше 72 млн. рублей¹⁶.

Эксперты российских силовых структур, анализируя данные последних лет, считают, что преступники (как одиночки, так и группировки) все активнее стремятся перенести поле своей деятельности за границу. Российские мафиозные структуры стремятся к господствующему положению в распределительной сфере, пытаются влиять на развитие политических процессов, монополизировать противоправную деятельность, в том числе транснационального характера. По оценкам МВД, из трех тысяч преступных

¹⁶См.: URL: www.finansmag.ru/news. (дата обращения: 01.03.2014).

формирований, действующих на территории России, каждое десятое имеет связи с зарубежной криминальной средой. Причем члены «русской мафии» начинают захватывать командные посты в интернациональных преступных сообществах.

Ежегодно при содействии международной полиции задерживается до 7 тысяч преступников. Например, по состоянию на 1 июня 2009 г. в розыске по каналам Интерпола по инициативе России значились 1293 обвиняемых и осуждённых по различным преступлениям. За убийство разыскиваются 320 человек, за мошенничество - 309, за причастность к террористической деятельности - 103, за грабежи, разбои, вымогательство – 167, за контрабанду – 76, за преступления, связанные с наркотиками – 58.

В качестве примера успешного сотрудничества с Интерполом можно привести розыск ряда российских граждан, являвшихся членами «ореховского» ОПС и объявленных в международный розыск Прокуратурой г. Москвы.

Из этого краткого набора фактов можно сделать следующее умозаключение. Транснациональная организованная преступность как относительно распространенное антисоциальное явление – это криминальный феномен современной цивилизации конца XX – начала XXI веков. Не случайно, борьба с ТОП обозначается Президентом России В.В. Путиным в качестве одной из основных задач по обеспечению безопасности стран СНГ. В этой связи будет востребована Программа сотрудничества в укреплении пограничной безопасности на 2016-2020 годы, которая предусматривает возможность формирования группировки пограничных и иных ведомств для урегулирования кризисных ситуаций на границе. Названный документ существенно повысит отдачу от общих усилий по борьбе с транснациональной преступностью, в том числе с наркотрафиком¹⁷.

Все вышеприведенные факты (их ряд можно было бы продолжать) говорят не только о распространенности правонарушений, относящихся к ТОП,

¹⁷ См.: Российская газета. 2015. 16 октября.

но и об острой потребности общества и правоохранительных органов во всестороннем осмыслении юридической наукой этого вида преступности.

В чем же заключаются *причины* распространенности данного вида криминальных деяний?

По нашему мнению, отвечая на поставленный вопрос, следует исходить из более общих посылок. Причина, согласно Философскому энциклопедическому словарю, это «явление, действие которого вызывает, определяет, изменяет, производит или влечет за собой другое явление»¹⁸. Это означает, что причинами транснациональной организованной преступности является совокупность социальных явлений и процессов, порождающих существование и функционирование транснациональных преступных группировок и синдикатов (объединений) как глобального социального явления и отдельных случаев их проявления.

Можно выделить две группы причин ТОП.

К первой относятся *общие причины преступности*, ко второй группе – *частные причины* транснациональных преступлений, совершенных организованными группами.

Иначе говоря, выясняя собственно причины транснациональной организованной преступности, мы не можем не сформулировать *типы* причин:

- а) *общие* причины (т.е. причины преступности как социального явления в целом);
- б) *частные* причины транснациональной организованной преступности;
- в) причины *конкретного преступления*, входящего в группу ТОП;

Дополнительно также следует назвать *условия*, способствующие совершению ТОП, которые сами не вызывают намерения совершить преступления, но без наличия этих условий преступление было бы совершить трудно и даже невозможно.

¹⁸Философский энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1983. С. 531 - 532.

Обозначим даваемую юридической наукой общую картину причин правонарушений в современном обществе.

Если отбросить биосоциальную (антропологическую) теорию в интерпретациях Ч. Ломброзо¹⁹, Э. Ферри²⁰, З. Фрейда²¹ как опровергнутую многократно криминологической теорией и юридической практикой²², то социальная теория говорит о том, что преступное поведение является следствием совокупности социальных связей и социальных факторов, в рамках которых преобладают антиобщественные взгляды, поступки и состояния²³.

Классик советского уголовного права М.Д. Шаргородский писал: «Причинами преступности в широком смысле этого слова можно считать все те обстоятельства, без которых она не могла бы возникнуть и не может существовать. Но не все эти обстоятельства играют одинаковую роль. Одни из них создают лишь реальную возможность преступных мотивов, а другие превращают эту возможность в действительность. Поэтому первые следует рассматривать как условия, а вторые как причины...»²⁴.

¹⁹Например, одна из первых научных попыток объяснить природу преступного поведения с позиции биологизаторского подхода принадлежит итальянскому тюремному врачу Ч. Ломброзо, разработавшему «антропологическую» теорию преступности. По концепции Ч. Ломброзо борьба с преступностью должна опираться на насилие, казни, тюремную изоляцию людей, классифицируемых как «врожденные» преступники (См.: Ломброзо Ч. Преступный человек. М.: Эксмо, 2005. 880 с.).

²⁰См.: Энрико Ферри. Уголовная социология. М.: Инфра-М, 2009. 658 с. Критику теории Э. Ферри см. подробнее: Кондратюк Л.В. Антропология преступления (микркриминология). М.: Норма, 2001. С. 114-123.

²¹ См.: Фрейд З. Психопатология обыденной жизни. М.: Азбука-классика, 2008. 224с. Изучая различные отклонения от стереотипов обыденного поведения, странные дефекты и сбои, ученый приходит к выводу, что они свидетельствуют о глубинных нарушениях психики, о симптомах психоневроза. Анализируя многочисленные случаи таких отклонений, он приходит к выводу, что «граница между нормальным и ненормальным в области нервозности непрочна и что все мы немного нервозны... подобные симптомы оказываются в силах нарушить питание, сексуальные отправления, обычную работу, общение с людьми».

²²См. подробнее: Дубинин Н.П., Карпец И.И., Кудрявцев В.И. Генетика. Поведение. Ответственность. М.: Политическая литература, 1989. С. 104-139.

²³Белоглазов В.А. Причинный комплекс преступности: вопросы теории и методологии: М., 2003. С. 23.

²⁴Шаргородский М.Д. Преступность, ее причины и условия в социалистическом обществе //Преступность и ее предупреждение. Л., 1966. С.30.

Следовательно, важно различать причины преступности и факторы, ей способствующие. В этой связи, например, антиобщественная ориентация личности, искажение системы личных ориентаций, дефекты правового сознания являются субъективными причинами преступности, тогда как низкий уровень жизни, неразвитость производства, низкий культурный уровень населения, его необразованность – ее факторами.

Оригинальный взгляд на данную проблему высказывает Ю.М. Антонян. Данный автор к числу причин преступности относит отчуждение и одиночество, переживание, угрозы со стороны окружающего мира и даже особое отношение к смерти²⁵.

Как отмечают современные исследователи Г.Т. Журавлев и Е.В. Ковалевская, «представляется целесообразным классифицировать причины преступности по: а) происхождению; б) глубине воздействия; в) природе; г) сферам социальной жизни; д) уровню действия»²⁶. Следует согласиться с указанными авторами в том, что «... причины преступности целесообразно, прежде всего, искать в экономических отношениях. Например, рыночным отношениям изначально присущи причины и условия преступности. Конкуренция, которая не всегда ведется нравственными методами, погоня за прибылью, громадная разница между богатыми и бедными и т.п. – все это неизбежно порождает преступность»²⁷. Кроме того, в литературе к общей причине транснациональной преступности относят транснационализацию российского бизнеса, переход многих российских компаний к слияниям и поглощениям, выходу за пределы национальных границ ведения бизнеса²⁸.

²⁵См.: Антонян Ю.М. Почему люди совершают преступления. Причины преступности. М.: ИД «Камерон», 2006.

²⁶Журавлев Г.Т., Ковалевская Е.В. Криминология. Учебное пособие. Московский государственный университет экономики, статистики и информатики. М., 2007. 128 с. С. 54-55.

²⁷ Там же, с. 54-55. См. также: Макайвер Р. Социальные причины преступности: Пер. с англ. // Социология преступности. М.: Прогресс, 1966. С. 75 – 81; Антонян Ю.М. Причины преступного поведения. М., 1992.

²⁸См. об этом: Березной А. Транснационализация российского бизнеса // Мировая экономика и международные отношения. 2008. № 11. С. 32-43.

Экономическое явление, для которого характерна конкурентная борьба, сопряжено с тем, что российские преступные группы осуществляют экспансию за рубеж. Основными причинами данного процесса являются: 1) реакция на малопривлекательные (с точки зрения ТОП) условия ведения легального бизнеса; 2) уголовно-правовой, административно-правовой, налоговый контроль органов государства; 3) конкурентная борьба экономических группировок, приводящая к «выдавливанию» нежелательных структур с «подконтрольной» территории.

Важную роль играют социальные отношения. Среди них, в первую очередь, можно выделить национальные отношения и отношения неравенства. Разжигаемая в последние годы национальная вражда порождает терроризм, торговлю оружием и другие тяжкие преступления. Социальные конфликты, которые ведут к преступлениям, могут отражать недовольство человека своим статусом, материальным положением, образованием и т.п. Этому же способствует ослабление социального контроля, падение нравственных устоев и др.

Не менее существенную роль в стимулировании преступности играют политические интересы, которые разводят людей на разные полюса. В борьбе за власть используются различные средства, в том числе и преступные.

Утрата духовных ценностей, массовый атеизм, падение нравственности, деградация системы образования и недооценка сферы культуры – все это также либо способствует, либо не тормозит, не сдерживает противоправное поведение отдельных граждан и больших групп людей»²⁹.

В качестве причин *транснациональной организованной преступности*, как специфической группы социальной девиации, в специальной литературе называют следующие.

Так, В.А. Яценко пишет: «Перерождение организованной преступности в транснациональную обусловлено социально-экономическими коллизиями.

²⁹ Журавлев Г.Т., Ковалевская Е.В. Указ. соч. С. 58; см. также: Криминология / под ред. А.И. Долговой. М.: Норма, 2005. С. 250-271.

Однако основной причиной развития уже сформированных организованных преступных связей в криминальной среде разных государств, их международной интеграции и преобразования в транснациональную организованную преступность можно назвать технологический прогресс и процессы глобализации.

К детерминантам транснациональной организованной преступности, особенно этнической, следует отнести либеральную миграционную политику европейских стран, базирующуюся на абсолютизации прав человека, а также «отсутствие концепции миграционной политики в ряде стран бывшего СССР»³⁰. Представляется, что позиция В.А. Яценко может быть подвергнута критике, поскольку сами по себе такие явления как технологический прогресс и глобализация не являются звеньями одной причинно-следственной цепочки. Указанные обстоятельства скорее можно рассматривать как те благоприятные условия, в которых транснациональная организованная преступность получает импульс к развитию.

Более дифференцированную позицию по обсуждаемому вопросу занимает И.В. Годунов. В своей диссертации он отмечает, что «причины транснациональной организованной преступности в России подразделяются на причины экономического характера, социального и нравственного. Основная причина зарождения транснациональной организованной преступности в России – полное низложение базисных экономических отношений, которое разрушительным образом действует на все остальные жизненно важные сферы, является питательной средой не только для экономических правонарушений, но и для всей преступности.

Основными *условиями*, обеспечивающими существование транснациональной организованной преступности в Российской Федерации, являются:

³⁰Яценко В.А. Транснациональная организованная преступность: Криминологическая характеристика и предупреждение: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Ростов-на-Дону. 2003. С. 7-8.

ограниченность экономических ресурсов для надлежащего обустройства государственных границ; утрата золотого паритета всех без исключения национальных валют; формирование так называемой «виртуальной экономики»; отсутствие необходимых законов о борьбе с организованной преступностью вообще, а с транснациональной в особенности, надежно работающей правоохранительной системы, жесткого валютного, финансового, банковского, налогового и иного экономического контроля, хорошо обустроенных границ и четко налаженной таможенной и миграционных служб; беспрецедентная продажность должностных лиц и других государственных чиновников, в том числе и в системе уголовной юстиции; нищенское положение значительной части населения; масса выброшенных государством людей, в том числе и высококлассных специалистов, желающих выжить любым путем; монополизация мировой экономики; всеобъемлющий кризис административного управления; разрушение национальных менталитетов и культур, подрыва этических и нравственных основ общества; наличие в России незаконной миграции; глобализация общества в целом»³¹.

Авторы монографии «Транснациональная организованная преступность: дефиниции и реальность» называют в качестве главной причины распространения ТОП взаимосвязь ее генезиса с процессом мировой экономической глобализации³². При этом не ясно, каков механизм такой взаимосвязи и каковы направления его действия. Поэтому данное мнение нельзя признать обоснованным. Кроме того, в этой монографии приведена слишком общая формулировка причины ТОП, не показывающая специфики причинности последней.

Исходя из изложенного, приведенный выше перечень причин ТОП следует дополнить *перечнем условий*, способствующих дальнейшему развитию данного негативного явления. При формировании перечня мы будем опи-

³¹Годунов И. В. Транснациональная организованная преступность в России (Пути и формы противодействия): дис. ... д-ра юрид. наук. Рязань, 2002. С. 5-20.

³² См.: Транснациональная организованная преступность: дефиниции и реальность / отв. ред. В.А. Номоконов. Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та. 2001. С. 17.

раться на методологически важное суждение В.Н. Кудрявцева о том, что условия преступления «образуют общий фон событий и явлений, на котором данное явление существует и практически не влияют на его развитие, хотя и могут в известной мере определять его форму»³³. На основе изучения условий ТОП нами произведено их обобщение с последующим изложением в виде заявленного перечня, приводимого ниже.

1. Длительная унификация условий жизни людей, при которой становится возможным перенесение преступного поведения в иную культурную, языковую и социально-правовую среду.

2. Распространение преступности внутри страны таково, что пределы одного государства становятся малы, для извлечения сверхприбылей необходима кооперация с другими преступными группировками, объединение возможностей, средств, ресурсов и др.

3. Унификация законодательства стран, в широком смысле – глобальная унификация нормативно-правового регулирования (право Евросоюза, законодательство Британского Содружества, СНГ и т.д.), в результате чего члены преступных синдикатов в правовой системе другого государства чувствуют себя не менее комфортно, чем в родной стране.

4. Стирание этнических, языковых, культурных особенностей народов и стран. Так, английский язык как язык мирового международного общения становится эффективным средством налаживания контактов и кооперации членов преступных группировок.

5. Духовный кризис человечества и отдельных народов и стран, при котором миру становятся навязанными массовой культурой космополитические ценности и стяжательский образ жизни, система ценностей, при которой оправданным становится любой (в том числе неправовой) путь к личному обогащению.

³³Кудрявцев В.Н. Причинность в криминологии (О структуре индивидуального преступного поведения). М.: ТК Велби, Изд-во Проспект, 2007. С. 101.

6. Экономическое условие: рост прибылей от транснациональной организованной преступной деятельности вследствие расширения ареалов осуществления последней, углубления специализации между группами, входящими в ТОП и более четкого взаимного разделения функций; повышение прибылей вследствие рационализации преступной деятельности, использования передовых технологий и выдавливания конкурирующих группировок из страны пребывания.

7. Возможность исключения между преступными группировками разных стран крупных конфликтов.

Дополнить данный перечень *факторов* ТОП следует важным суждением Ю.А. Воронина, который справедливо отмечал, что «существенное влияние на динамику транснациональной организованной преступности оказывает также фактор «международной неуправляемости»... интенсивность транснациональной криминальной активности находится в корреляционной связи ... с падающей способностью правительств управлять современным государством»³⁴. Чтобы убедиться в справедливости суждения данного автора, достаточно привести примеры некоторых государств Центральной Азии, где огромные территории периодами остаются вне контроля правительств (Киргизия).

Говоря же о факторах *конкретного* преступления, относящегося к ТОП, следует в качестве таковых назвать криминогенную мотивацию личности, базирующуюся на ее антиобщественной установке. Она складывается у лица постепенно под влиянием двух групп условий. К первой относятся условия, формирующие потребности, интересы, ценностные ориентации личности, искажения и деформации которых образуют основу криминогенной мотивации и ее внутреннюю содержательную сторону. Условия второй группы непосредственно относятся к процессу совершения преступления, создают

³⁴Воронин Ю.А. Транснациональная организованная преступность. Екатеринбург: Изд-во УрГЮА, 1997. С. 25.

конкретную криминогенную ситуацию. Взаимодействуя с личностными особенностями, они вызывают намерение и решимость совершить преступление.

Таким образом, совершение конкретного преступления в рамках ТОП является результатом взаимодействия образовавшихся под воздействием неблагоприятных жизненных условий негативных нравственно-психологических свойств личности и внешних объективных обстоятельств, образующих криминогенную ситуацию.

На основе неблагоприятных условий нравственного формирования личности создаются предпосылки, рассматриваемые как возможность совершения преступления определенным лицом. На основе конкретной ситуации сложившаяся у лица криминогенная мотивация реализуется в совершаемом преступлении.

Углубляя наш анализ транснациональной организованной преступности, отметим, что необходимым условием объективного и всестороннего познания будет выработка такого понятия изучаемого явления, которое стало бы адекватным действительности. Такое понятие можно будет использовать в качестве операционального (т.е. рабочего, применяемого в качестве познавательного инструмента на протяжении всего научного исследования).

Общеизвестно, что в понятии всегда должны быть отражены признаки и существенные стороны явлений и предметов. Развивая эту мысль, Е.К. Войшвилло пишет, что «понятие как форма (вид) мысли, или как мысленное образование, есть результат обобщения предметов некоторого класса»³⁵. Это, в свою очередь, подразумевает разграничение понятия ТОП со смежными или близкими конкурирующими понятиями.

Реализуя намеченную стратегию исследования, отметим, что родовым понятием по отношению к понятию «транснациональная организованная преступность» является понятие «организованная преступность». Поэтому остановимся на его особенностях. При этом следует учитывать, что в науч-

³⁵Войшвилло Е.К. Понятие как форма мышления: логико-гносеологический анализ. М.: МГУ, 1989. С. 91.

ной литературе понятие организованной преступности трактуется по-разному³⁶.

Так, в книге «Организованная преступность: состояние и тенденции (материалы исследования)» отмечается, что ее следует рассматривать «как сложную систему социальных связей и экономических отношений по поводу извлечения незаконной прибыли. А уж в систему данных отношений включается и общеуголовная преступность, т.е. определенные организационные структуры общеуголовной среды. Только при таком сочетании и взаимопроникновении можно говорить об общеуголовной преступности как организованной»³⁷. Далее один из авторов книги – Ю.А. Воронин – называет следующие признаки организованной преступности: 1) это система преступных сообществ; 2) качественная и территориальная многоуровневость с разделением сфер влияния; 3) достижение целей преступного бизнеса; 4) корыстная связь с представителями государственного аппарата³⁸.

Для нашего исследования важно признать, что организованную преступность как таковую образует *группа преступных индивидов*, организованная на основе иерархического, национального, родственного, профессионального и др. единства. Без этого доминирующего, социологического по своей природе, фактора само понятие организованной преступности лишено смысла.

³⁶ Гуров А.И. Профессиональная преступность: прошлое и современность. М.: Юрид. лит. 1990; он же. Организованная преступность в СССР // Погружение в трясину: (Анатомия застоя) / сост. и общ. ред. Т.А. Ноткиной. М.: Прогресс. 1991; Ярочкин В.И. Организованная преступность. Откуда исходит угроза. М.: «Ось-89». 1995; Воронин Ю.А. Сущность и тенденции развития организованной преступности // Организованная преступность: состояние и тенденции (материалы исследования). Екатеринбург, 1995; Транснациональная организованная преступность: дефиниции и реальность / отв. ред. В.А. Номоконов. Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та. 2001; Долгова А.И. Преступность, ее организованность и криминальное общество. - М., 2003; Мухин А.А. Российская организованная преступность и власть. История взаимоотношений. М.: Изд-во Центр политической информации. 2003; Пол Ланд. Организованная преступность. Тайная история самого прибыльного бизнеса в мире. АСТ, Астрель, 2005; и др.

³⁷ Организованная преступность: состояние и тенденции (материалы исследования). Екатеринбург, 1995. С. 10.

³⁸ См.: Там же. С. 11-12.

Сходные взгляды по обсуждаемому вопросу имеют М. Микумс и Д. Шор, которые называют следующие признаки организованных преступных групп:

- 1) состоят как минимум из трех человек;
- 2) преступная деятельность продолжается в течение длительного времени;
- 3) целью преступников является получение прибыли или приход во власть;
- 4) ими совершаются, как правило, тяжкие преступления³⁹.

В авторитетных юридических и программных документах также уделяется внимание чертам ТОП. Например, в Итоговом документе Международного семинара ООН по вопросам борьбы с организованной преступностью (Суздаль, октябрь 1991 г.) отмечаются следующие черты ТОП:

- преступность приобретает характер промысла;
- наличествует система защиты от социального контроля с использованием насилия, запугивания, коррупции, крупномасштабных хищений;
- существует направленность на получение прибыли незаконным способом.

В итоговом документе Семинара отмечалось, что процесс развития организованной преступности и ее формы в разных странах различаются, хотя есть и общие закономерности. Формирование преступных ассоциаций происходит под воздействием ряда социальных, экономических и правовых факторов.

В Докладе Генерального Секретаря ООН «Воздействие организованной преступности на общество в целом» на второй сессии Комиссии по предотвращению преступности и уголовному правосудию ЭКОСОС (апрель 1993 г.) названы следующие признаки:

³⁹ Микумс М., Шор Д. Организованная преступность в Соединенном Королевстве и деятельность Национальной службы по борьбе с преступностью // Организованная преступность: проблемы борьбы и предупреждения: Сб. науч. статей / отв. ред. А.Н. Тарбагаев. Красноярск: Краснояр. гос. ун-т, 2001. С. 16-25.

- извлечение незаконных экономических выгод путем предоставления незаконных товаров и услуг;
- предоставление законных услуг и товаров в незаконной форме;
- конспиративная преступная деятельность и координация;
- полная или частичная монополия;
- проникновение в доходные законные виды деятельности;
- привлечения в законные виды деятельности методов насилия, запугивания;
- размывание граней между организованной преступностью и преступностью «белых воротничков».

В Справочном документе к Всемирной конференции на уровне министров внутренних дел «Об организованной транснациональной преступности» (Неаполь, ноябрь 1994 г.) были отмечены такие черты ТОП, как:

- преступная предпринимательская деятельность путем предоставления запрещенных законом товаров и услуг или законных товаров, но по незаконным каналам;
- преступная деятельность, являющаяся почти всегда продолжением законных рыночных операций в областях, запрещенных законом;
- преступники руководствуются целью захвата рыночной ниши;
- преступный бизнес требует специальных навыков и профессионализма;
- использование специфических средств бизнеса: коррупции правоохранительных органов и внедрение своих людей в политические структуры.

В документах Организации Объединенных Наций, а точнее в Конвенции ООН против транснациональной организованной преступности, принятой в 2000 г., в ст. 2 употребляется понятие «организованная преступная группа». Это понятие трактуется как «структурно оформленная группа в составе трех и более лиц, существующая в течение определенного периода времени и действующая согласованно с целью совершения одного или нескольких се-

рьезных преступлений или преступлений ... с тем, чтобы получить, прямо или косвенно, финансовую или иную материальную выгоду»⁴⁰.

Как можно убедиться, ООН исходит из пяти признаков организованной преступности: 1) структурное оформление; 2) количественный признак (три и более лица); 3) временной признак; 4) признак кооперации деятельности («действующая согласованно»); 5) целевой признак (финансовая или иная материальная выгода»).

Думается, что вышеизложенный пятиэлементный состав признаков, при определении понятия «транснациональная организованная преступность» следует дополнить признаком, согласно которому эта деятельность носит межгосударственный, международный характер. Не случайно, в п.2 ст.3 Конвенции Организации Объединенных Наций против транснациональной организованной преступности (Палермо, 12 декабря 2000 г.), под преступлением транснационального характера понимается такое деяние, которое:

- совершено в более чем одном государстве;
- совершено в одном государстве, но существенная часть его подготовки, планирования, руководства или контроля имеет место в другом государстве;
- совершено в одном государстве, но при участии организованной преступной группы, которая осуществляет преступную деятельность в более чем одном государстве;
- совершено в одном государстве, но его существенные последствия имеют место в другом государстве.

Понятно, что это только общие ориентировочные признаки, которые следует дополнить рядом новых других важных признаков ТОП. В то же время становится очевидным, что преступления, которые совершаются в пределах одной страны, носят мононациональный характер, транснациональ-

⁴⁰Конвенция ООН против транснациональной организованной преступности/ Принята резолюцией Генеральной Ассамблеи от 15 ноября 2000 года // Международно-правовые основы борьбы с коррупцией и отмыванием преступных доходов: Сб. документов / Сост. В.С. Овчинский. М.: ИНФРА-М, 2004. С. 7.

ная же преступность – межгосударственный, многонациональный. Не случайно, приставка «транс -» означает движение через какое-либо пространство, в нашем случае, это организованные преступные акты, совершаемые через территорию, суверенные границы двух и более государств. Поэтому *важно разграничивать организованную общеуголовную преступность национального масштаба и транснациональную организованную преступность наднационального, межгосударственного масштаба.* С социальной и криминологической точек зрения, вторая разновидность представляет большую угрозу и обладает повышенной общественной опасностью, поскольку использует ресурсы и возможности, выходящие за пределы одной страны.

Продолжая поиск различий между ТОП и организованной преступностью отдельного государства, отметим, что в докладе Генерального секретаря ООН «Воздействие организованной преступной деятельности на общество в целом» на второй сессии Комиссии по предотвращению преступности и уголовному правосудию Экономического и социального совета ООН 13-23 апреля 1993 г. приведен перечень признаков, который раскрывает сущность данного явления, а именно:

«...а) организованная преступность – это деятельность объединений преступных лиц или группировок, объединившихся на экономической основе. Эти группировки очень напоминают банды периода феодализма, которые существовали в средневековой Европе. Экономические выгоды извлекаются ими путем предоставления незаконных услуг и те варов или путем предоставления законных услуг и товаров в незаконной форме;

б) организованная преступность предполагает конспиративную преступную деятельность, в ходе которой с помощью иерархически построенных структур координируются планирование и осуществление незаконных деяний или достижение законных целей с помощью незаконных средств;

в) организованные преступные группировки имеют тенденцию устанавливать частичную или полную монополию на предоставление незаконных

товаров и услуг потребителям, поскольку таким образом гарантируется получение более высоких доходов;

г) организованная преступность не ограничивается лишь осуществлением заведомо незаконной деятельности или предоставлением незаконных услуг. Она включает также такие изощренные виды деятельности, как «отмывание» денег через законные экономические структуры и манипуляции, осуществляемые с помощью электронных средств. Незаконные преступные группировки проникают во многие доходные законные виды деятельности;

д) когда участвующие в организованной преступной деятельности лица начинают заниматься законной коммерческой деятельностью, они обычно привносят в нее методы насилия и запугивания, которые применяются в незаконных видах деятельности».

На наш взгляд, приведенный выше перечень следует дополнить такими признаками, как 1) *целевой признак* (извлечение прибыли); 2) *организационный признак* (организуется группа на основе уже существующих социальных, этнических или деловых отношений, или вокруг конкретного материального объекта или незаконных возможностей); 3) *деятельностный признак*, для которого характерны такие действия, как запугивания, угрозы, насилие, которые используются для получения незаконных доходов и нейтрализации конкурирующих преступных групп; 4) *коррупционный признак* (применение коррупционных схем в целях ухода от правоохранительных органов и судебного преследования); 5) *лабильный признак*, заключающийся в способности организованных преступных групп всегда адаптироваться к изменениям и тенденциям спроса и предложения, деятельности правоохранительных органов, и т.д.

Таким образом, различия между внутригосударственной организованной преступностью и ТОП очевидны.

Помимо сказанного, преступлениям, относящимся к ТОП, присущи:

а) *многоэтапность*, т.е. совершение преступления в одном государстве, когда возникновение умысла на его осуществление,

планирование или последующая подготовка имели место на территории другого государства;

б) *распределенность*, т.е. совершение преступления в пределах одного государства, тогда как его существенные последствия имеют место в другом государстве;

в) *полисубъектность*, т.е. преступления совершают как физические лица, так и юридические лица, в совокупности образующие преступные группировки (об этом подробнее ниже);

г) *клановость*, т.е. транснациональные преступления совершают лица, объединенные в сообщество (объединение) на основе национальных, родственных, профессиональных или иных связей;

д) *высокодоходность*, т.е. транснациональные преступления дают их участникам систематический сверхвысокий доход (прибыль), одним из обязательных условий получения которого является распространение преступной деятельности на территории двух и более государств.

Далее попытаемся разграничить транснациональную организованную преступность от другого близкого, но не тождественного явления и отражающего его понятия, а именно от преступлений международного характера. Как пишет Ю.С. Ромашов, последние преступления «совершаются частными лицами и непосредственно *не связаны* (выделено мной – Д.В.) с деятельностью конкретных государств. В то же время объектом их посягательства являются как общественные отношения внутри государств, входящие в круг их правоохраняемых интересов, так и межгосударственные отношения⁴¹. К числу преступлений международного характера данный автор относит «незаконные акты, направленные против безопасности морского судоходства и стационарных платформ, расположенных на континентальном шельфе, захват заложников, которые

⁴¹ См.: Ромашов Ю.С. Концепция развития международного права и законодательства государств в области борьбы с преступлениями международного характера на море // Право и политика. 2000. №3. С.23.

представляют наибольшую опасность, когда носят террористический характер, а также пиратство, рабство и работорговлю, незаконный оборот наркотических средств и психотропных веществ, преступления в отношении ядерного материала, распространение денежных знаков, преступления в сфере нелегальной иммиграции, незаконный ввоз и вывоз культурных ценностей, несанкционированное вещание из открытого моря, разрыв и повреждение подводного кабеля или трубопровода, преступления, связанные со столкновением судов и неоказанием помощи на море при столкновении морских судов и др.»⁴².

Как можно убедиться, преступные акты, относящиеся к транснациональной организованной преступности, *нельзя* отнести к группе преступлений международного характера, так как последние посягают на охраняемые внутригосударственные отношения. Поэтому преступления международного характера *не охватывают группу* преступлений, относящихся к транснациональной организованной преступности⁴³.

В монографии «Транснациональная организованная преступность: дефиниции и реальность» отмечается, что «под транснациональной организованной преступной деятельностью понимается осуществление преступными организациями незаконных операций, связанных с перемещением потоков информации, денег, физических объектов, людей, других материальных и нематериальных средств через государственные границы с целью использования благоприятной рыночной конъюнктуры в одном или нескольких иностранных государствах для получения существенной экономической выгоды, а также для эффективного уклонения от социального контроля с помощью коррупции, насилия и использования

⁴²Ромашов Ю.С. Указ. соч. С.23.

⁴³ См. подробнее: Нигматуллин Р.В. Сотрудничество государств в борьбе с преступлениями международного характера в XX – начале XXI столетия (историко-правовой аспект). автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2007. 45 с.

значительных различий в системах уголовного правосудия разных стран»⁴⁴. Такое определение представляется весьма всеобъемлющим и широким. В то же время, если принять во внимание субъектный состав преступлений, охватываемых понятием «транснациональная организованная преступность», то это, прежде всего, физические лица, а также юридические лица, ими создаваемые в преступных целях, но никак не государства – участники международных отношений.

В.А. Номоконов в статье «Транснациональная организованная преступность и ее проявления на Дальнем Востоке России» не формулирует развернутого определения ТОП, но замечает, что, по его мнению, это «процесс мировой трансформации и глобализации организованной преступности, которая все более явственно превращается в угрозу уже не только национальной безопасности отдельных стран, но и миру, и безопасности человечества в целом»⁴⁵.

С суждением В.А. Номоконова о том, что ТОП есть процесс согласиться нельзя, поскольку это противоречит методологическим принципам изучения данной преступности. С этой точки зрения важно отметить, что транснациональная организованная преступность – это по существу нелегитимный субъект (организация, структура), которая проявляет себя в деятельности, процессе совершения преступлений в ряде государств. Другими словами, преступления, входящие в ТОП, – это результат деятельности конкретных преступных группировок, что никак не позволяет считать ТОП процессом мировой трансформации, как полагает В.А. Номоконов.

Белорусский ученый В. Меркушин трактует транснациональную организованную преступность как «общесоциальное явление, выражающееся

⁴⁴ Транснациональная организованная преступность: дефиниции и реальность. Монография / отв. ред. В.А. Номоконов. Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та. 2001. С. 30.

⁴⁵ Номоконов В.А. Транснациональная организованная преступность и ее проявления на Дальнем Востоке России // Организованная преступность: проблемы борьбы и предупреждения: Сб. науч. статей / отв. ред. А.Н. Тарбагаев. Красноярск: Красноярский гос. ун-т., 2001. С.32.

в широкомасштабной деятельности преступных организаций по предоставлению запрещенных товаров и услуг или незапрещенных товаров и услуг запрещенным способом, а также их иной преступной деятельности, систематически осуществляемой на территории нескольких стран с сосредоточением под своим контролем значительных финансовых ресурсов, использованием криминальной конкуренции и проникновением в национальную и международную экономику и политику»⁴⁶. Данное определение «схватывает» основные признаки ТОП, но, в то же время, содержит понятия, которые сами нуждаются в определении, например, таковыми являются «иная преступная деятельность», «значительные финансовые ресурсы».

А.Л. Репецкая определяет транснациональную организованную преступность как осуществление преступными организациями незаконных операций, связанных с перемещением потоков информации, денег, физических объектов, людей, других материальных и нематериальных средств через государственные границы с целью использования благоприятной рыночной конъюнктуры в одном или нескольких иностранных государствах для получения существенной экономической выгоды, а также для эффективного уклонения от социального контроля с помощью коррупции, насилия и использования значительных различий в системах уголовного правосудия разных стран⁴⁷. Данное определение, на наш взгляд, страдает излишней детализацией и потому не может быть принято без критики на теоретико-правовом и криминологическом уровнях. Уточняя суждение А.Л. Репецкой, отметим, что ТОП не всегда следует «благоприятной рыночной конъюнктуре», и даже, как показывают наши исследования, может функционировать вопреки ей. Так, в Афганистане отсутствует «благоприятная рыночная конъюнктура» (в экономическом

⁴⁶Меркушин В.В. Борьба с транснациональной организованной преступностью. Минск: Амалфея, 2003. 208. С. 23-24.

⁴⁷ См.: Репецкая А. Л. Транснациональная организованная преступность: дис. ... д-ра юрид. наук. Иркутск, 2001.388с .С 26.

смысле этого слова), тем не менее, наркотрафик, осуществляемый организованными преступными структурами, не прерывается, несмотря на усилия международного сообщества.

В западной юридической литературе проблеме транснациональной организованной преступности (Transnational organized crime) и ее понятийному анализу уделяется большое внимание⁴⁸.

Так, в коллективной монографии под редакцией Ф. Вильямса и Э. Савона «Объединенные Нации и транснациональная организованная преступность» (1996г.)⁴⁹ уделено внимание проблемам и опасностям, которые создает транснациональная организованная преступность в различных регионах мира, анализируется национальное законодательство и его соответствие требованиям борьбы с различными формами ТОП. Авторами формулируются соответствующие руководящие принципы для принятия законодательных и других мер, принимаемых на национальном уровне в целях борьбы с ТОП.

Для нашего исследования эта монография интересна тем, что ее авторы включают в понятие «транснациональная организованная преступность» такую разновидность правонарушений как отмывание денег и использование доходов от преступной деятельности⁵⁰.

В книге под редакцией Эмилио Вайано, Жозе Магеланса и Лоуренса Брейделя «Транснациональная организованная преступность. Мифы, власть и прибыль» (2003г.) реализован весьма распространенный в западной юридической литературе «страноведческий» подход, согласно которому *отсутствует единая природа* ТОП, но есть весьма своеобразные, обладающие спецификой в каждой стране транснациональные

⁴⁸См.: Transnational Organized Crime. Myth, Power, and Profit/Emilio C. Viano, José Magallanes, Laurent Bridel. Carolina academic press. Durham, North Carolina 2003. Питер Лилли. Грязные сделки. Тайная правда о мировой практике отмывания денег, международной преступности и терроризме. Феникс, Ростов-на-Дону, 2005.

⁴⁹См.: The United Nations and Transnational Organized Crime. By Philip Williams, Phil Williams (Editor), Ernesto U. Savona (Editor). 1996. 208 pp.

⁵⁰См.: Ibid, p. 161-169.

организованные группировки. В соответствии с указанным подходом, авторы рассмотрели ТОП в Колумбии, Перу, Мексике, на азиатском континенте (Мьянме и Лаосе), а также в Европе. Завершается данное исследование постановкой проблематики киберпреступности и кибербезопасности, которые, по мнению авторов, представляют собой новый, более технологически совершенный уровень организации международных преступных синдикатов.

Наша позиция по вопросу принадлежности видов преступлений к ТОП сводится к следующему: *транснациональная организованная преступность - это социально-правовое явление, представляющее собой последовательную систему преступных деяний (активных действий) одной или нескольких преступных группировок, организованных на основе иерархического, национального, родственного, религиозного и другого единства, осуществляющих противоправное взаимодействие на территории нескольких государств в целях совершения правонарушений и извлечения сверхприбыли.*

Таким образом, сказанное в настоящем параграфе, позволяет заключить следующее.

1. Транснациональная организованная преступность – по своей *юридической природе* представляет собой нормативно запрещенные варианты действий (бездействий), посягающих на общественные отношения, охраняемые уголовным законодательством двух и более государств, сопряженное с активными организационными, исполнительными и иными противоправными действиями двух и более участников преступной деятельности. Субъектами транснациональной организованной преступности являются физически вменяемые лица, достигшие 16 лет, а также юридические лица. Допустима юридическая ответственность государств за данный вид преступной деятельности.

2. Причинами ТОП являются множество обстоятельств, которые *объективно* приводят к распространению криминальной деятельности национальных преступных группировок за пределы национально-

государственного анклава. К основным причинам распространения ТОП следует отнести:

1) влияние враждебной деятельности представителей иностранных государств (например, спецслужбы Грузии, некоторых ближневосточных государств инспирируют деятельность террористических групп на Северном Кавказе);

2) деформации, искажения экономического, социального, политического и духовного развития общества;

3) развитие рыночных отношений и экономическая свобода, понимаемая некоторыми как экономическая вседозволенность;

4) недобросовестная конкуренция; ожидания сверхприбылей;

5) национальная вражда порождающая терроризм, торговлю оружием и другие тяжкие преступления;

6) социальные конфликты, социальные диспропорции, которые ведут к преступлениям, могут отражать недовольство человека своим статусом, материальным положением, образованием и т.п.;

7) ослабление социального контроля со стороны государства, падение нравственных устоев и др.;

8) утрата духовных ценностей, массовый атеизм, падение нравственности, деградация системы образования и недооценка сферы культуры;

9) технологический прогресс и процессы глобализации;

10) либеральная миграционная политика;

11) недостаточная эффективность работы правоохранительных органов, а также системы, валютного, финансового, банковского, налогового и иного экономического контроля;

12) глубокая стандартизация (унификация) условий жизни людей, при которых становится возможным перенесение преступного поведения в иную культурную, языковую и социально-правовую среду;

13) ограниченность возможностей внутри отдельных государств для извлечения сверхприбылей, в результате чего возникает необходимость в кооперации с преступными группировками, объединении возможностей, средств, ресурсов и др.;

14) унификация законодательства;

15) стирание этнических, языковых, культурных особенностей народов и стран;

16) духовный кризис человечества, отдельных народов и стран.

Совершение конкретного преступления в рамках ТОП является результатом взаимодействия образовавшихся под воздействием неблагоприятных жизненных условий негативных нравственно-психологических свойств личности и внешних объективных обстоятельств, образующих криминогенную ситуацию.

На основе неблагоприятных условий нравственного формирования личности создаются предпосылки, рассматриваемые как возможность совершения преступления конкретным лицом. С учетом конкретной ситуации сложившаяся у лица криминогенная мотивация реализуется в совершаемом преступлении.

Активизация усилий международного сообщества в конце XX - начале XXI веков по созданию международных механизмов противодействия ТОП свидетельствует о том, что международное сотрудничество в этой сфере имеет определенные международно-правовые последствия. В частности, международный характер транснациональной организованной преступности приводит к тому, что происходит формирование международного обязательства государств и международных организаций сотрудничать между собой в деле предупреждения данной преступности и борьбы с ней национально-правовыми средствами.

§ 2. Критерии разграничения транснациональных преступлений и преступлений международного характера

В предыдущем параграфе мы уже определились с тем, что такое «транснациональная организованная преступность», какими существенными признаками это явление обладает, в чем сущность этой разновидности преступной деятельности и коренные причины ее распространения.

Однако поставленная нами проблема решением этих вопросов не исчерпывается, поскольку до настоящего момента ни в юридической литературе, ни в практической работе правоохранительных органов нет четкого представления о том, *какие виды преступлений* следует отнести к типу «ТОП», а какие нет, и что является объективным критерием для ответа на этот немаловажный вопрос. Для ответа на него мы должны использовать методы формальной логики, в частности для определения принадлежности элемента к определенному множеству.

Нам необходимо произвести логическую операцию, в соответствие с которой следует «переходить от понятий меньшего объема к понятиям большего объема путем отбрасывания признаков, принадлежащих только тем предметам, которые входят в объем обобщающего понятия»⁵¹. Отсюда можно провести следующий водораздел: транснациональная организованная преступность *не относится* к группе так называемых преступлений международного характера.

Как указывается в литературе, преступлениями международного характера можно считать такие, которые *не находятся* в связи с политикой какого-либо государства, но носят противоправный характер: захват заложников; посягательства на лиц, пользующихся международной защитой, незаконный оборот наркотических и психотропных веществ;

⁵¹Горский Д.П. Логика. М.: Государственное учебно-педагогическое изд-во министерства просвещения РСФСР. 1955. С. 22-23.

противоправные действия против безопасности гражданской авиации и морского судоходства, пиратство на море и др.⁵².

Г.В. Игнатенко относит, в частности, незаконный оборот наркотических и психотропных веществ к преступлениям международного характера, поскольку они посягают на интересы нескольких государств и вследствие этого также представляют международную общественную опасность⁵³. Субъектами международных преступлений наряду с государствами признаются также «их руководители, высшие должностные лица, иные исполнители преступной политики»⁵⁴. В отличие от международных преступлений, преступления, совершаемые группировками транснациональной организованной преступности, совершаются физическими лицами и их объединениями.

Думается, такой подход нуждается в уточнении. В частности, представляется, что наркопреступления нельзя относить к международным преступлениям по той причине, что цель данного вида правонарушений не причинение вреда интересам государства, а корысть. Кроме того, в действующем Уголовном кодексе РФ преступления международного характера выделены законодателем в отдельную главу 34 – «Преступления против мира и безопасности человечества». Среди 8 составов преступлений законодатель не посчитал необходимым отнести к преступлениям против мира незаконный оборот наркотических и психотропных веществ. Такой подход разделяется и специалистами в области уголовного права. Так, Г.П. Новоселов считает оправданным, что незаконный оборот наркотических средств Уголовный кодекс России не рассматривает как преступления против мира и безопасности человечества⁵⁵.

⁵² См.: Международное право: учебник / Ред. Г.В. Игнатенко. М.: Норма, 2009. С. 569.

⁵³ См.: Там же.

⁵⁴ Там же С. 568-569.

⁵⁵ См.: Уголовное право. Особенная часть / Отв. ред. И.Я. Козаченко, З.А. Незнамова, Г.П. Новоселов. М.: Норма. 1998. С. 738.

Таким образом, следует относить этот вид правонарушений к другому типу.

Рассматриваемый вопрос подвергся анализу и со стороны юриста-международника Р.В. Нигматуллина⁵⁶.

До сих пор мы говорили о транснациональной организованной преступности, оставляя за рамками нашего анализа важнейший вопрос о *содержании* этого понятия. В данном случае речь идет о том, какие *виды* криминализированных деяний включаются нашей юридической наукой, а также зарубежными авторами в понятие «транснациональная организованная преступность».

Если принять во внимание доклад аналитика исследовательской службы Конгресса США Д. Вагли (John R. Wagley) от 20 марта 2006г., то его автор выделяет такие преступные деяния, охватываемые понятием «транснациональная организованная преступность», как: наркотерроризм, «ядерная контрабанда», торговля людьми, преступления в сфере интеллектуальной собственности и отмывание денег⁵⁷. Думается это весьма краткий перечень, который можно объяснить только субъективным взглядом автора. Действительность говорит о том, что «набор» правонарушений, входящих в ТОП, гораздо шире.

В сборнике «Критические размышления о транснациональной организованной преступности, отмывании денег и коррупции» (ред. М. Бир)⁵⁸, состоящем из 11 статей канадских ученых, критически оцениваются те меры, которые предпринимают правительства стран по борьбе с транснациональной организованной преступностью, отмыванием денег и коррупцией. В частности отмечается, что понятие «транснациональная

⁵⁶ См.: Нигматуллин Р.В. Преступления международного характера как одна из современных угроз правам человека. // Международное публичное и частное право. 2009. №2. С. 27.

⁵⁷ См.: John R. Wagley. Transnational Organized Crime: Principal Threats and U.S. Responses. CRS Report for Congress. March 20, 2006.

⁵⁸ См.: Critical Reflections on Transnational Organized Crime, Money Laundering, and Corruption. University of Toronto Press, 2003, 352 pp.

организованная преступность должна *исключать* «корпоративную и беловоротничковую⁵⁹» преступность. Нам представляется подход авторов книги сомнительным по той причине, что статистика транснациональной организованной преступности увеличивается в настоящее время во многом за счет роста компьютерных преступлений, манипуляций с кредитными картами и т.д. Нередки случаи, когда преступники вынуждены, для реализации своего преступного умысла выходить за пределы своего государства. Это говорит о том, что указанные виды правонарушений нельзя исключать из группы ТОП.

В то же время, в книге Ф. Мадсена «Транснациональная организованная преступность⁶⁰» (2009г.) автором в это понятие включаются такие явления, как распространение наркотиков, отмывание денег, полученных преступным путем, преступления с помощью глобальной сети Интернет, контрабанда товаров и людей, вымогательство и мошенничества, незаконные инсайдерские операции. Таким образом, как можно убедиться, Ф. Мадсен не включает терроризм в понятие «транснациональная организованная преступность».

В научной и публицистической литературе нередко смешивают понятия «международный терроризм», «государственный терроризм» и «транснациональная организованная преступность». Однако некоторые российские исследователи (И.П. Блищенко и Н.В. Жданов⁶¹, Т.В. Мельник⁶²,

⁵⁹ Термин «беловоротничковая преступность» пришел из США, означает тип ненасильственных преступлений, совершаемых в бизнес-процессах, группами людей с целью получения наживы. К видам такой преступности относят мошенничество, махинации с банкротствами, взяточничество, компьютерное мошенничество, мошенничество с кредитными карточками, изготовление фальшивых денег и ценных бумаг, присвоение корпоративных средств, использование чужих финансовых документов, незаконные операции с ценными бумагами, в ходе которых используется инсайдерская информация, страховое мошенничество, «отмывание» денег, препятствование отправлению правосудия, уклонение от уплаты налогов, экономический шпионаж, искусственное увеличение цен и т.д.

⁶⁰ Frank Madsen. Transnational Organized Crime. Routledge. 2009. 144 pp.

⁶¹ Блищенко И.П., Жданов Н.В. Сотрудничество государств в борьбе против террористических актов международного характера // Сов. государство и право. 1981. №8. С. 112-113.

Л.А. Моджорян⁶³, Е.Г. Ляхов⁶⁴, У.Р. Латыпов⁶⁵) довольно четко раскрывают содержание указанных понятий. Например, Л.А. Моджорян пишет: «государственный терроризм – это тактика организованного насилия государства или его органов, построенная на экономическом давлении, психологическом воздействии, политическом нажиме, военном вторжении»⁶⁶.

У.Р. Латыпов признает государственный терроризм видом международного терроризма, и уточняет, что объективная сторона международного терроризма заключается «в актах насилия, направленных на физическое уничтожение политического противника»⁶⁷.

В то же время, И.М. Кормушкина в статье «О соотношении понятий международного и государственного терроризма» отмечает, что «акты государственного терроризма представляют собой несравнимо большую опасность, нежели акты международного терроризма, совершаемые физическими лицами, действующими автономно. Государственный терроризм является одной из форм незаконного использования силы в международных отношениях, направлен против суверенитета, независимости и демократии, и, в конечном счете, дестабилизирует политические и экономические системы суверенных государств»⁶⁸. На основании сказанного, можно попытаться провести «водораздел» между близкими понятиями.

В этой части работы мы уделим внимание юридической характеристике преступлений, относящихся к группе ТОП. Однако прежде чем

⁶²См.: Мельник Т.В. Международно-правовое регулирование борьбы с финансированием терроризма на универсальном уровне. автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2010. С.10-11.

⁶³ См.: Моджорян Л.А. Терроризм на море. М., 1991. С. 14-15.

⁶⁴ См.: Ляхов Е.Г. Терроризм и межгосударственные отношения. М., 1991. С. 60-61.

⁶⁵ См.: Латыпов У.Р. Об определении понятия «государственный терроризм» // СЕМП. 1986. М., 1988. С. 328-329.

⁶⁶Моджорян Л.А. Указ. соч. С. 84-85.

⁶⁷Цит. по: Кормушкина И.М. О соотношении понятий международного и государственного терроризма // Московский журнал международного права. 1993. №4. С. 94.

⁶⁸Кормушкина И.М. Указ. соч. С. 91.

охарактеризовать каждый вид таких преступлений, обратим внимание на их общую сущность. Именно единая *сущность* этой группы преступлений составляет то общее, объединяющее начало, которое дает юристам все основания относить эти правонарушения к транснациональной организованной преступности.

Не вдаваясь в подробное рассмотрение того, что преступность как научное понятие и как объективное явление суть разные вещи, отметим следующее. Первое – формальная категория, существующая в природе как мысленно представляемая (абстрактная) знаковая форма, второе – реальное явление, существующее в природе как материально реализованная структура. Поэтому, как правильно пишет Г.П. Новоселов, преступление всегда предстает явлением (но не понятием) конкретным и не может быть родовым или общим⁶⁹. Исходя из того, что преступление как понятие есть содержание и смысл уголовно-правовой нормы, а преступление как явление есть объективированная в природе некая открывшаяся система, попытаемся познать отдельную их правовую природу и сущность уголовно-правового регулирования.

Из правильного понимания сущности уголовно-правового регулирования преступности в плане разграничения юридического понятия и юридического явления можно сделать следующий вывод: реальный путь выяснения сущности ТОП заключаются не только в четком познании формулировок уголовно-правовых норм, но и в адекватном явлениям конструировании составов конкретного преступления. Первоначально важнейшим становится понимание смысла уголовно-правовой нормы и цели ее правового регулирования, которые производны от основного: *правовой идеи* ее создания. В этом плане всегда необходимо исходить, по нашему мнению, из смысла не только непосредственного содержания уголовно-правовых норм о преступлениях, относящихся к ТОП, но и *смысла (духа) и*

⁶⁹ См.: Новоселов Г.П. Учение об объекте преступления. М.: Норма, 2001. С. 12.

цели соответствующего регулирования. Этот важный момент составляет основу сущности преступлений, входящих в ТОП.

Правовая идея создания уголовно-правовой нормы определяет смысл, цель и сущность уголовно-правового регулирования и является императивным моментом построения конструкции состава конкретного преступления, относящегося к ТОП.

В чем же заключается идея правового регулирования преступлений, относящихся к ТОП? По нашему мнению, сущностью всех правонарушений, относящихся к ТОП, является императивный уголовно-правовой *запрет* всех правонарушений, которые связаны с выходом за пределы национальных границ государств, а равно с созданием кооперативных преступных сообществ в разных странах.

Если принять во внимание *субъектный состав* участников транснациональной организованной преступности, то это, прежде всего, физические лица, а также юридические лица, создаваемые ими в преступных целях, но никак не государства как участники международных отношений. А.Л. Репецкая пишет, что имеется две разновидности субъектов ТОП. Первая – преступные организации и сообщества, вторая – криминально-государственные организации⁷⁰. С данным подходом согласиться нельзя, поскольку есть собственно активная часть ТОП – индивиды - члены преступных сообществ, которые не только активно ведут преступную транснациональную деятельность, но и создают и вовлекают в преступные группы новых членов. Следовательно, нельзя забывать о юридических лицах (формальных легальных организациях), а также о собственно физических лицах, - тех, кто является носителем преступной идеологии, реализует ее и т.д.

Формы преступной деятельности также различаются. Например, к видам преступлений, относящихся к государственному терроризму, следует отнести акты агрессии, наемничество, применение мер экономического давления,

⁷⁰Репецкая А.Л. Транснациональная организованная преступность: Автореф. дис. ... докт. юрид. наук. М., 2001. С. 10.

психологическое давление, политический шантаж, локальное военное вторжение. Видами преступлений, охватываемых понятием «транснациональная организованная преступность» являются наркотерроризм, незаконная транспортировка, сбыт ядерных боеприпасов и веществ, торговля людьми, торговля оружием, преступления в сфере интеллектуальной собственности и отмывание денег, добытых незаконным путем.

Для наглядного подтверждения сказанного, уместно привести следующую таблицу.

Таблица 1.

**Разграничение государственного терроризма
и транснациональной организованной преступности**

<i>Критерий разграничения</i>	Государственный терроризм	Транснациональная организованная преступность
Субъекты преступной деятельности	Суверенные государства – участники международных отношений и субъекты международного права	Физические лица (граждане государств, лица без гражданства, апатриды) и юридические лица
<i>Виды преступлений</i>	Акты агрессии, наемничество, применение мер экономического давления, психологическое давление, политический шантаж, локальное военное вторжение.	Наркотерроризм, незаконная транспортировка, сбыт ядерных боеприпасов и веществ, торговля людьми, торговля оружием, преступления в сфере интеллектуальной собственности и отмывание денег, добытых незаконным путем, киберпреступность.
<i>Цели</i>	Ограничение суверенитета другого государства, ан-	Получение сверхприбылей от различных форм транснациональной

<i>преступлений</i>	нексия отдельных террито- рий, умаление политического влияния и авторитета противостоящего государства	организованной преступной деятельности
<i>Причина преступлений</i>	Конфликт политических интересов противостоящих государств	Социальный закон борьбы инди- видов и социальных групп за наи- лучшие условия существования

Кроме того, есть и другие основания того, чтобы, как видно из сказанного, не относить терроризм к транснациональной преступности. Причины для этого в том, что, во-первых, терроризм - исключительно опасное преступление, которое «затмевает» другие виды преступлений, гораздо менее серьезные по своим последствиям в сравнении с терроризмом. Во-вторых, терроризм отличается от других транснациональных преступлений, тем, что его пострадавшие – гражданские лица только определенной страны. В-третьих, многие проблемы транснациональной преступности связаны с терроризмом, но не сводятся к нему. В то же время, надо отметить, что терроризм включен в определение ООН о транснациональной преступности, и (наряду с незаконным оборотом наркотиков) является преступлением наиболее опасным для общества.

Углубляя наш поиск различий между организованной преступностью и ТОП, отметим также, что состав преступных деяний, относящихся к внутригосударственной, «национальной» организованной преступности достаточно широк, и, в частности, включает множество преступлений в экономической сфере (кража, мошенничество, грабеж, вымогательство, незаконная банковская деятельность, коммерческий подкуп и т.д.), а также наркопреступления, организацию занятия проституцией, незаконные азартные игры и др.

В отличие от вышесказанного, ТОП (если судить по тексту Конвенции ООН против транснациональной организованной преступности), предполагает весьма узкий перечень видов транснациональной преступной деятельности. В частности, это участие в организованной преступной группе, отмывание доходов от преступлений, коррупция, воспрепятствование осуществлению правосудия, торговля людьми, незаконный ввоз мигрантов по суше, морю и воздуху, незаконное изготовление и оборот огнестрельного оружия, его составных частей и компонентов, а также боеприпасов к нему.

При этом отметим наметившуюся в международном праве тенденцию к расширению перечня преступлений, входящих в группу ТОП.

Так, в Справочном документе XI Конгресса ООН по предупреждению преступности и уголовному правосудию⁷¹ называются такие виды преступлений, относящихся к группе транснациональной организованной преступности, как, например, «торговля человеческими органами», «незаконный оборот видов фауны и флоры, находящихся под угрозой исчезновения», «незаконная вырубка лесов», «оборот веществ, разрушающих озоновый слой», «незаконная торговля опасными отходами»⁷².

Наша позиция по вопросу *видового состава* преступлений указанной группы заключается в том, что следует дать более широкий перечень преступлений, относящихся к ТОП, чем тот, который приводится в Материалах XI Конгресса ООН. По нашим данным, каждые 5 лет появляется новый вид транснациональной преступной деятельности. Так, в 90-е годы появился такой вид преступлений, как торговля человеческими органами, в конце 90-х – незаконный оборот видов животных и растений, находящихся под угрозой исчезновения; в начале 2000-х годов – преступность с кредитными карточками, в конце 2000-х – кибератаки на сайты

⁷¹ См.: Справочный документ XI Конгресса ООН по предупреждению преступности и уголовному правосудию (Таиланд, Бангкок, 18-25 апреля 2005 г.) «Эффективные меры борьбы с транснациональной организованной преступностью» UN A/CONF. 203/4//.

⁷² Там же, с. 26-43.

государственных организаций, с целью получить значимую экономическую, политическую и др. информацию с серверов и т.д.

Полагаем, что наиболее значимым *объединяющим признаком* таких преступлений является направленность на получение экономических сверхвыгод, преимуществ, сверхприбылей. Например, обычный западный бизнесмен нормальной прибылью считает 4-6% в год от осуществленных затрат и инвестиций в сфере легального предпринимательства. Прибыль от разных видов транснациональной преступной деятельности достигает сотен процентов в год от произведенных затрат.

Вторым признаком является нелегальный характер ряда форм и видов экономической деятельности, приносящей экономическую прибыль (сверхприбыль). Третьим является трансгосударственный характер преступной деятельности, протекающей в пределах нескольких государств.

В результате перечень преступлений, относящихся к ТОП, должен насчитывать, по нашему мнению, двенадцать основных видов преступлений и семь их подвидов. Мы руководствуемся тем, что это наиболее распространенные, типичные и опасные виды преступлений, которые совершаются на территории нескольких государств. В свою очередь, именно это дает возможность получать сверхприбыли от транснациональной преступной деятельности. При этом «транстерриториальность» выступает системообразующим фактором, позволяющим эти преступления объединить в одно множество.

Предлагаемая ниже классификация опирается на проведенный количественный анализ преступлений, совершаемых одновременно на территориях нескольких (двух и более) государств. Нижеприведенные правонарушения составляют большинство транснациональных видов преступной деятельности.

1. Легализация денег и иного имущества, добытых преступным путем («отмывание средств»).

2. Кражи объектов интеллектуальной собственности:

- присвоение товарных знаков, кражи знаков обслуживания, фирменных наименований, элементов промышленного дизайна;
 - кражи и контрабанда произведений искусства и предметов культуры.
3. Незаконная торговля огнестрельным оружием.
 4. Незаконная транспортировка, сбыт ядерных боеприпасов и компонентов.
 5. Коррупция.
 6. Кражи автотранспорта.
 7. Мошенничества в сфере страхования.
 8. Компьютерная преступность:
 - мошенничества с кредитными карточками;
 - мошенничества, связанные с выманиванием денег через игры, бонусы и т.п. формы вымогательства с помощью сети Интернет.
 9. Экологические преступления.
 10. Торговля людьми:
 - контрабанда людей;
 - рабство;
 - сексуальное насилие.
 11. Торговля человеческими органами.
 12. Незаконный оборот и торговля наркотиками, психотропными и сильнодействующими веществами.

§ 3. Виды преступлений, совершаемых транснациональными преступными группами

Перейдем к краткой международно-правовой и криминологической характеристике изложенных выше правонарушений. На основании этого станут очевидными те причины, по которым эти деяния включаются нами в группу транснациональных преступлений.

1. *Легализация денег, добытых преступным путем («отмывание доходов»)*. В научной литературе этому опасному виду преступлений уделяется достаточно много внимания. Так, Д.Р. Кузахметов отмечает, что «легализация – это процесс, одной из целей которого является сокрытие первичного криминального деяния, в результате совершения которого у преступника появились данные денежные средства и иное имущество»⁷³.

По мнению МВФ, в различных финансовых системах мира «очищается» от 500 млрд. до 1,5 трлн. долларов в год, что равно 1,5 – 5 % валового национального продукта всех стран мира⁷⁴. Осознавая опасность данного преступления, Государственная Дума Российской Федерации ратифицировала Конвенцию об отмывании, выявлении, изъятии и конфискации доходов от преступной деятельности от 8 ноября 1990 г., подписанную от имени Российской Федерации в городе Будапеште 7 мая 1999 г.⁷⁵ Распространенность и опасность данного вида преступлений требует системных усилий государств⁷⁶.

Суть преступного действия, обусловившего столь высокий уровень правового регулирования, состоит в том, что «отмывание является методом, посредством которого все доходы от преступлений интегрируются в банковские системы и финансовые учреждения, находящиеся в разных

⁷³ Кузахметов Д.Р. Легализация (отмывание) денежных средств или иного имущества, приобретенных преступным путем: вопросы теории, законодательного регулирования и практики: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 2006. С. 16.

⁷⁴ См.: Дайчман И. Интерпол. Всемирная система борьбы с преступностью. М.: РИПОЛ КЛАССИК, 2003. 480 с. С. 102. См. также научный анализ проблемы: Алешин К. Н. Легализация (отмывание) доходов, полученных преступным путем, как преступление международного характера: Дис. ... канд. юрид. наук: СПб., 2004. 183 с.; Лисин А.Н. Легализация (отмывание) доходов, полученных преступным путем, с использованием оффшорных финансовых центров: уголовно-правовые и криминологические аспекты: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2006. 22 с.

⁷⁵ См.: Федеральный закон от 28.05.2001 N 62-ФЗ «О ратификации конвенции об отмывании, выявлении, изъятии и конфискации доходов от преступной деятельности» // Российская газета. 2001. 31 мая.

⁷⁶ См.: Иванов Э.А. Система международно-правового регулирования борьбы с отмыванием денег. М.: КНОРУС, 2003. С. 61-68.

странах по всему миру» - пишет в своей монографии П. Лилли⁷⁷. Этим преступлением не брезгует и политическая элита ряда стран⁷⁸.

2. Кражи объектов интеллектуальной собственности (подвиды: присвоение товарных знаков, кражи и контрабанда произведений искусства и предметов культуры и т.п.).

Данные правонарушения заключаются в незаконном использовании объектов авторского права и смежных прав любым способом (незаконное воспроизведение, распространение, тиражирование и т.д.), а равно приобретение, хранение, перевозка контрафактных объектов и произведений, фонограмм и т.д. в целях получения сверхдоходов. Важно отметить, что если в данной преступной деятельности будет участвовать юридическое лицо, то в отношении него возможна такая санкция, как подача органами прокуратуры в соответствии со ст. 61 ГК РФ исков о ликвидации таких юридических лиц, нарушающих действующее законодательство. Транснациональные преступные группы с помощью разветвленной преступной сети во многих странах осуществляют эффективные кражи объектов авторского права, выпуская контрафактную продукцию массовым тиражом. Например, в фильм, снятый в США, нелегально копируется, выпускается тысячными тиражами и реализуется через разветвленную сеть дилеров. Такая деятельность весьма выгодна, поскольку лицензионный диск с новым фильмом может стоить 350 руб., а контрафактный – в 4 раза меньше, что обуславливает постоянный высокий спрос⁷⁹.

Что касается произведений искусства, то в этом направлении тоже весьма активно совершаются правонарушения организованными преступными группами. Так, по данным специалистов ФСБ по Санкт-Петербургу и Ленинградской области, несколько лет назад знаменитая картина Карла Брюллова «Христос во гробе» была ввезена (а до этого вывезена) в нашу страну не-

⁷⁷ П. Лилли. Грязные сделки. Ростов-на-Дону: Феникс, 2005. С. 23.

⁷⁸ См.: Семейный подряд. Экс-президент Тайваня и его родня предстали перед судом // Российская газета. 2009. 27 марта.

⁷⁹ См.: Весь криминал на жестком диске // Российская газета. 2008. 31 января.

законно гражданином Певзнером, имеющем двойное гражданство - России и Германии. При пересечении границы он скрыл на таможне настоящие сведения о картине. Полотно было арестовано, а Певзнеру предъявили обвинение в контрабанде культурных ценностей⁸⁰.

3. Незаконная торговля оружием.

«Стрелковое оружие – это средства, предназначенные для индивидуального обслуживания, а легкие вооружения – средства, предназначенные для группового обслуживания несколькими лицами, составляющими расчет. В качестве примеров стрелкового оружия можно привести, в частности, револьверы и самозарядные пистолеты, винтовки, автоматы, штурмовые винтовки и легкие пулеметы. Легкие вооружения включают в себя тяжелые пулеметы, некоторые типы гранатометов, переносные зенитные пулеметы и противотанковые ружья, переносные ракетные комплексы. Стрелковое оружие и легкие вооружения не имеют смертоносного характера в отсутствие необходимых боеприпасов. Боеприпасы и взрывчатые вещества являются неотъемлемой частью стрелкового оружия и легких вооружений, применяемых в ходе конфликтов. Они включают патроны (боеприпасы) для стрелкового оружия, снаряды и ракеты для легких вооружений, противопехотные и противотанковые ручные гранаты, наземные мины, взрывчатые вещества и переносные контейнеры с ракетами или снарядами для зенитных и противотанковых комплексов разового пользования»⁸¹. Данный вид преступления выражается в купле-продаже огнестрельного оружия. В результате таких сделок происходит передача вооружений странам, в отношении которых действует эмбарго Совета Безопасности ООН (к числу таких государств в настоящее время относятся Ирак, Ливия, Сомали), либо передается оружие движениям, ведущим вооруженную борьбу против признанных мировым сообществом

⁸⁰См.: Российская газета. 2010. 29 апреля.

⁸¹Доклад Конференции Организации Объединенных Наций по проблеме незаконной торговли стрелковым оружием и легкими вооружениями, 9 - 11 июля 2001 г., UN Doc. A/CONF. 192 p. P.15.

правительств (являющихся членами ООН и/или признанных подавляющим большинством государств мира).

«Спрос» на этот вид преступной деятельности можно объяснить тем, что в современную эпоху право сильного, (т.е. вооруженного) никто не отменял. Напротив, оружие становится средством принуждения граждан, чиновников разных уровней, эффективным средством запугивания или устранения конкурентов по бизнесу, должников, средством разрешения конфликтов в преступной среде.

На международном уровне спрос на нелегальном рынке оружия объясняется политической нестабильностью ряда стран (Судан, Афганистан и др.) и вооруженными конфликтами в них. Сторонам в их противостоянии требуется оружие. По данным ФСБ России, отмечается рост контрабанды оружия из зон вооруженных конфликтов. Так, с начала 2009 г. в России выявлено более 17 тысяч преступлений, связанных с незаконным оборотом оружия. Об этом на заседании Национального антитеррористического комитета заявил глава ФСБ Александр Бортников.

В основном прирост преступлений, связанных с незаконным оборотом оружия, происходит за счет Кавказа. Например, в 2009г. были пресечены попытки доставить в Северокавказский регион более 170 единиц стрелкового оружия с территории Южной Осетии и Абхазии. Оперативники изымают и уже провезенное через все кордоны оружие из схронов на территории Ингушетии и Дагестана. «Всего в регионе из незаконного оборота изъято 527 единиц стрелкового оружия, свыше 2,5 тонны взрывчатых веществ, более 180 самодельных взрывных устройств»⁸².

4. Незаконная транспортировка, сбыт ядерных боеприпасов и компонентов.

Автор не располагает *статистическими данными* о добыче, незаконной транспортировке, сбыте ядерных боеприпасов и веществ физическими лицами. Однако это не означает, что такие факты отсутствуют. Например,

⁸²Российская газета. 2009. 18 июня.

по информации «Российской газеты», в декабре 2006 г. был арестован Марио Скарамелла, в отношении которого в Италии возбуждено несколько уголовных дел. В частности, Прокуратура города Болоньи обвиняла его в даче ложных показаний по делу о незаконной транспортировке радиоактивного урана в Сан-Марино, прокуратура Неаполя - в незаконной утилизации отходов в области Кампания, а прокуратура Рима - в разглашении служебной тайны и торговле оружием. Следствие о предполагаемой торговле ядерными материалами вели прокуратуры Сан-Марино и Римини, затем дело было передано в антитеррористический отдел болонской прокуратуры⁸³.

Об интересе итальянской мафии к приобретению радиоактивных материалов и даже ядерного оружия пишет Ю.А. Воронин⁸⁴.

Также известен случай, когда «отец исламской атомной бомбы» Абдул Кадир Хан (Пакистан) долгие годы беспрепятственно передавал и продавал ядерные технологии (в частности чертежи приборов по обогащению урана) Ливии и КНДР⁸⁵.

Наряду с тем, что рассматриваемые преступления совершаются физическими лицами, есть основания говорить о совершении такого рода правонарушений некоторыми государствами. В частности, в открытой печати высказывались суждения, согласно которым такой деятельностью могло заниматься государство – КНДР.

Это утверждение имеет под собой определенные основания, поскольку есть страны, которые заинтересованы в получении ядерных технологий, оружейного плутония и иных компонентов этого оружия. Не случаен также тот факт, что 12 июня 2009 г. Совет Безопасности ООН принял резолюцию с санкциями против КНДР, в которой содержится запрет на транспортировку оружия.

⁸³См.: Российская газета. 2006. 25 декабря.

⁸⁴См.: Воронин Ю.А. Транснациональная организованная преступность. Екатеринбург: УрГЮА, 1997. С. 45.

⁸⁵См.: Российская газета. 2004. 10 февраля.

Купля-продажа ядерных вооружений и технологий (оружия массового поражения, средств его доставки, в частности ракетных) подпадает под ограничение режимов нераспространения, установленным Договором о нераспространении ядерного оружия (1968 г.).

5. Коррупция.

В Толковом словаре русского языка Ожегова С.И., Шведовой Н.Ю. дается такое определение термина «коррупция»: «Коррупция - это моральное разложение должностных лиц и политиков, выраженное в незаконном обогащении, взяточничестве, хищении и срастании с мафиозными структурами». Социальная сущность коррупции (от латинского *corruptio* - порча, испорченность) выражается в том, что аппарат публичной власти становится институтом не гражданского общества, а преступных элементов. Коррупцированный аппарат не пригоден для выполнения функций государства, и бесполезен для общества.

Этот вид правонарушения, совершаемый транснациональными преступными группами, опасен также тем, что коррупция является глобальным тормозом нормального функционирования и деятельности государственного аппарата любой страны. В результате снижается эффективность принимаемых государственных решений, снижается действенность политики государственных органов, падает авторитет государства в глазах гражданского общества, формируется кризис доверия к власти. Не случайно этому аспекту посвящен ряд научных исследований⁸⁶.

В настоящее время Россия прилагает значительные усилия по борьбе с этим социальным злом, предпринят ряд эффективных политических и юридических шагов, начиная с 2008 г. реализуются национальные планы противодействия коррупции, утверждаемые Президентом РФ.

⁸⁶См.: Безверхов А.Г. Общественная опасность коррупции //Актуальные проблемы юридической ответственности. Тольятти, 2003. С. 201 – 206; Долгов М.А. Противодействие коррупции: соотношение международно-правового и внутригосударственного регулирования. Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 2007, Коррупция: природа, проявления, противодействие: монография / отв.ред. Т.Я. Хабриева. - М., 2012 и др.

В развитие проводимой антикоррупционной политики была подготовлена Национальная стратегия противодействия коррупции, определяющая основные направления государственной антикоррупционной политики на среднесрочную перспективу и этапы её реализации, и обновляемый каждые два года Национальный план противодействия коррупции. Последний является инструментом претворения в жизнь Национальной стратегии противодействия коррупции⁸⁷.

Национальная стратегия противодействия коррупции является общим программным документом, положения которого направлены на устранение коренных причин коррупции в обществе и должны последовательно конкретизироваться с учётом требований времени в Национальном плане противодействия коррупции на соответствующий период, а также в планах по противодействию коррупции федеральных государственных органов, органов государственной власти субъектов Российской Федерации и муниципальных образований⁸⁸.

В последнее время Россия активно участвует в политике ООН и Совета Европы, направленной против коррупции. Так, Российская Федерация в 2006 г. ратифицировала Конвенцию ООН против коррупции (с отдельными заявлениями⁸⁹). В частности, наше государство объявило о своей юрисдикции в отношении ряда деяний, признанных Конвенцией преступными. Данный факт следует расценивать как проявление суверенитета России в вопросах правового регулирования антикоррупционных мер.

⁸⁷См.: Указ Президента Российской Федерации от 13 апреля 2010 г. № 460 «О Национальной стратегии противодействия коррупции и Национальном плане противодействия коррупции на 2010 - 2011 годы»// Российская газета. 2010. 15 апреля. См. также: Федеральный закон «О противодействии коррупции» от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ. В настоящее время завершена реализация Национального плана противодействия коррупции на 2014-2015 годы.

⁸⁸ См. подробнее: Правовые акты: антикоррупционный анализ. Научно-практическое пособие / Отв. ред. Ю.А. Тихомиров. М.: Волтерс Клувер, 2010. С. 16-25.

⁸⁹См.: Федеральный закон «О ратификации Конвенции Организации Объединенных Наций против коррупции» // Собрание законодательства РФ. 2006. № 12. Ст. 1231.

В рамках Совета Европы также принят ряд важных документов, создающих юридическую основу борьбы с указанным социальным злом. В частности, заслуживают упоминания такие правовые акты, как Конвенция об уголовно-правовой ответственности за коррупцию от 27 января 1999 г., Дополнительный протокол к Конвенции от 15 мая 2003 г., Конвенция о гражданско-правовой ответственности за коррупцию от 4 ноября 2009 г. Оценивая в целом названную международно-правовую базу, следует сказать, что Россия не завершила работу по приведению внутреннего законодательства в соответствие с международными стандартами. В частности, как отмечает в своей диссертации М.А. Долгов, «закрепленный в УК РФ круг субъектов подкупа значительно уже конвенционного»⁹⁰. Можно отметить и некоторые другие несоответствия международно-правового и национального подходов к указанной проблеме.

В то же время предпринимаемые нашим государством меры оставляют надежду, что уровень коррупционной пораженности нашего общества будет снижаться. Налицо политическая воля лидера нашего государства – Президента РФ В.В. Путина, имеются ожидания гражданского общества по указанной проблеме. Остается надеяться, что преступные транснациональные группировки в настоящее время не смогут так же, как прежде легко осуществлять свою преступную деятельность, пользуясь оплаченным покровительством чиновников разного уровня.

6. Кражи автотранспорта.

По степени привлекательности для криминальных структур такой «автобизнес» занимает одно из первых мест, в связи с чем борьба с кражами автомобилей из государств Евросоюза и их легализацией на территории России является одним из приоритетных направлений деятельности органов внутренних дел Российской Федерации. На территории европейских государств,

⁹⁰Долгов М.А. Противодействие коррупции: соотношение международно-правового и внутригосударственного регулирования: дис. ... канд. юрид. наук. Воронеж. 2006. С. 51.

прежде всего в Германии, странах Бенилюкса, Франции, Испании и Польше сложились устойчивые преступные группировки, специализирующиеся на кражах автомобилей и создании условий для их последующей легализации в других странах. Основными странами-контрагентами по импорту автомобилей на территорию России, в частности, являются Германия, Франция, Латвия, Эстония, Литва и Белоруссия. Деятельность групп и лиц, занятых в данном секторе нелегальной преступной деятельности, тесно связана с международной организованной преступностью, что позволяет осуществлять сбыт похищенного автотранспорта и его дальнейшую легализацию. Гражданами России похищенный автотранспорт приобретает в основном на территории Литвы и Польши. По оценкам экспертов, более 70% похищенного в западноевропейских странах автотранспорта реализуется на территории Польши, где производится первичная легализация (изменение идентификационных номеров, цвета и т.д.), с последующей переправкой в Украину, Белоруссию и Россию. В большинстве случаев для легализации и затруднения розыска применяются изменение идентификационных номеров (VIN), отличительных признаков транспортных средств, изготовление поддельных документов и номерных знаков. Таким образом, кражи автотранспорта являются классическим направлением преступной деятельности транснациональных преступных группировок.

7. Мошенничества в сфере страхования.

Данный вид преступлений также предполагает кооперацию преступной деятельности, которая может приобретать международный характер.

Преступный характер действий заключается в следующем.

Например, врачи и медперсонал «лечат» тех, кто якобы пострадал в автомобильных авариях. При этом аварии и пациенты фиктивные. Налицо преступный сговор, изготовление подложных документов, мошенничество и возможное отмывание денег, полученных криминальным путем.

Данные преступные действия осуществляются следующим образом. Происходит инсценировка аварий, затем «лечение» и, наконец, получение

возмещения в страховых компаниях. В качестве компонента механизма совершения преступления может выступать учреждение «медицинской клиники» для оказания псевдолечения. Из «клиник» предоставляются необходимые «документы» для направления в страховые компании.

8. Компьютерная преступность.

Начало борьбе с компьютерной преступностью было положено Уголовным кодексом РФ, который в 1996 г. предусмотрел главу 28 «Преступления в сфере компьютерной информации». В ней перечислены следующие составы компьютерных преступлений: неправомерный доступ к компьютерной информации (ст. 272); создание, использование и распространение вредоносных программ для ЭВМ (ст.273); нарушение правил эксплуатации ЭВМ, системы ЭВМ или их сети (ст. 274).

Современные информационные технологии дали импульс не только прогрессу общества, но и способствовали возникновению и развитию некоторых негативных процессов, в том числе появлению одной из новых форм преступности в сфере информационных технологий - ИТ-преступность⁹¹.

Формирование единого информационного пространства и развитие технологий позволили увеличить обмен информацией, расширить горизонты человеческого общения, поднять на новую ступень возможности экономики, науки, образования. Информационные технологии являются мощным фактором обновления национальной производственной сферы. Однако успешная реализация этого потенциала возможна только при обеспечении должного уровня безопасности в информационном пространстве.

В то же время постоянно расширяющиеся возможности глобальных информационных телекоммуникационных сетей (ИТКС) обусловили повышенный интерес к ним со стороны организованной преступности, в том

⁹¹См.: Осипенко А.Л. Борьба с преступностью в глобальных компьютерных сетях. Международный опыт. М.: Норма, 2004. В книге обосновывается понятие «сетевое компьютерное преступление» (с. 58-63).

числе экстремистских и террористических организаций. И это не случайно, поскольку существующие правила эксплуатации киберпространства позволяют обеспечивать анонимность действий в Сети и существенно осложняют идентификацию пользовательского оборудования. Современные ИТКС характеризуются, прежде всего, значительным числом пользователей и предоставлением сервиса без закрепления *de jure* и *de facto* за пользователем абонентского терминала (чаще всего мобильного) и соответствующего набора услуг. Криминалитет умело использует эти возможности для многократного усиления динамики и скрытности своей деятельности.

Развитие и внедрение в повседневную жизнь информационно-телекоммуникационных технологий вовлекают в этот процесс все большее количество людей и, в свою очередь, создают условия для расширения поля деятельности преступников. Отсутствие границ и возможность действовать анонимно в цифровой среде является «ценным подарком» для преступных сообществ. Операторы связи, наращивая темпы внедрения телекоммуникационной техники и информационных услуг, невольно вооружают их новыми возможностями.

Поэтому, с одной стороны, наблюдается достаточно быстрое развитие новых форм преступной деятельности в сфере информационных технологий. К ним относятся следующие виды преступлений: уничтожение, изменение, перехват, хищение, блокирование информации и информационных ресурсов; несанкционированное вмешательство в работу телекоммуникационных систем и информационных ресурсов; распространение заведомо ложных сведений с использованием информационных технологий.

С другой стороны, наблюдается активное воздействие информационных технологий на так называемые традиционные составы преступления. Так, убийства, грабежи, кражи и угоны автотранспорта могут осуществляться с применением мобильных телефонов, компьютерной техники, Интернета, специальных систем и устройств, программных средств.

Следует отметить, что, если типы угроз, исходящих из виртуального пространства или реализуемых с его помощью, достаточно ограничены, то, как показывает практика, формы их реализации бесчисленны.

Прежде всего, высокотехнологичная преступность устремилась в сферу экономики. Эти действия охватываются следующими составами преступлений, предусмотренных российским уголовным законом: статьи 146 (Нарушение авторских и смежных прав), 159 (мошенничество), 159.6 (мошенничество в сфере компьютерной информации), 160 (присвоение или растрата), 165 (причинение имущественного ущерба путем обмана или злоупотребления доверием), 171 (незаконное предпринимательство), 183 (незаконное получение и разглашение сведений, составляющих коммерческую, налоговую или банковскую тайну), 187 (изготовление или сбыт поддельных кредитных либо расчетных карт и иных платежных документов), 272 (неправомерный доступ к компьютерной информации), 273 (создание, использование и распространение вредоносных программ для ЭВМ), 274 (Нарушение правил эксплуатации ЭВМ, системы ЭВМ или их сети).

Анализ статистических данных о преступлениях, совершаемых в сфере компьютерной информации, показывает, что в России, начиная с 2000-х годов, наблюдалось ежегодное удвоение числа зарегистрированных преступлений: 2001 год - 3 тысячи, 2002 год - 6 тысяч, 2003 год - 12 тысяч. С 2004 г. ежегодно регистрируется около 15 тысяч таких преступлений.

Следует отметить, что большая часть IT-преступлений совершается и с использованием вредоносных компьютерных программ, а также специфических возможностей операционных систем, позволяющих получать удаленный доступ к информационным ресурсам пользователей, в том числе находящихся в государственной собственности или отражающих финансово-хозяйственную деятельность юридических и физических лиц.

Впервые подразделение по борьбе с преступлениями в сфере высоких технологий в МВД России было создано в 1998 г. С января 2002 г. в МВД России начала свою работу линия «К» (борьба с киберпреступностью).

Основными направлениями работы этого подразделения являются:

- борьба с преступлениями в сфере компьютерной информации (выявление и пресечение фактов неправомерного доступа к компьютерной информации; борьба с изготовлением, распространением и использованием вредоносных программ для ЭВМ; противодействие мошенническим действиям с использованием возможностей электронных платежных систем);
- пресечение противоправных действий в информационно-телекоммуникационных сетях, включая сеть Интернет (выявление и пресечение преступлений, связанных с незаконным использованием ресурсов сетей сотовой и проводной связи; противодействие мошенническим действиям, совершаемым с использованием информационно-телекоммуникационных сетей, включая сеть Интернет; противодействие и пресечение попыток неправомерного доступа к коммерческим каналам спутникового и кабельного телевидения);
- борьба с незаконным оборотом радиоэлектронных и специальных технических средств;
- борьба с распространением порнографических материалов с участием несовершеннолетних через сеть Интернет;
- выявление и пресечение фактов нарушения авторских и смежных прав в сфере информационных технологий;
- борьба с изготовлением и распространением в Интернете нелицензионного программного обеспечения для ЭВМ (на машинных носителях информации, через информационно-телекоммуникационные сети);
- международное сотрудничество в области борьбы с преступлениями, совершаемыми с использованием информационных технологий.

Особенность компьютерной преступности заключается в ее высокой латентности. Правоохранительным органам становятся известны не более 5-

10% совершаемых преступлений, а их раскрываемость, в свою очередь, не превышает 1-5 %. Это связано с тем, что хищение информации долгое время может оставаться незамеченным, поскольку зачастую означает лишь ее простое копирование. А жертвы компьютерной преступности, среди которых большинство составляют частные предприятия, сплошь и рядом проявляют нежелание идти на контакт с правоохранительными органами, опасаясь возможного распространения сведений о собственной халатности и ненадежности среди вкладчиков и акционеров, что может инициировать отток финансовых средств и последующее банкротство.

Самым распространенным сектором российской экономики для преступников транснациональных преступных группировок является кредитно-банковская сфера.

Во-первых, растет число компьютерных преступлений, совершаемых путем несанкционированного доступа к банковским базам данных посредством телекоммуникационных сетей.

Во-вторых, за последнее время не отмечено практически ни одного компьютерного преступления, которое было бы совершено одним лицом. Формируются организованные преступные группировки, включающие десятки хакеров. Они имеют все условия для эффективной работы: охраняемые помещения, новейшую компьютерную технику, высокоскоростной Интернет. Все это для того, чтобы они осуществляли хищения больших денежных сумм путем нелегального проникновения в компьютерные сети крупных коммерческих банков.

В-третьих, нередки случаи, когда компьютерные преступления в банковской сфере совершаются при непосредственном участии самих служащих коммерческих банков: отечественных и зарубежных.

Приведем следующий пример правоприменительной практики в анализируемой сфере.

В октябре 2006 г. в гор. Балаково Саратовской области были осуждены трое молодых людей - за создание вредоносных программ и вымогательство.

Группа российских хакеров длительное время шантажировала букмекерские компании Великобритании и ряда других стран. Виновные арендовали платные серверы за рубежом, в частности в американском городе Хьюстоне, через них «заражали» вирусами сотни и тысячи компьютеров в разных странах. И посредством этой сети устраивали так называемые dos-атаки на электронные сайты букмекерских фирм. В результате сайты фирм оказывались полностью заблокированными, недоступными для клиентов. За избавление от этой проблемы шантажисты требовали от предпринимателей крупный выкуп. Установить хакеров и задержать троих из них - жителей Балакова, Астрахани и Санкт-Петербурга - удалось в ходе оперативно-розыскных мероприятий, проведенных британской службой SOCA и ФСБ России. Уголовное дело расследовал Следственный комитет при МВД России, а обвинение в суде поддерживала прокуратура Саратовской области. Такое совместное расследование было проведено впервые в мировой практике⁹².

9. Экологические преступления.

В январе-декабре 2015 г. было зарегистрировано 24,74 тыс. экологических преступлений, что на 3,1% меньше, чем за аналогичный период 2014 г.⁹³

Особенно следует отметить такие виды преступной деятельности как проявления браконьерства в экологической сфере. Особенно, это типично, если идет речь о сфере использования и охраны водных ресурсов. При этом следует учесть, что рыбопромышленный комплекс страны - важнейший компонент национальной экономики, то проблема приобретает особую остроту.

Анализ экспертных оценок свидетельствует, что от браконьерского промысла и незаконного вывоза продукции Россия ежегодно теряет от 600 до

⁹² См.: Российская газета. 2007. 24 апреля.

⁹³ См.: Официальный сайт МВД России: URL: <https://mvd.ru/folder/101762/item/7087734/> (дата обращения: 01.02.2016).

800 млн. долларов США⁹⁴. В тройку самых распространенных правонарушений можно включить браконьерство, нарушение законодательства о континентальном шельфе и об исключительной экономической зоне Российской Федерации, а также контрабанду биоресурсов.

Для повышения эффективности борьбы с правонарушениями в области добычи и переработки водных биоресурсов в центре и на местах формируется система взаимодействия правоохранительных и контролирующих ведомств. Сегодня этой проблемой помимо МВД занимаются Федеральное агентство по рыболовству, Министерство природных ресурсов, Пограничная служба ФСБ России.

Отсутствие должного управления отраслью по действующим международным нормам создает предпосылки для экспансии иностранных преступных элементов. Так, в наших территориальных водах был задержан рыболовецкий траулер «Микан» под панамским флагом с российским экипажем. При досмотре судна было обнаружено свыше 210 тонн незаконно добытой и переработанной рыбопродукции. В 2004 г. Московский городской суд вынес обвинительный приговор в отношении группы лиц, организовавших в 2002 г. в Охотском море незаконный коммерческий лов краба и трубача под видом научных исследований. Сотни тонн принадлежащих государству валютоёмких биоресурсов стали источником личной наживы нескольких человек⁹⁵.

Браконьерство имеет транснациональный характер. Например на Дальнем Востоке максимальная цена за шкуру тигра доходит до пяти тысяч долларов США. В 2003 г. в Хабаровске проходила Международная конференция, которая констатировала сокращение популяции тигра. Численность амурского тигра на Дальнем Востоке, по подсчетам ученых, составляет около 250 особей. Амурский тигр всегда обитал и в Китае, но там

⁹⁴ См.: Российская газета. 2004. 14 мая.

⁹⁵ См.: Российская газета. 2004. 14 мая.

популяция была уничтожена. В настоящее время кооперация браконьерских группировок приводит к тому, что одни выслеживают тигра, другие его добывают, третьи – транспортируют, четвертые – перемещают через границу, пятые реализуют браконьерский товар. Так осуществляется деятельность транснациональных преступных групп в экологической сфере.

10. Торговля людьми.

На первый взгляд в XXI веке данное преступление выглядит анахронизмом, однако это не далеко не так. Более того, это преступление достаточно распространено, весьма многолико и имеет свою юридическую специфику. Торговля людьми – одна из распространенных форм транснациональной организованной преступности. Под различными вымышленными предлогами и прикрытиями в виде найма на работу, туристических круизов, официальной миграции и т.п. происходит закабаление мужчин, женщин и, нередко, детей. Торговля людьми – прибыльный криминальный бизнес, при этом высоколатентный.

В научной литературе этому вопросу посвящен ряд исследований⁹⁶. В частности Е.Б. Мизулина отмечает, что «определение торговли людьми не требует пересечения пострадавшим государственных границ, большое число случаев современной торговли людьми происходит в пределах одного региона или одной страны»⁹⁷. Думается с этим мнением нельзя согласиться, поскольку большинство случаев торговли связано именно с транспортировкой «живого товара» через границу и последующей его эксплуатацией и использованием в корыстных целях.

⁹⁶Торговля людьми. Социокриминологический анализ / Под ред. Е.В. Тюрюкановой, Л.Д. Ерохиной. М.: Academia, 2002. 224 с.; Мизулина Е.Б. Торговля людьми и рабство в России: международно-правовой аспект. М.: Юрист, 2006. 591 с.

Торговля людьми: международно-правовые и внутригосударственные проблемы противодействия: монография/ Р.В. Нигматуллин, Р.Р. Каримов, А.А. Романов, А.И. Казамиров; под ред. Р.В. Нигматуллина. Уфа: УЮИ МВД России, 2013. – 136 с.

⁹⁷Торговля людьми. Социокриминологический анализ / Под ред. Е.В. Тюрюкановой, Л.Д. Ерохиной. М.: Academia, 2002. С. 224.; Мизулина Е.Б. Торговля людьми и рабство в России: международно-правовой аспект. М.: Юрист, 2006. С. 176.

Объективная сторона данного преступления предполагает активную деятельность членов транснациональных преступных группировок по выполнению и реализации преступного замысла, что связано, в свою очередь, с пересечением границ ряда стран, и последующим использованием граждан как рабов. Например, в 1999 г. была организована международная преступная группировка, состоявшая из 13 человек – граждан России, Израиля, Молдавии. Специализация группы состояла в продаже за границу в сексуальное рабство девушек из России. До 2007 г. торговля живым товаром шла успешно. В результате около 130 девушек из России и стран ближнего зарубежья оказались за рубежом в публичных домах Италии, Германии, Греции, Голландии, Объединенных Арабских Эмиратах. Задержанные были привлечены к уголовной ответственности за торговлю людьми, организацию проституции и вовлечения в нее с применением насилия, в том числе заведомо несовершеннолетних, изготовление поддельных документов и незаконную миграцию⁹⁸.

Учитывая опасность данного преступления, в 2008 г. были внесены изменения в ст. 127¹ УК РФ⁹⁹, исключившие указание на цель эксплуатации человека применительно к таким действиям, как его купля-продажа и иные сделки с ним. Само юридическое понятие «торговля людьми» было расширено, в связи с чем, им охватываются такие действия как вербовка, перевозка, передача, укрывательство или получение «живого товара». Повышена мера ответственности за данное преступление – до шести лет лишения свободы.

11. Торговля человеческими органами.

В ст. 120 УК РФ предусматривается ответственность за принуждение к изъятию органов или тканей человека для трансплантации, совершенное с применением насилия либо с угрозой его применения (ч.1), а также за то же

⁹⁸См.: Российская газета. 2009. 31 марта.

⁹⁹См.: Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 25. Ст. 2954; 2003. № 50. Ст. 4848; 2004. № 30. Ст. 3091.

деяние, совершенное в отношении лица, заведомо для виновного находящегося в беспомощном состоянии либо в материальной или иной зависимости от виновного (ч.2). Этот состав преступления нужно отграничивать от торговли людьми. В юридической литературе отмечается, что если лицо совершило куплю-продажу человека и впоследствии осуществляет действия, связанные с трансплантацией, то его деяния нужно квалифицировать по двум статьям особенной части УК РФ, предусматривающим ответственность за торговлю людьми и принуждение к трансплантации органов или тканей либо причинение вреда здоровью, как правило, тяжкого¹⁰⁰.

Факты, говорящие о преступных группировках, занимающихся принудительной трансплантацией органов и тканей организма человека, приведены в книге К.Д. Понте «Охота: я и военные преступники»¹⁰¹. На страницах книги приведены убедительные данные о том, что в 1999 г. Освободительная армия Косово (ОАК) занималась похищениями жителей сербских анклавов в автономии. Утверждается, что боевики похитили около трехсот сербов и представителей других славянских народностей и у похищенных людей были изъяты жизненно важные органы для последующей продажи на черном рынке. По утверждениям данного автора, изъятые органы переправлялись из окрестностей г. Буррел самолетом из столицы Албании Тираны в ряд платных клиник Западной Европы. В книге речь идет о целой сети транснациональной преступности. Автор также утверждает, что жертвами торговли человеческими органами стали более 300 человек - сербов и нелояльных лидерам косовских сепаратистов албанцев¹⁰².

Ответом на угрозу криминального перемещения органов и других биообразцов человека через границу (анализов крови, клеток ДНК, образцов

¹⁰⁰См.: Рахимов М.С. Разграничение торговли людьми со смежными составами преступлений // Государство и право. 2008. № 10. С. 100.

¹⁰¹Carla Del Ponte. The Hunt: Me and War criminals. Milan, 2008.

¹⁰²См.: К. Дель Понте. Охота: я и военные преступники. М.: Эксмо, 2008. С. 448 – 499.

костного мозга и т.д.), стал запретительный режим, введенный в 2007 г. Федеральной таможенной службой. На необходимость такого подхода ориентирует Всемирная организация здравоохранения¹⁰³.

Запрет, введенный ФТС России в связи с угрозой биотерроризма, вызвал негативную реакцию медицинских клиник, тяжелых гематологических и онкобольных, пользующихся услугами зарубежных медлабораторий, европейских баз доноров, фармкомпаний, а также пациентов, участвующих в международных программах по исследованию новых лечебных препаратов¹⁰⁴. Однако в то же время в результате новый порядок оформления серьезно повлиял на «черный рынок» торговли человеческими органами, в том числе с использованием криминальных схем, поскольку детально прописывает процедуру получения разрешений на провоз через границу биоматериалов и их таможенного «досмотра».

В мире сформировались устойчивые направления так называемого трансплантационного туризма: излюбленными направлениями жителей стран Северной Америки и Европы, нуждающихся в пересадке органов, становятся страны Центральной и Юго-Восточной Азии, Африки и Латинской Америки. В целом можно сказать, что существует нелегальная международная сеть торговли человеческими органами. Центр этой сети находится в Израиле. В России преступники могут входить в деловой контакт с представителями официальных органов здравоохранения, в т.ч. представителями Института Трансплантологии РФ. К сведению, одна почка ребенка, предназначенная для пересадки, может стоить в США до 250 тыс. долларов. Ради такой прибыли члены организованной преступной группы становятся способны на организацию разветвленной преступной сети и соответствующие правонарушения, несмотря на угрозу уголовной ответственности за их совершение. Поэтому

¹⁰³ В п. 9 Доклада Секретариата Всемирной организации здравоохранения от 26 марта 2009 г. «Трансплантация человеческих органов и тканей» указано, что «во многих других странах, особенно в тех, где правовые основы слабы, отсутствуют или вводятся в действие неэффективным образом, что позволяет спекулировать на продаже органов, полученных от уязвимых граждан».

¹⁰⁴ См.: Коммерсант. 2007. 13 июня.

не случайно, что для прекращения торговли донорскими материалами *необходим новый межгосударственный акт*, основой для которого могут послужить аналогичные документы, принятые ранее ООН и ЕС.

12. Незаконный оборот и торговля наркотиками, психотропными и сильнодействующими веществами.

В научной литературе отмечается, что «современный наркобизнес не осуществляется на любительском уровне ... а является важнейшим направлением деятельности организованной преступности»¹⁰⁵.

В настоящее время основной наркотрафик проложен из Афганистана. Как отмечалось в свое время в газете «Известия» актуально международное сотрудничество по борьбе «со спайкой между экстремизмом, исповедующим насилие, и незаконным оборотом наркотиков в Афганистане»¹⁰⁶. Действительно, как отмечается в литературе, «наркорынок Афганистана подпитывает терроризм, и, следовательно, срастается с ним»¹⁰⁷.

Для целей нашего исследования важно отметить, что наркобизнес осуществляется под общим руководством крупнейших российских преступных группировок с участием международных мафиозных кланов организован по принципу разделения «зон ответственности» и разделения функций. Другими словами, наркобизнес возможен только как наркобизнес транснациональных преступных групп. Это типично не только для России, но и других стран. Как пишут М. Микумс и Д. Шор, «главным направлением криминальной активности среди организованных преступных групп Великобритании является нелегальный оборот наркотиков»¹⁰⁸. Вопросы противодействия дан-

¹⁰⁵ Дайчман И. Интерпол. Всемирная система борьбы с преступностью. М.: РИПОЛ КЛАССИК, 2003. С. 383.

¹⁰⁶ Сотрудничество США и России по Афганистану // Известия. 2010. 9 июня.

¹⁰⁷ Старчак М.В. Противодействие наркопроизводству в современном Афганистане: оценка эффективности // Мировая экономика и международные отношения. 2008. №4. С. 83.

¹⁰⁸ Микумс М., Шор Д. Организованная преступность в Соединенном Королевстве и деятельность Национальной службы по борьбе с преступностью // Организованная преступность: проблемы борьбы и предупреждения: Сб. науч. статей / Отв. ред. А.Н. Тарбагаев. Красноярский гос. ун-т. Красноярск, 2001. С. 20.

ной угрозе в международно-правовом аспекте не так давно изучались и Р.В. Нигматуллиным¹⁰⁹.

Отметим, что в международном частном и гражданском праве наряду с физическими и юридическими лицами, а также государством, субъектами коммерческих отношений признается «международное хозяйственное объединение», которое создается на основании гражданско-правового волеизъявления в целях получения коммерческой выгоды и учреждается международным договором. В отличие от международных преступных групп, это легальная, правомерная организация с законным правовым статусом. Федеральное законодательство знает соответствующий термин – «финансово-промышленная группа», которая определяется как транснациональная финансово-промышленная группа, создаваемая на основе межправительственного соглашения¹¹⁰. Такая группа представляет собой совокупность юридических лиц, действующих как основное и дочернее общества, либо на основе объединения своих активов по договору о создании группы (ст.2 Федерального закона «О финансово-промышленных группах»). Подчеркнем, что к транснациональным относятся только те финансово-промышленные группы, участниками которых являются юридические лица, находящиеся под юрисдикцией государств – участников СНГ, имеющие на их территории обособленные подразделения либо осуществляющие там капитальные вложения (п.1 ст. 4 указанного Закона). То есть возможность создания межгосударственных транснациональных финансово-промышленных групп ограничена территорией СНГ.

Следовательно, к субъектам ТОП можно отнести физические лица, юридические лица (выступающие организационной формой ТОП) и

¹⁰⁹ См.: Нигматуллин Р.В. Международное сообщество в противодействии наркоугрозе: современное состояние и перспективы // Международное уголовное право и международная юстиция. 2014. №6. С. 22.

¹¹⁰ См.: п. 2 ст. 4 Федерального закона «О финансово-промышленных группах» от 30 ноября 2005 г. // Собрание законодательства РФ. 1995. № 49. Ст. 4697.

разновидности последних – финансово-промышленные группы, иные бизнес-структуры (ТНК).

Итак, сказанное в настоящей главе позволяет сделать следующие выводы:

Реализация международного сотрудничества по борьбе с правонарушениями, относящимися к ТОП, конкретизируется через международное обязательство ввести на национальном уровне императивный уголовно-правовой запрет всех правонарушений, которые связаны с выходом за пределы национальных границ государств и с созданием кооперативных преступных сообществ в разных странах. Общая сущность таких деяний позволяет назвать основные виды преступлений, входящих в группу ТОП. В совокупности эта группа объединяет двенадцать основных видов преступлений и семь подвидов.

К ним можно отнести: легализацию денег и иного имущества, добытых преступным путем («отмывание средств»); кражи объектов интеллектуальной собственности (включают присвоение товарных знаков, кражи знаков обслуживания, фирменных наименований, элементов промышленного дизайна; кражи и контрабанду произведений искусства и предметов культуры); незаконную торговлю огнестрельным оружием; незаконную транспортировку, сбыт ядерных боеприпасов и компонентов; коррупцию; кражи автотранспорта; мошенничества в сфере страхования; компьютерную преступность (включает мошенничества с кредитными карточками; мошенничества, связанные с выманиванием денег через игры, бонусы и т.п. формы вымогательства с помощью сети Интернет); экологические преступления; торговлю людьми (включает контрабанду людей; рабство; сексуальное насилие); торговлю человеческими органами; незаконный оборот и торговлю наркотиками, психотропными и сильнодействующими веществами.

Международное сотрудничество по борьбе с перечисленными видами ТОП основано на действующих международных правовых актах. Следует

отметить, что перечень данных преступных деяний не является исчерпывающим.

Глава 2. Международно-правовое регулирование борьбы с транснациональной организованной преступностью

§ 1. Конвенция ООН против транснациональной организованной преступности: юридическая природа, проблемы эффективности

Исследование международно-правовых норм, регулирующих сотрудничество государств в области борьбы с транснациональной организованной преступностью, на наш взгляд, следует начать с изучения особенностей современной международной ситуации и основных проблем международного права.

Эти особенности наиболее ярко проявляются:

- во-первых, в процессах глобализации, что связано, прежде всего, с появлением новых акторов международного права и попыткой переосмыслить роль современных государств как субъектов международного права, попыткой установить в мире одномерный правопорядок в интересах США и стран Запада;

- во-вторых, в процессах политизации международного права и политикой ряда стран (прежде всего – США), направленной на забвение основополагающих норм международного права в угоду сиюминутным политическим интересам. В этой связи Президент РФ В.В. Путин, выступая на юбилейной, 70-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН, призвал руководствоваться не амбициями, а общими ценностями и общими интересами¹¹¹;

- в-третьих, в изменчивости и лабильности современной организованной преступности.

¹¹¹ См.: Российская газета. 2015. 30 сентября.

Особенности современного международного права напрямую связаны со спецификой преступности и пошатнувшимся общим правопорядком в глобальном мире.

Прежде всего, речь идёт о *транснационализации преступного бизнеса*. Преступные организации в настоящее время активно пользуются ролью региональных и международных экономических центров, обширные перевозки и транспортные связи которых позволяют «признать» незаконный бизнес среди законных торговых операций. «Таким образом, организованная преступность соединяет традиционные методы с преимуществами новых высоких технологий в экономике»¹¹². Например, в последнее время наблюдается новая тенденция в транснациональной организованной преступности, связанная с нахождением новых способов преодоления международных режимов по борьбе с отмыванием денег. Вместо денег преступные группировки перевозят за границу крупные партии питания (в основном чая, сахара, риса, макаронных изделий). «По мнению экспертов, такой метод перемещения средств ещё труднее контролировать, поскольку преступные сделки почти неотличимы от гуманитарных или коммерческих поставок. Недавний пример: базирующаяся в Париже благотворительная организация *Comitee de Bienfaisance et de Secours aux Palestiniens (CBSP)*, закупавшая в США продукты питания совместно с палестинской благотворительной организацией *El Ehssan Association* (связанной с террористической организацией «Исламский джихад»), направляла часть выручки от продажи товаров на финансирование террористов»¹¹³.

Использование современных технологий связи, наличие гибких сетей и использование благотворительных мероприятий для реализации своих преступных целей позволяют транснациональной организованной преступности длительное время осуществлять внешне легальную деятельность, являющуюся

¹¹² Торговля людьми. Социокриминологический анализ //Под общей редакцией Е.В. Тюрюкановой и Л.Д.Ерохиной. М: Academia, 2002.С. 180.

¹¹³ Поляничко Е.Г. Формирование международных режимов борьбы с терроризмом: Монография/ Е.Г. Поляничко. М.: ВИТА- ПРЕСС, 2008. С. 105.

юся по своему фактическому содержанию преступной. На фоне слабой информированности и сложностей применения быстрых процедурных мер в ходе уголовных расследований, которыми «отягчены» современные государства, транснациональный преступный бизнес процветает. Разумеется, международное право задаёт вектор борьбы с транснациональной преступностью, но оно, являясь конвенциональным по своему характеру, возлагает на государства обязательства использовать все способы борьбы с транснациональной организованной преступностью.

Транснациональность (распространённость по всему миру) не означает того факта, что истоки таких преступных группировок не произрастают в конкретных государствах. Например, в 2008 г. в Российской Федерации по линии противодействия легализации преступных договоров «проведено почти 14,5 тысяч финансовых расследований. За 2008 г. Росфинмониторингом получено более 8,5 млн. сведений от поднадзорных организаций на общую сумму порядка 87 трлн. рублей. Увеличилось по сравнению с 2007 г. количество выявленных в ходе проверок операций, сведения о которых не были направлены в Росфинмониторинг. В 2008 г. количество таких операций превысило 16 тысяч, общая сумма по ним составила более 82 млрд. руб. Проведено 413 проверок поднадзорных структур, в ходе которых были установлены 5567 нарушений требований Федерального закона от 7 августа 2001г. № 115-ФЗ «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путём, и финансирования терроризма», дополнительно выявлены сомнительные операции и сделки на общую сумму около 24 млрд. руб.¹¹⁴ Связь русской мафии с легальным бизнесом в России вызывает особую тревогу в международном сообществе, хотя это явление характерно для всего мира. Так, бывший американский президент Дж. Буш-младший в одном из своих выступлений сообщил, что по данным ФБР, более 50% лиц, приезжа-

¹¹⁴ См.: Общество в условиях финансового кризиса: экономика, политика, право: материалы международной научно-практической конференции (г. Екатеринбург, 2009). Часть.1. Изд-во Уральского института экономики, управления и права. Екатеринбург, 2009. С. 101 -102.

ющих с деловыми целями из России, находятся в контакте с мафиозными группировками (как российскими, так и американскими)¹¹⁵.

Отмеченные обстоятельства позволяют определить не только современные *тренды* международного права, но и некоторые его недостатки. К последним можно отнести пробелы международно-правового регулирования, нормативную противоречивость, низкую эффективность имеющихся международно-правовых институтов. Ряд этих недостатков вызван объективными причинами, а другие - внутренними противоречиями процессов универсализации и унификации права.

Почему возникают противоречия? На наш взгляд, это закономерный процесс, прослеживающийся на всех этапах эволюционного развития государственно-правовых институтов. Универсализация и унификация права в современном мире содержат в качестве важнейшего компонента понятие меры. Мера в международном праве следует рассматривать не только как предел вмешательства в национальное законодательство, но и как способ взаимодействия национальных систем права с международной системой права. Если в мире превалирует только одна из её качественных характеристик, то принцип универсализации и унификации права может подвергаться коррозии и производить обратный эффект. Мы поддерживаем точку зрения М.Н.Марченко, согласно которой в условиях глобализации универсализация «носит скорее не эволюционный, а взрывной, революционный характер»¹¹⁶. Отсюда и проистекает противоречивость и неравнозначность для субъектов международного права явлений универсализации и унификации права, попыток порой противодействовать этому процессу.

При анализе любого международно-правового акта необходимо иметь в виду не только его юридические характеристики, но и политические, социально-экономические, этические и научно-теоретические. Все они, отражая

¹¹⁵ См.: Дайчман И. Интерпол. Всемирная система борьбы с преступностью. М.: РИПОЛ КЛАССИК, 2003. С.312.

¹¹⁶ Марченко М.Н. Об основных тенденциях развития права в условиях глобализации // Государство и право. 2009. № 6. С.5.

системный характер международного правового акта, способствуют выработке оптимальных способов его реализации субъектами международного права.

Таким системным международным нормативно-правовым актом является Конвенция Организации Объединённых Наций против транснациональной организованной преступности (Палермо, 15 декабря 2000 г.) и три Протокола к ней¹¹⁷.

В чем же специфические черты и особенности данной Конвенции ООН как основополагающего международно-правового документа?

Решение о подготовке Конвенции было принято в декабре 1998 г. на 53-ей сессии Генеральной Ассамблеи ООН. От Российской Федерации в специальном комитете по выработке текста Конвенции принимала участие представительная делегация. В течение полутора лет было проведено 10 сессий Комитета, итогом работы которого явилась выработка уникального международного правового документа – Конвенции и дополняющих её Протоколов и подписание её на специально проведённой для этой цели Политической конференции в г. Палермо (Италия) 12-15 декабря 2000 г.

Мы полагаем, что особые юридические свойства Конвенции проявляются в следующем.

Во-первых, Конвенция носит всеобъемлющий характер, если принять во внимание тот факт, что в подготовке её текста участвовали делегации более чем 120 стран и международных организаций.

Во-вторых, в отличие от некоторых других универсальных конвенций, целью которых является урегулирование одного предмета (к примеру, Консульская Конвенция, Таможенная Конвенция, Патентная Конвенция), данная Конвенция регулирует широкий спектр правовых проблем: введение уголовной ответственности за организацию и участие в преступных сообществах, отмывание денег, коррупцию, противодействие правосудию.

¹¹⁷Далее - Конвенция.

В-третьих, в Конвенции выработаны нормы конкретно-регулятивного характера, устанавливающие способы предупреждения транснациональной организованной преступности (к примеру, выявление всех форм отмывания доходов).

В-четвёртых, в Конвенции регламентирован уникальный механизм сотрудничества правоохранительных органов государств в борьбе с транснациональной организованной преступностью (установление новых методов раскрытия преступлений; оказание взаимной правовой помощи государствами-участниками; выдача лиц, подозреваемых в совершении преступлений транснационального характера; передача осуждённых лиц и уголовного производства; защита свидетелей и помощь потерпевшим; сбор и анализ информации о характере организованной преступности и обмен такой информацией).

В-пятых, Конвенцией охватываются серьёзные преступления, имеющие транснациональный характер, совершённые организованными преступными группами, наказуемыми по уголовному законодательству государств-участников Конвенции на срок не менее 4-х лет и более строгим наказаниям, и конвенционные преступления (создание организованной преступной группы и участие в ней, коррупция, отмывание преступных доходов, воспрепятствование осуществлению правосудия).

В-шестых, Конвенция является международно-правовым документом, открытым для реализации новых научных знаний. В ч. 2 ст. 28 Конвенции устанавливается, что государства-участники рассматривают возможность расширения аналитических знаний относительно организованной преступной деятельности и обмена ими между собой и через посредство международных и региональных организаций. С этой целью в надлежащих случаях должны разрабатываться и использоваться общие определения, стандарты и *методология* (курсив наш – Д.В.). Такое обязательство по развитию важнейших аспектов науки международного права не прослеживается в других Конвенциях ООН. В этом, на наш взгляд, усматривается знаковость Палермской Кон-

венции, определившей новую тенденцию в содержании конвенционального развития международного права. Полагаем, что в этом выражается открытость Конвенции в плане её стремления совершенствоваться посредством развития понятийно-методологического аппарата для его однозначного понимания и использования в правоприменительной практике государств-участников. Так, при «конструировании ст. 5 Конвенции, закрепляющей обязательства государств криминализовать участие в организованной преступной группе, разработчики учитывали как известную американскому праву концепцию сговора, в соответствии с которой сами факты создания преступной организации и участия в ней рассматриваются как оконченные преступления. Так и используемую в континентальном праве теорию соучастия, где сговор на совершение преступления или поиск сообщников оценивается как приготовление к соответствующему преступлению»¹¹⁸.

В-седьмых, впервые на международно-правовом уровне в Конвенции детально конкретизирован порядок осуществления взаимной правовой помощи странами-участницами.

В-восьмых, Конвенция установила ряд положений, носящих принципиальный характер для международно-правовых основ борьбы с транснациональной организованной преступностью. По нашему мнению, это принцип информационной достаточности, который выражается в содействии силами средств массовой информации углублению понимания обществом факта существования, причин распространения и опасного характера транснациональной организованной преступности, а также создаваемых ею угроз в будущем.

Вместе с тем анализ Конвенции позволил определить ряд так называемых «проблемных норм» с точки зрения их теоретико-правового совершенства. Разумеется, мы понимаем причину появления не всегда исчерпывающе точных формулировок, «обтекаемых» диспозиций таких норм. Они кроются

¹¹⁸ Михайлов В. Палермская Конвенция ООН против транснациональной организованной преступности // Российская юстиция. 2001. № 7 .

в распространении в конвенциональном международном праве так называемого «мягкого права», призванного соблюсти основные принципы международного права, закреплённые в Уставе ООН, и, прежде всего, принцип, касающийся обязанности в соответствии с Уставом не вмешиваться в дела, входящие во внутреннюю компетенцию любого другого государства, и принцип суверенного равенства государств¹¹⁹.

В этой связи Ю.С. Безбородов полагает, что в большинстве случаев результатом правотворческой деятельности международных организаций «становятся не правоустанавливающие акты, а акты, содержащие нормы так называемого «мягкого права»»¹²⁰. В настоящее время серьёзно изучается вопрос: является ли «мягкое право» частью права международного?¹²¹ Как правило, «мягкое право» характерно для рамочных документов, которые принимаются с целью сближения законодательных положений государств-членов. «Мягкое право» в основном затрагивает вопросы юстиции, и в гораздо меньшей степени распространяется на нормы материального права¹²². В научной литературе сложилось мнение, что нормы «жёсткого права» закрепляются в международных договорах, а нормы «мягкого права» в модельных нормативных актах (в типовых, а также в отдельных межгосударственных соглашениях, рамочных соглашениях, рекомендациях). В частности, И.И.

¹¹⁹ См.: Декларация о принципах международного права, касающихся дружественных отношений и сотрудничества между государствами в соответствии с Уставом Организации Объединённых Наций (принята 24.10.1970 Резолюцией 2625 (XXIV) Генеральной Ассамблеей ООН)

¹²⁰ Безбородов Ю.С. Международные модельные нормы // Ю.С.Безбородов. М.: Волтерс Клувер, 2008. С.80. См. также: Лукашук И.И. Нормы международного права в правовой системе России. М.: Спарк, 1997.

¹²¹ См.: Трикоз Е.Н. Развитие уголовного законодательства в условиях глобализации // Глобализация и развитие законодательства: очерки // Отв. Ред. Ю.А.Тихомиров, А.С. Пиголкин. М: ОАО «Издательский дом «Городец», 2004. С.393-395; Решетов Ю.А. К вопросу о «мягком праве» //МЖП, 200, № 3. С.26; Игнатенко Г.В. Заключительный акт Европейского совещания в Хельсинки // Правоведение 1976, № 3; Лукашук И.И. Нормы международного права в международной нормативной системе права в международной нормативной системе. М, 1997. он же. Нормы международного права в правовой системе России. М, 1997 и др.

¹²² См: Трикоз Е.Н. Развитие уголовного законодательства в условиях глобализации // Глобализация и развитие законодательства: очерки / отв. Ред. Ю.А.Тихомиров, А.С. Пиголкин. М.: ОАО «Издательский дом «Городец», 2004. С.393.

Лукашук отметил, что нормы «мягкого права», безусловно, являются неотъемлемой частью международной нормативной системы и значительно влияют на её развитие и содержание. В свою очередь В.В. Гаврилов в своей докторской диссертации отмечает, что «нормы международного «мягкого права» ... не могут быть включены в состав нормативной составляющей международной правовой системы. Их следует рассматривать в качестве международных договоренностей или обыкновений, нормативно-регулирующее воздействие которых на поведение субъектов мирового сообщества не имеет юридического характера»¹²³. Думается, эта точка зрения заслуживает одобрения.

Международная правоприменительная практика свидетельствует о том, что обосновывая свою правовую позицию, страны-участницы международных договоров обращаются к нормам «мягкого права» точно также как и к нормам «жесткого права». По нашему мнению, нормы «мягкого права» способствуют безболезненному вхождению государств в международное правовое поле, акцентируя их право совершать действия, исходя из собственных усмотрений. Для этого в международных правовых актах содержатся специальные формулировки: «принимать в будущем необходимые меры», «стремиться», «добиваться», «государства – участники могут рассмотреть возможность установления требования о том...», «в максимальной степени, возможной в рамках своей внутренней правовой системы», «государства-участники стремятся заключить двусторонние и многосторонние соглашения или договорённости...» и т.д.

В Палермской Конвенции такие «мягкие нормы» представлены в значительном объёме. «Мягкие нормы» можно рассматривать как определенную разновидность норм диспозитивного вида. Диспозитивность нормы предполагает свободное усмотрение сторон, которые наполняют предписания соб-

¹²³Гаврилов В.В. Международная и национальные правовые системы: понятие и основные направления взаимодействия: понятие и основные направления взаимодействия: дис.... д-ра юрид. наук: 12.00.10. Владивосток, 2005. С. 11.

ственными содержанием и нормативным усмотрением. Так же и «мягкие» нормы регулируют отношения, позволяя государствам активно проявлять усмотрение в установленных рамках.

Например, в части 7 ст. 12 устанавливается, что государства-участники *могут рассмотреть* (курсив наш – Д.В.) возможность установления требования о том, чтобы лицо, совершившее преступление, доказало законное происхождение предполагаемых доходов от преступления или другого имущества, подлежащего конфискации, в той мере, в какой такое требование соответствует принципам их внутреннего законодательства и характеру судебного и иного разбирательств.

Таких «мягких норм» в Конвенции содержится (с учётом Протоколов к ней) более тридцати. Нет сомнения в том, что эти нормы будут изменяться в направлении большей императивности.

Определив наше отношение к статусу норм «мягкого права», содержащихся в Конвенции, перейдём к рассмотрению не менее проблематичного вопроса о юридической характеристике преступления, носящего транснациональный характер. Эта проблема имеет прямую связь с определением таких понятий как «международное преступление» и «преступление международного характера».

В соответствии с п.2 ст.3 Конвенции преступление носит транснациональный характер, если оно совершено: 1) в более, чем одном государстве; 2) в одном государстве, но существенная часть его подготовки, планирования, руководства или контроля имеет место в другом государстве; 3) в одном государстве, но при участии организованной преступной группы, которая осуществляет преступную деятельность в более чем одном государстве; 4) в одном государстве, но его существенные последствия имеют место в другом государстве.

Организованную преступность в настоящее время характеризуют три существенные особенности: 1) глобальный размах операций, заключающихся в традиционной криминальной активности, но в гораздо более широком кон-

тексте; 2) рост связей, в том числе транснациональных, между преступными сообществами, а также между этими структурами, с одной стороны, и другими общественно опасными группировками, не входящими в организованную преступность, - с другой; 3) способность угрожать стабильности целых государств, препятствуя их экономическому развитию и подрывая демократические институты, торпедируя их союзнические отношения с другими странами¹²⁴.

В целом следует констатировать, что хотя Конвенция и направлена на борьбу с транснациональной организованной преступностью, однако подавляющая часть её норм (с учетом Протоколов – более 89 %) в качестве субъекта соответствующих преступлений подразумевает физических лиц. К примеру, в ч. 5 ст. 11, устанавливающей правила преследования, вынесения судебного решения и применения санкций указано: «Каждое Государство – участник в надлежащих случаях устанавливает согласно своему внутреннему законодательству длительный срок давности для возбуждения уголовного преследования за любое преступление, охватываемое настоящей Конвенцией, и более длительный срок давности в тех случаях, когда *лицо* (курсив наш – Д.В.), подозреваемое в совершении преступления, уклоняется от правосудия».

В ст. 12, устанавливающей правила конфискации и ареста, в ч. 7 прописано: «Государства – участники могут рассмотреть возможность установления требования о том, чтобы *лицо, совершившее преступление, доказало* (курсив наш - Д.В.) законное происхождение предполагаемых доходов от преступления или другого имущества, подлежащего конфискации в той мере, в какой такое требование соответствует принципам их внутреннего законодательства характеру судебного или иного разбирательства». В п. 4 ст. 15 устанавливается: «Каждое Государство-участник может также принять такие меры, какие могут потребоваться с тем, чтобы установить свою юрисдикцию

¹²⁴ См.: Воронин Ю.А. Транснациональная организованная преступность: монография. Екатеринбург: Изд-во УрГЮА, 1997. С. 13.

в отношении преступлений, охватываемых настоящей Конвенцией, когда *лицо, подозреваемое в совершении преступления* (курсив наш – Д.В.), находится на его территории и оно не выдает его».

Можно привести в качестве примера ещё десятки норм Конвенции, включая Протоколы к ней, где полисубъектность как критерий транснационального характера преступлений отсутствует, хотя именно этот признак, как мы уже отмечали, является важным в плане определения транснациональной организованной преступности. Об этом можно судить, исходя из некоторых определений, данных в юридической энциклопедической литературе. Например, в юридической энциклопедии (авторы Л.В. Тихомирова, М.Ю. Тихомиров) вообще отсутствует понятие «транснациональная организованная преступность», но исходя из смысла других работ, написанных этими авторами, мы можем сделать однозначный вывод о полисубъектности как одном из признаков транснационального характера преступления.

Например, в определении транснациональных корпораций (ТНК) авторы пишут, что это крупнейшие международные монополии, состоящие из лидирующих в своих странах национальных корпораций с обширной сетью дочерних компаний, филиалов. ТНК не зависят от страны их происхождения и функционируют в соответствии с системой принятия решений, позволяющей проводить согласованную политику и общую стратегию. Определяя транснациональные финансово-промышленные группы, Л.В.Тихомирова и М.Ю. Тихомиров тоже говорят о полисубъектности: среди участников этих групп имеются юридические лица, находящиеся под юрисдикцией государств-членов СНГ, имеющие обновлённые подразделения на территории указанных государств¹²⁵.

В рамках юрисдикции государств формируется проблема: всё внимание мирового сообщества сконцентрировалось не на предупреждении, а на последствиях этих преступлений. Так, к примеру, сложилась общепринятая

¹²⁵ См.: Тихомирова Л.В., Тихомиров М.Ю. Юридическая энциклопедия – изд. 5-е, доп. и перераб. М, 2007. С.866.

точка зрения, согласно которой «в целом транснационализация преступности получает сегодня воплощение и дальнейшее развитие в следующих двух направлениях: «С одной стороны, распространение международных преступлений в собственном смысле этого слова («преступлений по общему международному праву»), или так называемых преступлений против мира и безопасности человечества, а с другой - интернализация по общеуголовной преступности в условиях происходящей революции в информационной и коммуникационной сферах»¹²⁶.

Сконцентрировавшись в этом направлении, юристы-международники, не выработали общий критерий отнесения преступлений по их характеру к транснациональным, не всегда корректно определяют такие важнейшие понятия, лежащие в основе международного конвенционального права, как «международное преступление» и «преступление международного характера». Так, Е.Б. Мизулина считает недопустимым отождествление этих понятий¹²⁷, полагая, что к очевидным признакам международного преступления следует относить: 1) общепризнанные деяния, которые связаны с нарушением общепризнанных норм международного права (геноцид, преступления против человечности, военные преступления, преступления агрессии); 2) такие деяния, которые связаны с нарушением основных принципов международного права, зафиксированных в Уставе ООН; 3) эти деяния причиняют ущерб международному сообществу, в первую очередь, международному миру и безопасности. Данный автор подчёркивает, что «ответственность за их совершение несёт конкретное физическое лицо, однако к международно-правовой ответ-

¹²⁶ Трикоз Е.Н. Развитие уголовного законодательства в условиях глобализации // Глобализация и развитие законодательства: очерки / Отв. Ред. Ю.А.Тихомиров, А.С. Пиголкин. М: ОАО «Издательский дом «Городец», 2004. С.379.

¹²⁷ См.: Панов В.П. Сотрудничество государств в борьбе с международными уголовными преступлениями. Учеб пособие. М., 1993. Автор считает, что термин «преступления «международного характера» и «международные уголовные преступления» являются синонимами и характеризуют эти преступления как не имеющие непосредственной связи с преступной деятельностью конкретного государства, однако посягающие одновременно на международный и национальный правопорядок (Указ. соч. С.13).

ственности может быть привлечено государство, *международная организация, группа лиц* (курсив наш - Д.В.), если они способствовали совершению международного преступления. Личная международная уголовная ответственность индивида выступает в таком случае как форма и следствие ответственности самого государства. Государство несёт не уголовную, а международно-правовую ответственность по общему международному праву к действиям физических лиц, нарушающих нормы международного права, в пределах его юрисдикции»¹²⁸.

Зачастую международные преступления отождествляют с транснациональным, что связано, прежде всего, с тем, что в международном праве ещё не сложилась окончательная классификация международных преступлений. Е.Б. Мизулина в своём труде «Торговля людьми и рабство в России: международно-правовой аспект» приводит точку зрения профессора Л.Л.Кругликова о том, что «в науке международного уголовного права преобладает деление уголовно наказуемых деяний не на транснациональные и международные, а на преступления международные и международного характера. При такой классификации для посягательств, именуемых транснациональными, определяющим должен быть признак выхода за пределы одного государства, когда часть преступного поведения имеет место на одной территории, а другая часть (или части) – на другой. При таком понимании в роли транснациональных могут предстать не только общеуголовные преступления, но и международные преступления, и преступления международного характера. Поэтому ... правильнее говорить о наличии признака транснациональности преступления, а не о тождественности понятий «транснациональное преступление и «международное преступление»¹²⁹.

¹²⁸ Мизулина Е.Б. Торговля людьми и рабство в России: международно-правовой аспект. М.: Юристъ, 2006. С.151-153.

¹²⁹ Там же. С.151.

Именно так и определено понятие транснационального преступления в п.1 ст.3 Конвенции, то есть для определения преступления как международного признак транснациональности не является обязательным.

Преступления международного характера часто именуют конвенционными, то есть такими, состав которых установлен международными конвенциями и которые не являются нарушением общепризнанных норм международного права, вследствие чего обладают меньшей степенью общественной опасности для международного сообщества. Так, С.В. Черниченко под преступлениями международного характера понимает «преступления против международного права (преступления согласно международному праву)». Рассматривая состав такого преступления, автор полагает, что в качестве субъекта выступает индивид, действия которого представляют опасность в международном масштабе, признаются государствами преступными и требующими объединённых усилий для борьбы с ними¹³⁰.

Аналогичных взглядов придерживается Г.Т. Мансуров, полагающий, что субъектами преступлений международного характера являются физические лица, при условии, что они не имеют непосредственной связи с деятельностью конкретных государств»¹³¹. Данный учёный полагает, что преступления международного характера в качестве определяющего признака имеют повышенную общественную опасность. Г.Т. Мансуров, проводя всесторонний анализ точек зрения исследователей относительно содержания преступлений международного характера, приходит к выводу, что в проведённых исследованиях учёными многих стран отмечаются три важнейших черты рассматриваемых преступлений: «значительная уязвимость национальных и международных сообществ от этих видов преступной деятельности; ограниченные возможности национальных и международных сообществ по предупреждению, контролю и борьбе с такими преступлениями; существенный

¹³⁰ См.: Черниченко С.В. Определение массовых и грубых нарушений прав человека как международного преступления//Док. ООН E/CN/4/Sub.10/1997/2/ P 9-11.

¹³¹ См.: Мансуров Г.Т. Понятие и общие признаки преступлений международного характера // Юрист –международник. 2004. № 1. С.60.

объём и обширная сфера ущерба, которые они наносят обществу и человечеству в целом»¹³².

Не вызывает сомнения, на наш взгляд, тот факт, что все эти черты в равной степени присущи и международным преступлениям. Что же касается вопроса степени общественной опасности преступлений международного характера, то на этот счёт, как было показано выше, существуют противоположные точки зрения. В тексте Конвенции (в п. .11) подчёркивается «опасный характер преступлений, охватываемых данным документом. Такие преступления затрагивают, как правило, «интересы двух и более государств», «влекут уголовную ответственность физических лиц только в том случае, если эти преступления предусмотрены в национальном уголовном законодательстве, принятом на основании международных договоров (чаще всего Конвенций)», «связаны с осуществлением уголовного преследования лица, его совершившего, государством, на территории которого такое преступление было совершено, если международным договором не установлено иное», «влекут уголовную ответственность только для конкретного лица, его совершившего, и не влекут безусловную международно-правовую ответственность государства», «имеют сроки давности, если в национальном уголовном законодательстве не предусмотрено иное»¹³³.

Таким образом, можно было бы на основании вышесказанного сделать вывод о том, что в Палермской Конвенции речь идёт именно о преступлениях международного характера. Но опять возникает проблема полисубъектности как критерия транснационального характера преступлений. Если взять за основу именно этот критерий, то тогда можно сделать более корректный, на наш взгляд, вывод, что в Палермской Конвенции речь идёт о преступлениях международного характера, имеющих определенные особенности, позволяющие выделить их в особую группу таких международных преступных дея-

¹³² Мансуров Г.Т. Указ. соч. С. 60.

¹³³ См.: Мизулина Е.Б. Указ. соч. С.155-156.

ний. Это очевидно в силу того, что в Конвенции присутствует ст. 10, определяющая ответственность юридических лиц:

«1. Каждое государство – участник принимает такие меры, какие, с учётом его правовых принципов, могут потребоваться для установления ответственности юридических лиц за участие в серьёзных преступлениях, к которым причастна организованная преступная группа, и за преступления, признанные таковыми в соответствии со статьями 5, 6, 8, 23 настоящей Конвенции.

2. При условии соблюдения правовых принципов Государства – участника ответственность юридических лиц может быть уголовной, гражданско-правовой или административной.

3. Возложение такой ответственности не исключает уголовной ответственности физических лиц, совершивших преступления.

4. Каждое государство – участник, в частности, обеспечивает применение в отношении юридических лиц, привлекаемых к ответственности в соответствии с настоящей статьей, эффективных, соразмерных и оказывающих сдерживающее воздействие уголовных или не уголовных санкций, включая денежные санкции».

Данная статья подтверждает, что нельзя рассматривать преступления транснационального характера, как совершаемые только частными лицами и посягающие на интересы нескольких государств. Более того, в ст. 2 Конвенции даётся следующее определение организованной преступной группы: «Структурно оформленная группа в составе трёх и более лиц, существующая в течение определённого периода времени и действующая согласованно с целью совершения одного или нескольких серьёзных преступлений или преступлений, признанных таковыми в соответствии с настоящей Конвенцией, с тем, чтобы получит прямо или косвенно, финансовую или иную материальную выгоду».

Из этого определения следует, что речь идёт о группе лиц, а не только о об одном физическом лице. Например, в п.1 ст. 16 о выдаче установлено:

«Настоящая статья применяется к преступлениям, охватываемым настоящей Конвенцией, или в случаях, если к совершению преступления, упомянутой в пункте 1 (пункт «а») или («b») статьи 3, причастна *организованная группа или лицо* (курсив наш - Д.В.), в отношении которого запрашивается выдача, находится на территории запрашиваемого Государства-участника, при условии, что деяние, в связи с которым запрашивается выдача, является уголовно наказуемым согласно внутреннему законодательству как запрашивающего Государства-участника, так и запрашиваемого Государства-участника». Статья 26, устанавливающая меры, направленные на расширение сотрудничества с правоохранительными органами, в п. «b» разъясняет, что государства-участники должны поощрять лиц, которые участвуют или участвовали в организованных преступных группах, к «предоставлению фактической, конкретной помощи компетентным органам, которая может способствовать лишению организованных преступных групп их ресурсов или доходов от преступлений».

Организованная преступная группа характеризуется, как известно, предварительным сговором и устойчивостью. Под устойчивостью обычно понимается наличие поэтапных связей между её членами, а также наличие специфических методов преступной деятельности.

Организованная преступность – это не абстрактное явление. Она состоит из преступных групп и организаций. «Преступные организации нередко имеют определённую структуру как внутри страны, так и на международном уровне... Особая опасность организованной преступности заключается в том, что на международном уровне она почти незаметно добивается влияния и господствующего положения в деловом мире»¹³⁴.

Таким образом, мы приходим к следующим выводам.

¹³⁴ Тихомирова Л.В., Тихомиров М.Ю. Юридическая энциклопедия. Изд. 5-е, доп. и перераб. Под ред. М.Ю. Тихомирова. М., 2007. С. 589.

Во-первых, в теории международного права отсутствует устоявшееся понимание содержания категорий «международное преступление», «преступление международного характера».

Во-вторых, юристы-международники так и не сумели определить чёткие критерии транснационального характера преступлений.

В-третьих, отсутствует чёткое понимание форм транснациональной организованной преступности.

В-четвёртых, теоретические недоработки отразились на качестве международного конвенционального права, что не способствует его эффективности.

В плане анализа норм Конвенции эти негативные черты проявились в следующем.

В Конвенции, исходя из сложившейся в науке международного права позиции учёных, речь идёт о преступлениях международного характера, имеющих определённые особенности, позволяющие выделить их в отдельную группу – транснациональных преступлений. Отличия этих преступлений по степени их общественной опасности, исходя из нашего анализа, весьма условны.

В тоже время в отсутствие общепризнанной классификации международных преступлений можно провести сравнение транснациональных преступлений с международными преступлениями, с учетом лишь наметившейся в современных правовых системах государств тенденции относить к таковым преступления против мира и безопасности человечества. В числе данных преступлений в УК многих государств присутствуют такие, как обращение в рабство, депортация, торговля людьми (ст. 128 УК Белоруссии, ст. 408 УК Грузии, ст. 137 УК Молдавии, ст. 100 УК Литвы, ст. 212 УК Франции, § 6 УК ФРГ). Как указывает Е.Б. Мизулина, «Статья 7 Римского Статута Международного уголовного суда относит к преступлениям против человечности похищение, обращение в сексуальное рабство, принуждение к проституции, принудительную стерилизацию, принудительную беременность или другие

формы сексуального насилия сопоставимой тяжести, если они совершаются умышленно и в рамках *широкомасштабного* (курсив наш - Д.В.) или систематического нападения на любых гражданских лиц. Порабощение как бесчеловечный акт признано преступлением против мира и безопасности человечества и в ст.2 Проекта Кодекса преступлений против мира и безопасности человечества»¹³⁵.

В пп. «b» п.1 ст. 3 и пп. «d» п. 2 ст. 3 Кодекса преступлений против мира и безопасности человечества определяют характерные черты международного преступления. В связи с этим возникает проблема определения субъекта преступления, так как «международные преступления обычно совершаются государствами, их высшими должностными или иными официальными лицами, а преступления международного характера совершаются, главным образом, частными лицами и посягают на интересы нескольких государств.

Вряд ли можно признать, что Протокол № 1 против незаконного ввоза мигрантов по суше, морю и воздуху, дополняющий Конвенцию ООН против транснациональной организованной преступности и имеющий принципиальное значение для разграничения торговли людьми, которая осуществляется с целью последующей эксплуатации человека, и незаконного ввоза мигрантов, не связанного с подобными целями, устанавливает такие общепасные виды преступлений, которые коснутся нескольких государств, что характерно для преступлений международного характера. Если в качестве определяющего признака международного преступления брать повышенную степень общественной опасности, то преступления, о которых ведётся речь в Протоколе № 1, а также в Протоколе № 2 «О предупреждении и пресечении торговли людьми, особенно женщинами и детьми, и наказанию за неё», и в Протоколе № 3 «Против незаконного изготовления и оборота огнестрельного оружия, его составных частей и компонентов, а также боеприпасов к нему», допол-

¹³⁵ Мизулина Е.Б. Торговля людьми и рабство в России: международно-правовой аспект в России: международно-правовой аспект. М: Юрист, 2006. С.159.

няющих Конвенцию ООН против транснациональной организованной преступности, не представляют угрозы для всего мирового сообщества.

В этой связи, как показывает доктринальное толкование норм Конвенции, её разработчики пришли к выводу, а государства-участники согласились с ним, что субъекты преступлений, зафиксированные в Конвенции – это не только физические лица, но и юридические лица (ст.10), «организованные преступные группы» и «структурно оформленные группы» (в соответствии с п. «с» ст. 2 Конвенции представляют собой группы, которые не были случайно образованы для немедленного совершения преступлений и в которых не обязательно формально определены роли её членов, оговорён непрерывный характер членства или создана развитая структура, т.е. аналог групп, действующих по предварительному сговору).

Не вызывает сомнения, что полнота характеристики организованной преступной группы, данной в п. «а» ст. 2 Конвенции, явно недостаточна. Узость данной формулировки не позволяет определить как субъектов транснациональных организованных преступлений, зафиксированных в Конвенции и Протоколах к ней, к примеру, таких сравнительно новых, но уже реально и потенциально опасных ТНК, занимающихся преступным бизнесом, не фиксирует, по нашему мнению, важнейший признак современных организованных преступных групп – их организованность как ключевой, констатирующий элемент преступного сообщества, порождающий многообразие его форм. Тяжесть общественной опасности преступлений, на борьбу с которыми направлены нормы Конвенции, не может явиться следствием деятельности только «структурно оформленной группы в составе трёх и более лиц».

В Конвенции явно требуют поправок положения о субъектности преступлений. Пока же это порождает правовую неопределённость в вопросе о квалификации организованных преступных групп Конвенцией и Протоколами к ней.

Следует также подчеркнуть, что содержательно Конвенция оказывается несколько за рамками процессов глобализации, происходящих в экономи-

ке, политике, культуре и праве. Организованная преступная группа по своему статусу - структура, не переросшая из семейно-клановой мафиозной стадии в глобальные вертикальные и горизонтальные преступные структуры, порою легально сросшиеся с административным аппаратом не только своих, но любых государств мира.

Конвенцией охватываются имеющие транснациональное значение и совершённые при участии организованной преступной группы серьёзные преступления, то есть деяния, наказуемые по уголовному законодательству государств лишением свободы на срок не менее четырёх лет, или более строгой мерой наказания, и так называемые конвенционные преступления, то есть создание организованной преступной группы и участие в ней, отмывание денег, коррупция и воспрепятствование осуществлению правосудия, что не даёт основания осуществить классификацию этих преступлений, так как отсутствует единый критерий такой классификации. Мы уже обращали внимание на то, что в международно-правовых актах такие преступления нельзя классифицировать по степени общественной опасности. Отсутствие же такой классификации делает невозможным правильно определить все элементы состава преступления, совершённого транснациональной преступной организацией.

Таким образом, следует сделать **главный вывод**: отсутствие единого признака, позволяющего выявить основные составляющие элементы преступления, совершённого преступной транснациональной организацией, не позволит создать действенные механизмы, способствующие ликвидации практики транснациональной организованной преступности.

Мы предлагаем в качестве такого признака (наряду с транснациональностью) использовать полисубъектность преступной деятельности, совершённого транснациональной организованной группой. В этом случае может сложиться впечатление, что субъектом ТОП может быть национальное государство, проводящее, к примеру, протекционистскую политику в отношении

своих криминализованных ТНК¹³⁶, и даже международные организации, если будет доказано, что они причастны к созданию транснациональных преступных группировок, либо не предпринимали никаких действий по борьбе с такими структурами, либо занимались их укрывательством, либо способствовали легализации их преступного бизнеса. Однако такой взгляд можно рассматривать как чрезвычайно радикальный и не отвечающий целям и идеологии Конвенции. Скорее всего, в качестве субъекта ТОП будут выступать юридические лица, группы лиц, действующие по предварительному сговору, физические лица, которые занимались преступной деятельностью.

Речь идёт о важной правовой проблеме, которая требует активного обсуждения юридическим сообществом. Даже неверные выводы могут оказать серьёзное влияние на международную правовую политику, дав определённый импульс развитию теории международного права.

Обосновывая наше утверждение о том, что полисубъектность является критерием определения преступления, совершённого транснациональной преступной группировкой, отметим, что такие преступления могут совершаться либо одним из перечисленных субъектов, либо при активном содействии нескольких субъектов. Соответственно, это будет преступление транснационально организованное, а, следовательно, носящее глобальный характер и имеющее, в связи с этим, в качестве элемента – полисубъектность. Глобализация, безусловно, предполагает не только и не столько унификацию законодательства государств, а реально действующую глобальную преступную сеть, представленную многочисленными, но чётко определёнными по признаку транснациональности субъектами преступлений.

Нам представляется, что, несмотря на всестороннюю проработку в Конвенции содержания транснационального характера преступлений, совер-

¹³⁶В этой связи Э.А. Иванов использует термин «ТКК» – «транснациональная криминальная корпорация». Термин, к сожалению, пока еще не полностью включен в «тезаурус» науки международного права. См. подробнее: Иванов Э.А. Система международно-правового регулирования борьбы с отмыванием денег. М.: КНОРУС, 2003. 272 с. С. 24-25.

шённых при участии организованной преступной группы (ст.3), речь здесь идёт всё-таки больше о трансграничном преступлении, а не о транснациональном. На наш взгляд, это не тождественные понятия, как это сейчас представлено в науке международного права. Трансграничность преступления означает, что оно перешло за рамки государства своего происхождения не по целям и по способам их реализации, не по правовым последствиям, а распространённости за пределами своего происхождения. Такой факт нельзя, по нашему мнению, считать главной характеристикой транснационального характера преступления. То есть в данном случае речь идёт о двух или нескольких государствах. Транснациональность же, по нашему мнению, может предполагать распространённость по всему миру, в котором границы национальных государств для такого рода преступных сообществ не имеют определяющего значения. Ведь они сами (как мы уже об этом говорили ранее) могут стремиться (и их стремления, к сожалению, реализуются) стать субъектами международного права: некоторые криминальные ТНК, международные организации или фонды. Транснациональный характер преступления в эпоху глобализующегося мира будет постоянно «вымывать» из вполне легальной и правомерной среды всё новых и новых субъектов таких преступлений. Неоправданно сузив их перечень, мы создаём порочный правовой круг: когда одна переломная правовая проблема создаёт другую и не находит своего разрешения, так как снова возвращается к своим проблемным истокам – отсутствию чёткого понятия субъекта транснационального организованного преступления.

Например, таким относительно новым субъектом транснациональной преступности можно считать ТНК, стремящиеся незаконным путём получить прибыль.

Как отмечал И.И. Лукашук: «Будучи созданными на основе национального права юридическими лицами, ТНК не обладают иммунитетом в отношении международного права. Они, в частности, как и физические лица *несут ответственность за нарушение соответствующих норм международ-*

ного права (курсив наш - Д.В.). Судебной практике США и ряда других стран известны случаи признания ТНК несущими не только гражданскую, но и уголовную ответственность за различного рода нарушения международного права, включая права человека.

Принимая во внимание возможности ТНК, приравнивание их положения в отношении ответственности к положению физических лиц, трудно признать удовлетворительным решение проблемы. Поведение ТНК должно регулироваться особыми правилами, соблюдение которых обеспечивалось бы специальными средствами. Учёные-экономисты и геополитики уделяют этому аспекту растущее внимание. Так, профессор Э.Г. Кочетов предлагает учредить геэкономический трибунал на основе разработанной им концепции»¹³⁷.

Как нам представляется, кроме указанной особенности – полисубъектности, можно выделить следующие критерии, позволяющие говорить о том, что преступление имеет транснациональный характер.

В частности, таким критерием является цель преступления, совершаемого организованной преступной группой, которая может быть реализована только либо благодаря распространению этой преступной группировки по всему миру (путём вертикальной и горизонтальной структур построения); либо в связи модификацией преступной группировки в различные полулегальные и легальные новые формы во многих странах мира; либо в связи с востребованностью предметов преступления, на которые направлены цели организованной преступной группировки, по всему миру (торговля людьми, незаконный ввоз мигрантов, торговля огнестрельным оружием, наркоторговля и т.д.); либо в связи с использованием данной группировкой таких методов преступной деятельности, реализация которых возможна только во многих государствах, иначе цель организованной преступной группировки не будет достигнута.

¹³⁷ Лукашук И.И. Указ. соч. С.77.

Действуя в рамках ч.2 ст. 28 Конвенции, предусматривающей возможности расширения государствами-участниками аналитических знаний относительно организованной преступной деятельности, обмена ими между собой и через посредство международных и региональных организаций, а также разработку и использование общих определений, стандартов и методологии, Российская Федерация может использовать новые подходы в теории международного права, разработанные российскими правоведомеждународниками, с целью конкретизации субъектов транснациональной организованной преступности и транснационального характера преступления.

В соответствии с Конвенцией каждое государство-участник берёт на себя большой объём обязательств – всего их около 16 (статьи 5, 6, 8, 10,11, 19,23, 24, 27, 28, 29, 30 и др.).

Россия наращивает своё сотрудничество, прежде всего, со странами европейского региона. «С недавних пор Российская Федерация в качестве полноправного члена Европейского сообщества связала себя целым рядом международных обязательств в деле противодействия организованной преступности и укрепления системы уголовного производства, в частности, в рамках такой международной организации, как Совет Европы с его более чем 30 Конвенциями по вопросам уголовного права и антикриминального сотрудничества»¹³⁸.

Глубокий содержательный уровень Конвенции является безусловным «прорывом» в борьбе с транснациональной организованной преступностью. Вместе с тем к выявленным выше теоретическим проблемам, связанным с анализом Конвенции, прибавляется, на наш взгляд, ещё одна – не менее важная – правовая четкость и определённость как условие эффективности международно-правовых норм. Именно чёткие дефиниции обеспечивают не

¹³⁸ Трикоз Е.Н. Развитие уголовного законодательства в условиях глобализации //Глобализация и развитие законодательства: Очерки/ Отв. Ред. Ю.А.Тихомиров, А.С. Пиголкин.М: ОАО «Издательский дом «Городец», 2004. С. 384.

только законность, но и реальную возможность применения правовых норм. Когда же речь идёт о нормах международного права, то никакой пробельности и двусмысленности и противоречивости правовых норм, казалось бы, не должно быть, так как эти нормы вырабатываются коллективным разумом мирового сообщества с привлечением виднейших учёных-теоретиков в сфере права. Однако, принимая во внимание методы разработки и принятия международно-правовых норм, состоящие в согласовании позиций договаривающихся государств, становится понятным, что избежать этого на практике не удастся. Проблема правовой определённости норм Конвенции состоит, на наш взгляд, в том, что наблюдается явное противоречие между её нормами: так, ст.3 (сфера применения) устанавливает в пункте 1: «Настоящая Конвенция, если в ней не указано иное, применяется к предупреждению, расследованию и уголовному преследованию в связи с:

а) преступлениями, признанными таковыми в соответствии со статьями 5,6, 8 и 23 настоящей Конвенции и б) серьёзными преступлениями, как они определены в статье 2 настоящей Конвенции, если эти преступления носят транснациональный характер и совершены при участии организованной преступной группы».

Таким образом, можно сделать однозначный вывод о том, что преступления, оговоренные в подпунктах а) и б), должны обладать в обязательном порядке транснациональным характером и совершаться при участии организованной преступной группы, так как указание на этот характер отсутствует в другом пункте, содержащем отдельное перечисление преступлений, охватываемых Конвенцией.

Из ст. 34 Конвенции следует обязательство государств-участников принять законодательные и административные меры для обеспечения своих обязательств. В соответствии с Конвенцией, преступления *признаются таковыми во внутреннем законодательстве государств независимо от элементов транснационального характера или причастности организованной группы* (курсив наш – Д.В.). Данная формулировка никак не трактуется в

научной литературе, официальное толкование этой нормы отсутствует. Нам представляется, что правовая определённость требует не фиксации абстрактных понятий, а их конкретизацию, предполагающую безупречную формальную определённость правовой нормы, которая должна чётко ответить на вопрос: какие преступления, охватываемые Конвенцией и какие преступления в уголовном законодательстве государств-участников должны охватываться понятием транснациональности. Нам представляется, что задачей государств-участников как раз и является дополнение уже действующих уголовно-правовых норм особой характеристикой – транснациональностью, которая, по замыслам создателей Конвенции, должна повысить строгость санкций за такие преступления в уголовном законодательстве государств-участников на основе принципа правовой определённости нормы и определённости судебного решения. Так, к примеру, М.В.Пресняков пишет: «Нам представляется разумным и необходимым разграничивать определённость правовых норм в качестве их сущностного, морфологического свойства и определённость права как требование непротиворечивости и однозначности самой правовой материи».¹³⁹ В этой связи можно сделать вывод, что в ст.34 нарушена определённость права, что недопустимо для конвенционных норм. Вместе с тем следует отметить, что Протоколы, дополняющие Конвенцию, хотя и содержат некоторые, на наш взгляд, неточности, в целом соответствуют всем признакам определённости права, а, следовательно, являются стабильной основой определённости судебных решений в государствах - участниках.

В связи с этим представляется важным изучить содержание указанных Протоколов с тем, чтобы составить более полную картину международно-правового регулирования борьбы с транснациональной организованной преступностью.

¹³⁹ Пресняков М.В. Правовая определённость как системное качество российского законодательства //Журнал российского права. 2009. № 5. С.34

§ 2. Протоколы к Конвенции ООН против транснациональной организованной преступности как юридические средства обеспечения механизма борьбы государств с транснациональной организованной преступностью

Как указывалось выше, на Палермской конференции одновременно с Конвенцией ООН против транснациональной организованной преступности, проведенной 12-15 декабря 2000 г., было подписано лишь два протокола: Протокол № 1 против незаконного ввоза мигрантов по суше, морю и воздуху; Протокол № 2 о предупреждении и пресечении торговли людьми, особенно женщинами и детьми, и наказании за данный вид деяний. Протокол №3 против незаконного изготовления и оборота огнестрельного оружия, его составных частей и компонентов, а также боеприпасов к нему, был утвержден в 2001 г., что объяснялось условиями работы над пакетом из четырех международно-правовых документов, включающих Конвенцию и три перечисленных протокола. Работа ООН над ними продолжалась три года (с 1999г. по 2001 г.).

Основной смысл такого подхода заключался в том, что была принята Конвенция ООН против транснациональной организованной преступности (резолюция 55/25 Генеральной Ассамблеи от 15 ноября 2000 г., приложение I), которая направлена против транснациональной организованной преступности в целом, и три протокола, содержащие элементы (составы преступлений), направленные на конкретные действия, к которым, как правило, причастны организованные преступные группы. Подобный подход создавал определенную гибкость в борьбе с транснациональной преступностью и позволял учитывать порой несовпадающие интересы государств.

В процессе разработки Протокола против незаконного изготовления и оборота огнестрельного оружия, его составных частей и компонентов, а также боеприпасов к нему предлагалось включить в него также и меры против незаконного оборота взрывчатых веществ, однако ряд государств высказали

озабоченность в отношении технической возможности применения аналогичных мер регулирования и к огнестрельному оружию, и к взрывчатым веществам. Некоторые государства также высказывали опасения более общего характера относительно возможности применения мер, связанных с взрывчатыми веществами, а также относительно необходимости разработки международного документа, связанного с взрывчатыми веществами.

После обсуждения этого вопроса на нескольких сессиях Специального комитета по разработке Конвенции против транснациональной организованной преступности было решено не рассматривать взрывчатые вещества на основе заключения о том, что они выходят за рамки мандата Комитета, установленного Генеральной Ассамблеей ООН. В то же время это не обязательно свидетельствует о том, что преступления, связанные с взрывчатыми веществами, не охватываются сферой применения Конвенции. Хотя технические положения Протокола, в частности, требования о маркировке огнестрельного оружия и регистрации транснациональных переводов, не применяются, сама Конвенция применяется к правонарушениям, признанным «серьезными преступлениями», носящим «транснациональный характер» и совершенным при участии «организованной преступной группы».

В связи с тем, что к моменту проведения конференции в Палермо (декабрь 2000 г.) работа над проектом Протокола против незаконного изготовления и оборота огнестрельного оружия, его составных частей и компонентов, а также боеприпасов к нему завершена не была, в резолюции 55/25 от 15 ноября 2000 г. ГА ООН попросила Специальный комитет продолжать свою работу над проектом указанного Протокола, дополняющего Конвенцию ООН против транснациональной организованной преступности, и завершить эту работу как можно скорее.

Протокол № 1 против незаконного ввоза мигрантов по суше, морю и воздуху, дополняющий Конвенцию ООН против транснациональной организованной преступности, вступил в силу 28 января 2004 г. Российская Федерация подписала Протокол 12 декабря 2000 г. и ратифицировала его 26 апре-

ля 2004 г.¹⁴⁰ Протокол № 1 вступил в силу для России 25 июня 2004 г. Целью протокола является конкретизация преступлений, носящих транснациональный характер и совершённых организованной преступной группой. Незаконный ввоз мигрантов по суше, морю и воздуху является, с одной стороны, одним из высокодоходных видов преступного бизнеса, а с другой стороны – основой для совершения многих других видов транснациональных преступлений – торговли людьми, обращение их в рабство, торговли физиологическими параметрами человека и др. Как сказано в Преамбуле Протокола, до его принятия не было универсального документа, в котором затрагивались бы все аспекты незаконного ввоза мигрантов и другие, связанные с этим вопросы. В данной Преамбуле указывается на значительное расширение деятельности организованных преступных групп применительно к незаконному ввозу мигрантов и другой, связанной с этим преступной деятельности и выражается обеспокоенность тем, что незаконный ввоз мигрантов может создавать угрозу для жизни и безопасности вовлечённых в него лиц.

Конкретизация правовой нормы приводит, как мы уже отмечали, к определённости права. При этом сфера правового регулирования значительно расширяется. Например, в статье 1 установлено: цель настоящей Конвенции заключается в содействии сотрудничеству в деле более эффективного предупреждения транснациональной организованной преступности и борьбы с ней. Эта цель является *целью-вектором*, устанавливающим основные параметры борьбы с транснациональной организованной преступностью. Цель же Протокола № 1 – это *цель-модуль*, т.е. одна из нескольких целей, заданных целью-вектором, конкретно-однозначная цель. В ст. 2 Протокола № 1 установлено: «Цель настоящего Протокола заключается в предупреждении неза-

¹⁴⁰ См.: Федеральный закон от 26 апреля 2004 г. № 26-ФЗ «О ратификации Конвенции Организации Объединённых Наций против транснациональной организованной преступности и дополняющих ее протокола против незаконного ввоза мигрантов по суше, морю и воздуху и протокола о предупреждении и пресечении торговли людьми, особенно женщинами и детьми, и наказании за нее» // Российская газета. 2004. 29 апреля.

конного ввоза мигрантов и борьбы с ним, а также в поощрении сотрудничества между Государствами-участниками в достижении этих целей при обеспечении защиты прав незаконно ввезённых мигрантов.

Протокол №1 содержит следующее определение: «незаконный ввоз мигрантов – это обеспечение с целью получения, прямо или косвенно какой-либо финансовой или иной материальной выгоды, незаконного в какое-либо Государство-участника любого лица, которое не является его гражданином или не проживает постоянно на его территории» (пп. «а» ст. 3).

Связь Протокола № 1 с Конвенцией проявляется в том, что преступления, признанные таковыми в соответствии со ст. 6 Протокола, рассматриваются как преступления, признанные таковыми в соответствии с Конвенцией.

Незаконная миграция приобрела транснациональный характер. Уже сейчас легальные и нелегальные иммигранты составляют более 15 % населения в более чем 50 странах. С 2015 г. эти показатели резко возрастают, увеличивая социальные и политические трения в странах и, соответственно меняя их национальную сущность¹⁴¹. Об изменении национальной сущности государств, может быть, говорить явно преждевременно, но воздействие этих объективных процессов в современном мире на транснациональную преступность уже сейчас беспрецедентно. Слабость правозащитных систем в развивающихся странах, снижение правоохранительного контроля в квазимегполисах способствуют незаконной миграции и фактической безнаказанности транснациональных преступных группировок, превращающих незаконную миграцию в сверхприбыльный бизнес. С.Стокер, исследователь проблем незаконной миграции и торговли людьми, совершенно справедливо полагает, что «... попытки уменьшить поток незаконных мигрантов посредством ужесточения санкций, штрафов и других наказаний создают только видимость соответствующих контрмер. Фактически же служат усилению привлекатель-

¹⁴¹См.: Российская государственность: история, современность и перспективы глобализма: Межвузовский сборник трудов / Под ред. В.Я. Мизюкина, В.В. Сорокина. Барнаул, 2009. С. 93.

ности этого дела для криминальных группировок, которым незаконное перемещение мигрантов представляется делом высокодоходным и минимально рискованным»¹⁴². Данный автор пишет, что исследования, проведенные МОМ и другими международными организациями, установили несколько ключевых маршрутов вывоза людей из Российской Федерации: Балтийский, Грузинский, Китайско-Сибирский, Китайско-Приморский¹⁴³.

Особую актуальность эта проблема приобрела в свете наблюдающейся массовой миграции в Европу граждан из Сирии и других государств Ближнего Востока, в которых ведутся активные боевые действия. По данным экспертов, в 2015 г. в страны Западной Европы незаконно переехали более 1 миллиона человек.

Безусловно, существуют объективные предпосылки возрастания преступной активности в этом направлении. Но есть и неурегулированные законодательством стран вопросы, позволяющие криминальным группировкам ходить в сговор с представителями местных администраций и безнаказанно осуществлять преступную деятельность.

Российская Федерация, состоящая из совокупности субъектов, фактически устанавливает с каждым из них двусторонние договоры, в которых в большинстве своём дают субъектам право самостоятельно устанавливать правила миграции, которые плохо контролируются федеральным центром в условиях перманентной реорганизации федеральной миграционной службы. Ещё одним серьёзным фактором, мешающим осуществлять полноценный контроль иммиграционных потоков, как из России, так и в Россию является отставание в развитии инновационных технологий, применяемых в сфере предотвращения незаконного ввоза мигрантов. России предстоит кардинальным образом усовершенствовать транспортные и навигационные технологии, способные контролировать перемещение рабочей силы (на законных основа-

¹⁴² Торговля людьми. Социокриминологический анализ / Под общ. ред. Е.В. Тюрюкановой и Л.Д. Ерохиной. М. Academia, 2002. С. 24.

¹⁴³ См.: Там же. С.25.

ниях) и незаконное перемещение мигрантов с целью вовлечения в преступную деятельность, получения доходов от торговли людьми, их физиологическими параметрами, обращения в рабство. В целом для российских преступных группировок характерна большая направленность на нелегальный ввоз в страну мигрантов, тогда как для китайской транснациональной организованной преступности характерен вывоз из своей страны лиц с преступными целями. «Этот вид преступной деятельности приносит китайским криминальным организациям примерно 2, 5 млрд. долларов в год»¹⁴⁴.

Таким образом, следует констатировать, что Протокол № 1, развивающий и дополняющий Конвенцию, представляет собой не только своевременный международный правовой акт, позволяющий мировому сообществу осознать масштаб преступной деятельности транснациональных организованных преступных группировок в сфере контрабандного перемещения мигрантов, но это, пожалуй, первый международный нормативный акт, создающий механизм реализации государствами-участниками всего потенциала мирового сообщества в плане борьбы с незаконным ввозом мигрантов по воздуху, суше и морю.

Этот механизм состоит в следующем.

1. В п.1 ст. 6 установлена необходимость признания всеми государствами-участниками в качестве уголовно наказуемых следующих деяний, совершаемых умышленно и с целью получить прямо или косвенно финансовую или иную материальную выгоду:

- а) незаконный ввоз мигрантов;
- б) когда они совершаются в целях создания условий для незаконного ввоза мигрантов;
 - і) изготовление поддельного документа на въезд/выезд или удостоверения личности;
 - іі) приобретение или предоставление такого документа или владение им;

¹⁴⁴ Воронин Ю.А. Указ. соч. С. 33.

с) предоставление какому-либо лицу, которое не является гражданином соответствующего государства или не проживает постоянно на его территории, возможности находиться в этом государстве без соблюдения необходимых требований для законного пребывания в нём путём использования способов, упомянутых в подпункте (b) этого пункта, или любых других незаконных средств.

В п. 2 данной статьи содержится требование криминализации покушения на совершение преступления, признанного таковым в соответствии с п. 1 этой же статьи; участия в качестве сообщника в совершении какого-либо преступления, признанного таковым в соответствии с пунктами 1 (b) (ii) настоящей статьи, а также организацию других или руководство ими с целью совершения какого-либо преступления, признанного таковым в соответствии с п. 1 ст. 6.

В п.3 ст. 6 устанавливается необходимость принятия каждым государством-участником таких законодательных или других мер, какие могут потребоваться с тем, чтобы признать в качестве обстоятельств, отягчающих преступления, признанные таковыми в соответствии с пунктом 1 (a), (b), (i), (c) настоящей статьи, и, при условии соблюдения основных принципов своей правовой системы, преступления, признанные таковыми в соответствии с пунктом 2 (b) и (c) этой статьи обстоятельства:

а) которые ставят или могут поставить под угрозу жизнь, или безопасность соответствующих мигрантов, или

б) которые связаны с бесчеловечным или унижающим достоинство обращением с такими мигрантами, в том числе и в целях эксплуатации.

2. Статья 7 устанавливает сотрудничество с другими государствами – участниками в целях предупреждения и пресечения незаконного ввоза мигрантов по морю в соответствии с международным морским правом. Статья 8 конкретизирует меры, предпринимаемые государствами-участниками для противодействия незаконному ввозу мигрантов по морю. Государство флага

может разрешить запрашиваемому государству в соответствии с п. 2 данной статьи, в частности:

- а) высадиться на это судно;
- б) произвести досмотр судна; и
- в) в случае обнаружения доказательств участия этого судна в незаконном ввозе мигрантов по морю, принять надлежащие меры в отношении этого судна, а также лиц и груза на борту в порядке, разрешённом государством флага.

В п. 6 данной статьи установлена обязанность каждого государства-участника назначить орган, а в случае необходимости, органы, которые должны получать запрос о помощи, о подтверждении регистрации или права судна нести его флаг, а также о разрешении принять надлежащие меры и ответы на такие запросы. Уведомление о таком назначении направляется чрез Генерального Секретаря всем другим государствам – участникам в течение 1 месяца с момента назначения.

Пункт 7 устанавливает впервые в международной правоприменительной практике право государства-участника, имеющего разумные основания подозревать, что судно участвует в незаконном ввозе мигрантов по морю и не имеет национальности, производить высадку на судне и его досмотр. Если обнаружены доказательства, подтверждающие это подозрение, государство-участник принимает надлежащие меры согласно соответствующим положениям внутреннего и международного права.

3. В ст.9, устанавливающей защитительные положения, в п. 4 устанавливается, что любая мера, принимаемая на море в соответствии с данной главой (II –незаконный ввоз мигрантов по морю), осуществляется только военными кораблями или военными летательными аппаратами, которые имеют чёткие внешние знаки, позволяющие опознавать их как состоящие на государственной службе, и которые уполномочены для этой цели.

4. В ст.10 устанавливаются процедуры обмена информацией государством-участником в соответствии со своим внутренним законодательством,

прежде всего, с теми государствами-участниками, с которыми оно имеет общие границы или находятся на маршрутах, по которым осуществляется незаконный ввоз (вывоз) мигрантов по таким вопросам как: пункты отправления и назначения, а также маршруты, перевозчики и транспортные средства, которые используются какой-либо организованной преступной группой для незаконного ввоза мигрантов; данные об организациях или преступных группах, которые участвуют в совершении данных деяний, и методы, которые они используют; отличительные признаки подлинности и надлежащая форма документов на въезд (выезд), выдаваемых государством-участником, и сведения о похищенных бланках документов на въезд (выезд) или удостоверений личности или их последующем неправомерном использовании; средства и методы сокрытия и транспортировки людей; противозаконное изменение, воспроизведение, приобретение или неправомерное использование документов на въезд (выезд) или удостоверений личности, и способы их выявления; законодательный опыт, а также практика и меры, направленные на предупреждение указанных деяний; научно-техническая информация, полезная для деятельности правоохранительных органов в целях расширения их возможностей по предупреждению, выявлению и расследованию указанных деяний.

5. В ст. 16 установлена обязанность государств-участников в соответствии с их обязательствами по международному праву принять все надлежащие меры, в том числе, если это необходимо, в области законодательства, для соблюдения и защиты прав лиц, которые стали объектом деяний, указанных в ст. 6 настоящего Протокола, как эти права предусмотрены применимыми нормами международного права, в частности права на жизнь и права не подвергаться пыткам или другим жестоким, бесчеловечным или унижающим достоинство видам обращения или наказания. Эта статья должна рассматриваться в совокупности со ст.5 Протокола, устанавливающей правило его неприменения для уголовного преследования мигрантов в силу того об-

стоятельства, что они стали объектом деяний, указанных в ст. 6 рассматриваемого Протокола.

В то же время, акцентируя внимание на тщательной проработке в Протоколе механизма борьбы с незаконным ввозом мигрантов по суше, морю и воздуху, следует признать, что менее всего проработанным оказался вопрос способов борьбы государств-участников с незаконным ввозом мигрантов по воздуху. Хотя этот способ является менее доступным транснациональным организованным преступным группам в связи с самой мощной организацией контроля, осуществляемого государствами, но, тем не менее, практика показывает, что наблюдается тенденция к расширению его использования благодаря возможности легализации своего преступного бизнеса во многих развивающихся странах (появление всё большего числа воздушных перевозчиков, контактирующих с организованными преступными сообществами или не стремящихся анализировать неправомерность таких перевозок и воспрепятствовать им).

Вызывают сомнения и некоторые формулировки Протокола № 1.

Например, пп. (ii) п. 1 ст. 6, устанавливающий требование криминализации, гласит, что каждое государство-участник принимает такие законодательные и другие меры, какие могут потребоваться, с тем, чтобы признать в качестве уголовно наказуемых приобретение или предоставление такого документа или *владение им*, когда они совершаются умышленно и с целью получить прямо или косвенно финансовую или *иную материальную выгоду* (курсив наш – Д.В.).

Мы полагаем, что понятие «иная материальная выгода», используемое в ст. 6 Протокола, требует уточнения в отношении умысла мигранта, а пп. (ii) п. 1 ст. 6 следует сформулировать следующим образом: «приобретение или предоставление такого документа или владение им, если не будет доказано, что лицо, владеющее документом, не знало о его противоправном происхождении».

Пределы нашего диссертационного исследования не позволяют нам в полной мере проанализировать два других Протокола к Конвенции. В первую очередь, это Протокол № 2 о предупреждении и пресечении торговли людьми, особенно женщинами и детьми, и наказании за неё, дополняющий Конвенцию ООН против транснациональной организованной преступности, вступивший в силу 25 декабря 2003 г. Россия подписала Протокол № 2 12 декабря 2000 г. и ратифицировала Федеральным законом от 26 апреля 2004 г. № 26-ФЗ. Протокол вступил в силу для России 25 июня 2004 г. Также речь идёт о Протоколе № 3 против незаконного изготовления и оборота огнестрельного оружия, его составных частей и компонентов, а также боеприпасов к нему, дополняющем эту же Конвенцию.

Отметим, что проблема торговли людьми существовала всегда, но внимание международного сообщества к ней проявилось в 1990-х годах. Масштаб торговли людьми, особенно женщинами и детьми, беспрецедентно широк. Создаётся впечатление, что человечество живёт в эпоху работоторговли, а не в начале XXI века. Об этом убедительно говорят следующие данные: количество детей, увозимых из дома и продаваемых в рабство ежегодно во всём мире достигает 1 млн. человек; по оценкам ООН, только на торговле людьми организованные преступные группы зарабатывают 3,5 млрд. долларов США ежегодно. Бездомные дети в России (их количество колеблется от 2-х до 5 млн. человек) становятся часто объектами торговли людьми. Согласно экспертным заключениям ежегодно доходы криминальных группировок от продажи женщин (трафик) из России и стран СНГ составляет 7 млрд. долларов.¹⁴⁵ «Сегодня мир признал универсальный характер данной проблемы: в криминальную торговлю живым товаром вовлечены как экономически развитые, так и развивающиеся страны; она может совершаться как с пересечением национальных границ, так и внутри государств, как в странах с разви-

¹⁴⁵ См.: Торговля людьми. Социокриминологический анализ./ Под общ. ред. Е.В. Тюрюкановой и Л.Д. Ерохиной. М: Academia, 2002. С. 11, 13, 19, 37.

той демократической системой, так и в переходных государствах, и в странах с тоталитарной системой»¹⁴⁶.

Торговлю людьми следует рассматривать как современную форму рабства независимо от целей её осуществления.

Протокол № 2 против торговли людьми определяет торговлю людьми как вербовку, транспортировку, передачу и укрывательство или получение людей либо осуществляемую путём угрозы, или с использованием похищения, обмана, силы, принуждения, мошенничества, либо путём получения или передачи незаконных платежей или дохода для получения согласия лица, осуществляющего законный контроль над лицом, которое намеревается перевезти вне зависимости от согласия самого перевозимого. Эксплуатация включает как минимум эксплуатацию проституции или другие формы сексуальной эксплуатации, принудительный труд или принуждение к оказанию услуг, рабство или схожие с рабством практики, использование в качестве донора органов или сервитут (ограничение в правах). Е.Б. Мизулина полагает, что Протокол № 2, судя по его Преамбуле, задумывался авторами как документ, который должен был стать универсальным по отношению ко всем другим, принятым до него, включающим все аспекты торговли людьми, но, по справедливому выводу автора, Протокол № 2 всё-таки имеет юридическое значение как дополняющий международный правовой акт, направленный на борьбу с торговлей людьми, а не заменяющий дополняемые акты, и даже не систематизирующий их положения¹⁴⁷. Мы солидарны с этим выводом и полагаем, что отсутствие в Протоколе № 2 системной связи с другими международными правовыми актами приводит к деформации иерархии этих актов, к существенным сбоям в правоприменительной практике государств-членов многих международных Конвенций. Такая систематизация нужна и в силу ст. 14 Протокола № 2, которая указывает, что Протокол не умаляет международных обязательств по защите прав человека. Следовательно, Протокол № 2

¹⁴⁶ Там же. С.6.

¹⁴⁷ См.: Мизулина Е.Б. Указ. соч. С.74.

лишь устанавливает определённый минимум правозащитных стандартов и должен быть дополнен обязательствами, содержащимися в международном и региональном законодательстве по правам человека.

Как следует из аннотированного руководства к Протоколу ООН против торговли людьми¹⁴⁸, Протокол № 2 является правоохранительным, а не правозащитным документом, то есть в основном правоприменительным документом. С точки зрения прав человека было бы предпочтительней, чтобы международный документ против торговли людьми был создан правозащитным, а не правоохранительным органом. Однако стимул к подготовке нового международного документа появился вместе с желанием международного сообщества разработать документ для противостояния быстрому росту транснациональной организованной преступности в данной сфере (Протокол был разработан Комиссией ООН по предупреждению преступности и уголовному правосудию). В связи с этим был создан сильный правоохранительный документ с относительно слабым акцентом на защиту прав человека и оказание помощи жертвам.

Члены Совета по правам человека в виде неправительственных организаций (НПО) всего мира, участвовали в процессе обсуждения Протокола с целью убедиться в том, что он, во-первых, включает в определение торговли людьми принудительный труд, рабство и состояния подобные рабству, независимо от того, происходит ли это внутри страны или за её пределами, и, во-вторых, признаёт права и отвечает потребностям жертв торговли людьми. Первая цель была достигнута, насколько это позволяли рамки международного документа. Протокол содержит широкое определение торговли людьми и охватывает как её международные, так и некоторые внутренние аспекты. Вторая цель была достигнута по большей части. Официальные представители государств сконцентрировали своё внимание на создании эффективного

¹⁴⁸ См.: Джордан Энн. Аннотированное руководство к Протоколу ООН против торговли людьми / Энн Джордан, (пер. с англ. – О.А. Полетаева), под ред. Ф.Л. Сеницына. Центр помощи пережившим сексуальное насилие «Сестра». М., 2005. С.77.

правоохранительного документа, и многие из них не считали, что акцент на правах человека необходим для Протокола. Поэтому правоохранительные части Протокола написаны «обязывающим языком», то есть «Государства – участники обязуются», в то время как статьи или пункты, посвящённые защите и поддержке жертв (см.: статьи 6,7 Протокола и статьи 24, 25 Конвенции), содержат юридически более слабые термины, такие как «в надлежащих случаях», «по мере возможности»¹⁴⁹.

На наш взгляд, это не недостаток, а скорее, наоборот, достоинство Протокола № 2, так как правоприменителю в условиях большого количества международных соглашений, регулирующих однотипные общественные отношения, легче ориентироваться в них по признаку объекта правового регулирования.

Недостаток данного Протокола заключается в другом - «определение торговли людьми, содержащееся в Протоколе, далеко от совершенства уже хотя бы потому, что подневольное состояние рассматривается здесь как один из способов торговли людьми, и как её цель (через понятие эксплуатации). Аналогичное заключено и в понятии «эксплуатация», которое характеризует такое положение, в которое человек попадает вследствие акта торговли людьми. Здесь в одно ряду упоминаются и «институты и обычаи, сходные с рабством» и «подневольное состояние», тогда как второе является следствием первого»¹⁵⁰. Мы поддерживаем данный вывод, ещё раз доказывающий важность решения проблемы правовой определённости как системного качества международного права.

Протокол против незаконного изготовления и оборота огнестрельного оружия, его составных частей и компонентов, а также боеприпасов к нему, дополняющий Конвенцию ООН против транснациональной организованной преступности (утверждён резолюцией 55 /255 Генеральной Ассамблеей от 31

¹⁴⁹ См.: Джордан Энн. Указ. соч. С.50-55.

¹⁵⁰ Мизулина Е.Б. Указ. соч. С.20.

мая 2001 г.) – Протокол № 3, в качестве цели устанавливает содействие развитию, обеспечению и укреплению сотрудничества между государствами-участниками для предупреждения и пресечения незаконного изготовления и оборота огнестрельного оружия, его составных частей и компонентов, а также боеприпасов к нему и борьбы с этими деяниями (ст. 2).

Конвенция обязывает государства-участники установить уголовную ответственность («криминализовать») ряд деяний, признаваемых преступными данной Конвенцией. Также регулируются вопросы международного сотрудничества в рамках реализации положений Конвенции, в частности, описываются возможные правовые процедуры (выдача, передача осужденных лиц, совместное расследование и пр.)

15 мая 2001 г. был принят дополняющий Конвенцию Протокол против незаконного изготовления и оборота огнестрельного оружия, его составных частей и компонентов, а также боеприпасов к нему. Россия ратифицировала Конвенцию и первые два Протокола к ней Федеральным законом от 26 апреля 2004 г.

В ст. 5 Протокола утверждается важная миссия государств, связанная с необходимостью устанавливать юридическую ответственность в национальном законодательстве за деяния, связанные с незаконным оборотом огнестрельного оружия. Эта статья имеет ориентирующий и рамочный характер, задаёт стратегические ориентиры в правотворческой деятельности государств.

Согласно ст. 7 Протокола против незаконного изготовления и оборота огнестрельного оружия каждое из государств-участников должно обеспечить в течение не менее 10 лет хранение информации, которая будет необходима для отслеживания и идентификации незаконно изготовленного огнестрельного оружия или оружия, находящегося в незаконном обороте. Эта информация должна включать надлежащую маркировку, предусмотренную нормами Протокола, а также даты выдачи и окончания срока действия соответствующих лицензий или разрешений, указание государства, являющегося экспортером

и импортером, и описание количества оружия (в случаях с международными соглашениями по огнестрельного оружия).

Протокол также определяет общие требования к системам экспортно-импортных и транзитных лицензий или разрешений. Такие лицензии или разрешения должны содержать информацию, которая включает место и дату выдачи, дату истечения срока действия, названия страны-импортера и страны-экспортера, конечный пункт доставки, количество оружия.

Согласно положениям ст. 11 Протокола для выявления и предупреждения хищения, потерь, а также незаконного оборота оружия и его составных частей государства-участники должны принимать соответствующие меры для обеспечения безопасности и хранения огнестрельного оружия во время изготовления, экспорта, импорта и транзита; для повышения эффективности контроля за импортом, экспортом и транзитом, включая меры пограничного контроля, а также меры транснационального взаимодействия между органами полиции и таможней.

Важнейшее положение, на наш взгляд, содержится в ст. 12, устанавливающей правило передачи соответствующей информации государствам-подписантам протокола. Естественно, что эта информация касается вопросов об уполномоченных изготовителях, дилерах, импортерах, экспортерах и перевозчиков огнестрельного оружия, его составных частей и компонентов, а также боеприпасов к нему.

Кроме того, государства передают друг другу в случае необходимости информацию об организованных преступных группах, которые участвуют в незаконном изготовлении или обороте огнестрельного оружия, его составных частей и компонентов, а также боеприпасов к нему; передают информацию о средствах сокрытия, используемых при незаконном изготовлении или обороте огнестрельного оружия, его составных частей и компонентов, а также боеприпасов к нему, способы их выявления; кроме того, передается информация о трафике оружия (маршрутах перемещения и доставки).

Таким образом, Протокол выполняет роль юридической основы, правовых рамок для действий государств, в сфере борьбы с распространением «оружейного зла», а также ориентирует государства и правительства на активную правотворческую работу по созданию необходимой совокупности запретов на пути распространения этого зла.

Мировая статистика показывает, что огнестрельное оружие по-прежнему является самым востребованным видом вооружения, а поэтому самым продаваемым. Транснациональная преступность рассматривает торговлю оружием, его незаконное изготовление и боеприпасов к нему как один из самых прибыльных видов своей деятельности. Международному сообществу в целом свойственно придание гипертрофирующего значения фактору силы. Об этом свидетельствует тот факт, что «в мире вновь развернулась неконтролируемая гонка вооружений. Сегодня она вышла на новый качественный уровень, а её масштабы в ряде регионов превышают даже пиковые показатели времён холодной войны. Это происходит на фоне деградации глобальных и региональных режимов контроля над вооружениями. Отсутствие международных процедур контроля за торговлей обычными вооружениями приводит к их стремительному распространению, в том числе и среди криминальных структур ... Среди главных причин новой глобальной гонки вооружений – нарастающая дестабилизация международных отношений, а также политика Соединённых Штатов по «принуждению к миру». Инициированные Вашингтоном конфликты в Ираке и бывшей Югославии продемонстрировали призрачность надежд на международные гарантии безопасности, заставили другие государства искать защиту своего суверенитета в укреплении вооруженных сил»¹⁵¹. При этом о гонке за лидером не может быть и речи, так как нынешний военный бюджет США составляет 700 млрд. долларов

¹⁵¹ Корпунов С.В. Диалектика национальной и международной безопасности// Полис, 2009, № 1. С.13.

(это половина всех мировых расходов на оборону). К примеру, в России военный бюджет – 30 млрд. долларов¹⁵².

Монополисты, производящие огнестрельное оружие, их смежники по его распространению (зачастую взаимодействующие с транснациональными преступными группировками), заинтересованы в наращивании производства огнестрельного оружия, а процветающая в сфере оружейного бизнеса коррупция, делает его одной из самых востребованных сфер деятельности транснациональной преступности. Сращивание организованной преступности с легальными структурами в данной сфере особенно очевидно. Так, в книге «Игры экономических убийц. Тайный мир международных махинаций и сеть глобальной коррупции» приводятся факты криминальной деятельности в сфере торговли огнестрельным оружием легальных структур. Речь идёт об ЭКА (экспертно-кредитных агентствах). Это финансовые учреждения, финансируемые правительством своей страны и имеющие его гарантию, которые управляются более богатыми и развитыми государствами. ЭКА стали ведущими игроками в мировой экономике, которые ежегодно вкладывают деньги в развивающиеся страны в большем объёме, чем вся мировая помощь, выделяемая им на развитие экономики, включая помощь ООН и Всемирного Банка. Но это не агентства помощи иностранным государствам. Они задуманы как агенты помощи собственным государствам. Их миссия – повысить объём внешних продаж транснациональных корпораций своих стран. Их средства – предоставление прямых кредитов и гарантий по займам в частных банках, позволяющих бедным странам покупать продукты и услуги ТНК ведущих государств мира¹⁵³. Важнейший «аспект деятельности основных европейских ЭКА базируется на принципе «экспорт превыше всего», в том числе экспорт оружия. Эту деятельность ЭКА резко критикуют в Европе церковь и правозащитные организации, которые правомерно считают, что

¹⁵² См.: там же. С. 13.

¹⁵³ Игры экономических убийц. Тайный мир международных махинаций и сеть глобально коррупции / Под ред. Стивена Хайта. 2-е изд., испр. М: Претекст, 2008. С.296.

ежегодное финансирование их правительствами таких закупок на миллиарды долларов губительно для всего мира. Например, около 30 % бюджета ЭКА Великобритании в 1990-е годы и одна треть экспортных кредитов, выданных ЭКА Франции, пошли на финансирование экспорта оружия»¹⁵⁴.

Выводы по вышеизложенному параграфу сводятся к следующему.

1. Анализ важнейших документов международного права показывает, что к настоящему моменту пока отсутствует чёткое различие между категориями «международное преступление» и «преступление международного характера»; не сложилось четких критериев транснационального характера преступлений и их форм. Это привело, в свою очередь, к дефектам международного конвенционального права. Анализ норм Палермской Конвенции дает основания утверждать, что негативные черты и дефекты проявились в том, что в Конвенции речь идёт как о международных преступлениях, так и о преступлениях международного характера. Отличия этих преступлений весьма условны. Поэтому требуется дальнейшая технико-юридическая работа заинтересованных сторон по совершенствованию юридической терминологии, применяемой в указанном основополагающем юридическом документе.

2. Характеристика организованной преступной группы, данная в п. «а» ст. 2 Конвенции, явно недостаточна. Узость данной формулировки не позволяет определить соответствующие группы как субъектов транснациональных организованных преступлений, зафиксированных в Конвенции и Протоколах к ней, например, сравнительно новых, но уже реально и потенциально опасных ТНК, занимающихся преступным бизнесом. Международно-правовое определение организованной преступной группы, по нашему мнению, не фиксирует такую характерную черту современных организованных преступных групп, как их организованность, являющуюся ключевым, конститутивный элемент преступного сообщества, порождающий многообразие его форм.

¹⁵⁴ Там же. С. 307-308.

3. Одним из признаков транснациональной организованной преступности следует считать ее полисубъектность. В этом случае субъектом ТОП может быть национальное государство, проводящее, к примеру, протекционистскую политику в отношении своих криминализованных ТНК, а также международные организации, юридические лица, группы лиц, действующие по предварительному сговору, физические лица.

Полисубъектность, как признак транснационального характера преступлений, крайне важна и в силу того, что без него не понятно, является ли транснациональность характерной чертой преступлений международного характера или международных преступлений. В связи со сказанным представляется целесообразным внести дополнения в текст Палермской Конвенции и в отдельной статье четко перечислить возможных субъектов юридической ответственности за деяния, предусмотренные указанным международным документом. Это было бы новой тенденцией в международном праве. Поскольку есть субъекты правонарушений, то должна быть установлена ответственность для всех типов субъектов-нарушителей международного уголовного права. В частности, представляется необходимым указать на таких субъектах ответственности, как государства, транснациональные компании, иные юридические лица, международные организации и фонды, являющиеся прикрытием преступных синдикатов и сообществ, группы лиц, действующие по предварительному сговору, а также физические лица. Такое уточнение текста Конвенции будет способствовать, на наш взгляд, повышению эффективности правового регулирования норм и правил Палермской Конвенции.

Таким образом, анализ Конвенции ООН против транснациональной организованной преступности и других, связанных с ней международно-правовых актов, показывает, что в настоящее время в международном праве сформировалось обязательство общего характера по сотрудничеству государств и международных организаций в предупреждении транснациональной организованной преступности и борьбе с ней. Однако его реализация зависит от принятия конкретизирующих данное

обязательство международно-правовых норм в форме многосторонних или двусторонних договоров или иных международных договоренностей. Перспективным представляется развитие международного сотрудничества в рамках международных региональных организаций путем использования их нормативно-правовых регуляторов.

§ 3. Международно-правовые акты ООН и Совета Европы о борьбе с коррупцией

Транснациональная организованная преступность, безусловно, получает импульсы для своего генезиса, иначе она не смогла бы приобрести глобальный характер. Генезис в широком смысле этого понятия представляет не только происхождение, возникновение, но и последующий процесс развития, приводящий к определённому состоянию, явлению. Развитие же трактуется в методологии науки как необратимое, направленное, закономерное изменение материальных и идеальных объектов. Только одновременное наличие всех трёх указанных свойств выделяет процесс развития среди других изменений, которые могут быть обратимыми, катастрофическими (когда в изменении наличествует не закономерность, а случайность), а равно не иметь направленности (это приводит к тому, что изменения не могут накапливаться, и потому процесс лишается характерной для развития единой, внутренне взаимосвязанной линии. В результате развития возникает новое качественное состояние явления или объекта¹⁵⁵.

Коррупция (от лат. *corruptio* – подкуп) предстаёт в этой связи как полноценный элемент антисоциальной деятельности транснациональной орга-

¹⁵⁵ См.: Философский энциклопедический словарь. М: «Советская энциклопедия», 1983. С. 561.

низованной преступности. Этот факт отмечается многими исследователями¹⁵⁶.

Следовательно, устойчивость и объективный характер воспроизводства коррупции обусловлены такими элементами её развития, как необратимость, направленность и закономерность. Остановимся на раскрытии данных элементов.

Международно-правовое определение коррупции, содержащееся в документах ООН и Совета Европы (СЕ) сводится к злоупотреблению государственной властью для получения выгоды в личных целях, а равно в интересах третьих лиц и групп. Так, Совета Европы определяет коррупцию как взяточничество и любое другое поведение лиц, которым поручено выполнять определённые обязанности в государственном или частном секторе, ведущее к нарушению обязанностей, возложенных на них по статусу публичного (государственного) должностного лица, частного сотрудника, независимого агента, и имеющее целью получать любые незаконные выгоды в личных целях, в целях третьих лиц и групп.

В науке международного права представлены два основных подхода к определению понятия коррупции. В широком смысле коррупция предстаёт как негативное явление, поразившее публичный аппарат управления и выражающееся в умышленном использовании государственными служащими и служащими в структурах местного самоуправления, уполномоченными на

¹⁵⁶ См.: Иванов Э. А. Система международно-правового регулирования борьбы с легализацией (отмыванием) доходов, получаемых преступным путем. Автореф. дис. ... канд. ... юрид. наук. М., 2004;

См. также: Долгов М.А. Противодействие коррупции: соотношение международно-правового и внутригосударственного регулирования. Автореф. дис. ... юрид. наук. Казань, 2007;

См. также: Нигматуллин Р.В. Сотрудничество государств в борьбе с преступлениями международного характера в XX-начале XXI столетия (историко-правовой аспект). Автореф. дис. ... докт. юрид. наук. Москва, 2007; мм. также: Нигматуллин Р.В. Международно-правовые стандарты противодействия коррупции и проблемы обеспечения национальной безопасности. // Евразийский юридический журнал. 2011. № 4. С. 15.

выполнение управленческих функций, своего служебного положения (должности, статуса, авторитета) в корыстных целях для личного обогащения.

В более узком смысле коррупция выступает как совокупность составов преступлений, предусмотренных в нормах международного права, и отличающихся наличием главного квалифицирующего признака в виде использования должностным лицом своего публичного статуса в корыстных целях (как личных, так и групповых). Такой позиции, например, придерживается профессор П.Н. Бирюков¹⁵⁷.

Как справедливо отмечает А.М. Цирин, «...подобные трактовки хотя и отражают основной квалифицирующий признак коррупции – использование должностным лицом своего служебного положения в целях получения ненадлежащей выгоды, но, всё же, страдает асимметричностью. Анализ видов коррупционных деяний, закреплённых международными и национальными нормативными правовыми актами, позволяет сделать вывод о необходимости отражения в определении коррупции и другого аспекта этого явления – предоставления выгоды должностному лицу, сопровождаемого нарушением законности».¹⁵⁸ Данный автор предлагает дать следующее определение коррупции: «коррупция есть использование должностным лицом своего служебного положения в целях получения выгоды либо предоставление выгоды должностному лицу, сопровождаемое нарушением законности»¹⁵⁹. То есть получение выгоды должностным лицом – это способ его незаконного обогащения, взаимосвязанный с другой стороной этого явления в виде предоставления выгоды данному лицу.

¹⁵⁷ См. Бирюков П.Н. Международное право: Учебное пособие. М.: Юрист, 2006. С. 491-493.

¹⁵⁸ Цирин А.М. Формирование институциональной основы противодействия коррупции в федеральных органах исполнительной власти // Журнал российского права. 2009. №3. С. 28-29.

¹⁵⁹ Там же. С. 29-30.

В статьях 2 и 3 Конвенции об уголовной ответственности за коррупцию (Страсбург, 27 января 1999 г.)¹⁶⁰ говорится об активном и пассивном подкупе должностного лица. Этими нормами устанавливается обязанность договаривающихся стран принимать меры для криминализации активного и пассивного подкупа национальных должностных лиц. При этом под активным подкупом понимается предложение или предоставление каким-либо лицом, прямо или косвенно, какого-либо неправомерного преимущества любому из публичных должностных лиц договаривающейся стороны для самого этого лица или любого иного лица, с тем, чтобы это публичное должностное лицо совершило действия или воздержалось от их совершения при осуществлении своих функций. Под пассивным подкупом названная Конвенция понимает прямое или косвенное преднамеренное испрашивание или получение каким-либо публичным должностным лицом договаривающейся стороны какого-либо неправомерного преимущества для самого этого лица или любого иного лица или же принятие предложения или обещания такого преимущества с тем, чтобы это должностное лицо совершило действия или воздержалось от их совершения при осуществлении своих функций.

На основе приведенных определений А.М. Цирин относит к субъектам коррупции и лиц, предпринимающих попытки к коррумпированию должностных лиц¹⁶¹. Признание лиц, осуществляющих активный подкуп, субъектами коррупционных преступлений вовсе не означает, что получатель предмета подкупа отходит на второй, факультативный план¹⁶².

¹⁶⁰ Конвенция об уголовной ответственности за коррупцию от 27 января 1999 г. // Совет Европы и Россия. 2002. №2. С. 46-55. См. также: Дополнительный Протокол к Конвенции уголовной ответственности за коррупцию от 15 мая 2003 г.

¹⁶¹ См.: Цирин А.М. Формирование институциональной основы противодействия коррупции в федеральных органах исполнительной власти // Журнал российского права. 2009. №3.

¹⁶² См.: Россия-Европа: вместе против коррупции (материалы). Ч.1. Материалы совместного проекта. Приведение российского антикоррупционного законодательства в соответствие с международными стандартами (перераб. и подг. А.Б. Горяниным и В.В. Хлусовым). М. 2009. С. 50.

В данном положении Страсбургской Конвенции так и остаётся дискуссионным вопрос о понимании различий категорий «получение выгоды», «предоставление выгоды» и «получение неправомерного преимущества». Отметим, что категория «получение преимуществ» в определённой степени касается и лиц, предпринимающих попытки к даче взятки должностному лицу. Как раз цель такого лица (лиц) заключается в получении каких-либо преимуществ от должностных лиц. Из данной конвенциональной нормы не вытекает однозначный ответ на вопрос о том, почему преимущество, предоставленное публичному должностному лицу, является равнозначным получению им выгоды, как следует из Конвенции ООН против коррупции, в которой, в свою очередь, выгода отождествляется с имуществом и не имуществом. Согласно п. «d» ст.2 данной Конвенции «имущество означает любые активы, будь то материальные или нематериальные, движимые или недвижимые, выраженные в вещах или в правах, а также юридические документы или акты, подтверждающие право собственности на такие активы или интерес в них». Следует отметить, что такая широкая трактовка сущности категории «имущество» не встречается в других международных правовых актах. В данном определении, на наш взгляд, содержится логическая ошибка. Речь идёт об «интересе в активах», который, по мнению, разработчиков Конвенции, представляет собой один из элементов, составляющих понятия имущества. Интерес в чём-либо (в том числе в активах) не может, на наш взгляд, являться имуществом, так как он трактуется однозначно в методологии науки как реальная причина действия, но не само действие по обладанию чем-либо.¹⁶³ Также считаем необоснованным замену понятного термина «выгода» на неоднозначный термин «преимущество», под которым можно подразумевать всё что угодно: как имущество, так и нематериальные блага.

В целом, предваряя наш анализ некоторых положений Конвенции ООН против коррупции, принятой 31 октября 2003г. Резолюцией 58/4 Генеральной

¹⁶³См.: Философский энциклопедический словарь. М: «Советская энциклопедия», 1983. С. 213.

Ассамблеей ООН, вступившей в силу 14 декабря 2005 г., ратифицированной РФ в 2006 г., и Конвенции Совета Европы об уголовной ответственности за коррупцию (Страсбург, 27 января 1999), ратифицированной РФ 25 июля 2006 г., отметим следующие теоретические проблемы коррупции.

Во-первых, в международном праве отсутствует общепризнанное понятие коррупции, несмотря на его значение, учитывающее комплексный политико-правовой и экономико-правовой характер данного явления. Например, в ст. 2 Конвенции ООН «Термины» и ст. 1 Конвенции Совета Европы «Использование терминов. Определения» не указывается и не определяется самый главный термин – «коррупция»;

Во-вторых, чаще всего под коррупцией понимается преступная деятельность в политике, государственном управлении, внешней торговле и в других сферах, состоящая в использовании должностными лицами их властных возможностей с целью личного обогащения;

В-третьих, в международном коммерческом праве под коррупцией понимаются незаконные выплаты (отметим, что речь не идёт о получении преимуществ публичным должностным лицом) фирм, корпораций публичным должностным лицам в своей стране и за рубежом в целях их подкупа для получения льготных или более благоприятных условий для своего бизнеса.

В-четвёртых, в международном праве отсутствуют чёткие определения понятий «проявления коррупции» и «средства коррупции». Так, наиболее типичными проявлениями коррупции считаются подкуп чиновников, общественно-политических деятелей, взяточничество за законное и незаконное предоставление благ и преимуществ, протекционизм. К средствам коррупции опять-таки относят подкуп должностных лиц, сокрытие в отчётности выплат от взятки, вымогательство¹⁶⁴.

В-пятых, коррупция не образует единого состава преступления. Действия, относящиеся к коррупции, обычно признаются различными самостоя-

¹⁶⁴ См.: Тихомирова Л.В., Тихомиров М.Ю. Юридическая энциклопедия. Изд.5-е, доп. и перераб. / Под ред. М.Ю. Тихомирова.М.,2007. С. 443.

тельными преступлениями, которые могут выражаться в получении взятки, отмывании незаконных доходов, коммерческом подкупе, злоупотреблении должностными полномочиями, служебном подлоге, провокации взятки.

В-шестых, до настоящего времени нет чёткого определения того, какие действия приводят к незаконному обогащению. Это, по мнению российских правоведов-международников, доктринальный вопрос, так как уголовные кодексы многих стран (в том числе и России) криминализуют деяния, а незаконное обогащение как сердцевина коррупции является результатом деяний. «То есть предполагается устанавливать уголовную ответственность за результат, а не за действия. Но как только мы начнём переводить это в уголовный процесс, в реальные процедуры, возникает вопрос: что должно входить в предмет доказывания? Говорить, что «незаконное обогащение» - стандартные нормы, нельзя. Возьмём статью 16 Конвенции ООН. Здесь два подхода к неразрывному деянию: дача взятки и получение взятки. В первом случае – императив, во-втором – факультатив»¹⁶⁵.

В-седьмых, между государствами существуют значительные расхождения в понимании того, какие предметы подлежат конфискации в связи с преступной деятельностью.

В-восьмых, существует серьёзное противоречие между укрепившимися в международном праве стандартами приоритета прав отдельной личности по сравнению с групповыми и общественными интересами. Групповые и общественные интересы должны иметь одинаковый статус с индивидуальными, иначе борьба с коррупцией, отмыванием доходов как причина и следствие деятельности транснациональной организованной преступности упрётся в очередные реверансы перед правом личности, имеющем приоритет над правом любого сообщества, в том числе и мирового. Эти доктринальные по сво-

¹⁶⁵ Россия-Европа: вместе против коррупции (материалы). Ч.1 Материалы совместного проекта. Приведение российского антикоррупционного законодательства в соответствие с международными стандартами (перераб. и подг. А.Б. Горяниным и В.В. Хлусовым) - М. 2009. С. 53-54.

ему содержанию вопросы не нашли должной проработки у теоретиков международного права¹⁶⁶.

В-девятых, теоретической проблемой борьбы с коррупцией является отсутствие в международном праве единой методики диагностики коррупционных деяний. В связи с этим более 95 % коррупционных деяний не регистрируются, не рассматриваются и не наказываются. И это происходит на таком негативном фоне, когда из общего числа организованных преступных группировок, выявленных во второй половине 90-годов прошлого столетия и в начале третьего тысячелетия, более трети использовали связи с коррумпированными чиновниками¹⁶⁷.

Масштабы распространённости коррупции в мире, её связь с деятельностью транснациональной организованной преступностью, терроризмом и другими, представляющими угрозу мировому сообществу негативными явлениями, свидетельствуют о необратимости этого процесса. Следовательно, у него есть объективные корни роста.

Осознание масштабов коррупции, необратимость и чёткость её направленности к получению выгоды и господства были положены в основу принятия Конвенции ООН против коррупции, представляющей собой аккумулированный международный правовой акт, основанный на предыдущих международно-правовых положениях, регулирующих сферу борьбы с коррупцией. Об этом убедительно свидетельствует Преамбула данной Конвенции.

Юридическое толкование Преамбулы дает нам основания для следующих выводов:

¹⁶⁶ См., например: Правовая система в России в условиях глобализации. Сборник материалов «круглого стола» /Под ред. Н.П. Колдаевой, Е.Г. Лукьяновой. М: «Ось-89», 2005; Найденко В.Н. Средства противодействия коррупции как фактору, способствующему распространению этнонационального экстремизма в Российской Федерации // Журнал российского права.2009.№ 6; Андрианов В. Коррупция как глобальная проблема современности// Общество и экономика.2008. № 3-4 и др.

¹⁶⁷ См.: Андрианов В. Коррупция как глобальная проблема современности// Общество и экономика.2008. № 3-4.С. 67.

- во-первых, в Преамбуле дана характеристика коррупции как транснационального явления, способного нанести серьёзный ущерб демократическим институтам, национальной экономике и правопорядку, связанного с другими формами преступности, в частности, с организованной и экономической преступностью, включая отмывание денежных средств, представляющих угрозу для стабильности и безопасности общества, подрывающую демократические институты и ценности, а также этнические ценности и справедливость, наносящего ущерб устойчивому развитию и правопорядку;

- во-вторых, подчёркивается преемственность с ранее принятыми международным сообществом многосторонними документами по предупреждению коррупции и борьбе с ней;

- в-третьих, устанавливается всеобъемлющий и многодисциплинарный подход в борьбе международного сообщества с коррупцией;

- в-четвёртых, устанавливается обязанность всех государств предупреждать и искоренять коррупцию.

Эти четыре ключевых пункта Преамбулы определяют, на наш взгляд, Конвенцию ООН как документ международного права принципиально нового уровня, одновременно включающий правоохранный, правозащитный и правосознательный уровни борьбы с коррупцией.

Правосознательный уровень борьбы с коррупцией прослеживается в статьях 5-8 Конвенции («Политика и практика предупреждения и противодействия коррупции», «Орган или органы по предупреждению и противодействию коррупции», «Публичный сектор», «Кодексы поведения публичных должностных лиц»).

В Конвенции устанавливается необходимость участия общества в противодействии коррупции путём расширения и распространения знаний по вопросам предупреждения коррупционных правонарушений (п.1 ст. 5, пп. «в» п. 1 ст.6). Устанавливается принцип подбора не избираемых должностных лиц на основе таких критериев, как безупречность работы, справедливость, способности (пп. «а» п.1 ст. 7). В пп. «d» п.1 ст.7 устанавливается

необходимость внедрения широких образовательных и учебных программ с целью прохождения публичными должностными лицами соответствующей специализированной подготовки. Итогом внедрения таких программ должно явиться добросовестное и надлежащее выполнение должностными лицами публичных функций, а также осознание ими рисков, которые сопряжены с коррупцией и выполнением ими указанных функций. В ст. 8 устанавливаются цели, принципы кодексов поведения публичных должностных лиц, которые могут быть восприняты государствами-участниками в рамках своих институциональных и правовых систем. В качестве модельного Кодекса в п.3 данной статьи предложен Международный кодекс поведения государственных должностных лиц, содержащийся в приложении к резолюции 51/59 Генеральной Ассамблеи ООН от 12 декабря 1996 г.

В ст. 13 устанавливается необходимость принятия государствами-участниками надлежащих мер в пределах своих возможностей и в соответствии с основополагающими принципами своего внутреннего законодательства для содействия активному участию отдельных лиц и групп за пределами публичного сектора в предупреждении коррупции и борьбе с ней. В качестве таких активных участников рассматриваются гражданское общество, неправительственные организации и организации, функционирующие на базе общин.

В подпунктах «а», «b», «с», «d» п. 1 ст. 13 государствам-участникам предлагается в этих целях применить соответствующие меры. В пп. «d» подтверждается принцип свободы поиска, получения, опубликования и распространения информации о коррупции, а также устанавливается, что определенные ограничения этой свободы могут быть предусмотрены законами и в случаях, если они являются необходимыми. В подпунктах «i» и «ii» устанавливаются цели возможного ограничения свободы информации – для уважения прав или репутации других лиц и для защиты национальной безопасности, публичного порядка, а равно для охраны здоровья или нравственности населения.

Целью статьи 13 является углубление понимания обществом факта существования, причин и опасного характера коррупции, а также создаваемых ею угроз.

Таким образом, в Конвенции ООН используются нравственно-этическая терминология (честность, неподкупность, прозрачность, ответственность, справедливость, добросовестность), позволяющая определить в ней особый правосознательный уровень предупреждения коррупции и борьбы с ней, равнозначный с другими, общепринятыми в международном праве уровнями.

Доктринальное толкование Преамбулы Конвенции Совета Европы об уголовной ответственности за коррупцию от 27 января 1999 г. даёт основания для следующих выводов:

-во-первых, дана характеристика коррупции как явлению, угрожающему верховенству закона, демократии и правам человека, подрывающему принципы надлежащего государственного управления, равенства и социальной справедливости, затрудняющему экономическое развитие, связанному с организованной преступностью и отмыванием денег, угрожающему стабильности демократических институтов и моральным устоям общества;

-во-вторых, подчёркивается необходимость активизации и надлежащего осуществления международного сотрудничества в борьбе против коррупции в уголовно-правовой сфере;

-в-третьих, устанавливаются содержательные параметры Конвенции как международного правового акта, предусматривающего согласованную квалификацию правонарушений в форме коррупции как уголовно-наказуемых деяний и сотрудничество государств в целях преследования за совершение таких правонарушений;

-в-четвёртых, прослеживаются поэтапно источники Конвенции.

Можно также утверждать, что в Конвенции Совета Европы в общем виде сформулирован и правоприменительный уровень борьбы с коррупцией.

На основе анализа Преамбул данных Конвенций можно заключить, что ими сформулированы все необходимые уровни противодействия коррупции, а также, что в них произошло содержательное обогащение понятия коррупции, то есть можно говорить о создании универсального механизма борьбы с коррупцией.

Не преследуя цель дать полноценный анализ Конвенций в связи с наличием ряда исследований в этом направлении, остановимся лишь на некоторых проблемных моментах, имеющих отношение к нашей теме.

Во-первых, наблюдается расхождение в Конвенциях относительно определения понятия «публичное государственное должностное лицо». Так, например, в Конвенции ООН «публичное должностное лицо» означает: «любое назначаемое или избираемое лицо, занимающее какую-либо должность в законодательном, исполнительном, административном или судебном органе государства-участника на постоянной или временной основе, за плату или без оплаты труда, независимо от уровня должности этого лица; любое другое лицо, выполняющее какую-либо публичную функцию, в том числе для публичного ведомства или публичного предприятия, или предоставляющее какую-либо публичную услугу, как это определяется во внутреннем законодательстве государства-участника и как это применяется в соответствующей области правового регулирования этого государства-участника; любое другое лицо, определяемое в качестве «публичного должностного лица» во внутреннем законодательстве государства-участника».

Тем не менее, для целей принятия некоторых конкретных мер, предусмотренных главой II данной Конвенции, «публичное должностное лицо» может означать любое лицо, выполняющее какую-либо публичную функцию или предоставляющее какую-либо публичную услугу, как это определяется во внутреннем законодательстве государства-участника и как это применяется в соответствующей области правового регулирования этого государства.

В той же Конвенции дается понятие иностранного публичного должностного лица, под которым понимается любое назначаемое или избираемое

лицо, занимающее какую-либо должность в законодательном, исполнительном, административном или судебном органе иностранного государства, и любое лицо, выполняющее какую-либо публичную функцию для иностранного государства, в том числе для публичного ведомства или публичного предприятия. Понятие же должностного лица публичной международной организации раскрывается как международный гражданский служащий или любое лицо, которое уполномочено такой организацией действовать от ее имени.

В Конвенции Совета Европы понятие «публичное должностное лицо» охватывает определения «должностное лицо», «публичный служащий», «мэр», «министр» или «судья», существующие в национальном праве государства, в котором данное лицо отправляет свою должность, как они применяются в уголовном праве этого государства. Термин «судья» включает прокуроров и лиц, занимающих судебные должности.

Далее согласно положениям этой Конвенции «в случае разбирательства, касающегося какого-либо публичного должностного лица другого государства, государство, осуществляющее преследование, может применять определение публичного должностного лица лишь в той степени, в какой это определение не противоречит его национальному праву».

В отличие от Конвенции СЕ и Конвенции ООН против транснациональной организованной преступности, которые просто ссылаются в определении публичного должностного на национальное законодательство, Конвенция ООН против коррупции содержит несколько конкретизирующих положений.

Понятие «национальное публичное лицо означает, во-первых, любое лицо, занимающее какую-нибудь должность в законодательном, исполнительном, административном или судебном органе; во-вторых, любое другое лицо, выполняющее какую-либо публичную функцию, в том числе публичного ведомства или публичного предприятия или предоставляющее какую-либо публичную услугу, как это определяется во внутреннем законодатель-

стве и как это применяется в соответствующей области правового регулирования и, в-третьих, любое другое лицо, определяемое как таковое во внутреннем законодательстве.

Наименее понятным представляется статус служащих публичных (государственных) предприятий. Полагаем, что местом работы таких служащих являются предприятия, организованные по типу унитарных, при этом юридически такие предприятия часто регистрируются как корпорации, в которых в большей мере присутствует доля частного капитала.

Также следует отметить, что определение иностранного публичного лица в Конвенции ООН для отдельного преступления в виде активного подкупа иностранных публичных лиц не делает ссылки на внутреннее законодательство и тем самым становится автономным определением и может пойти дальше, чем определение национального публичного должностного лица (что с общепринятой точки зрения уголовного права не бесспорно), вошедшее в международное уголовное право и потенциально способное расширить понятие национального публичного должностного лица¹⁶⁸.

Считаем, что определение публичного лица, приводимое в п.4 Конвенции ООН против транснациональной организованной преступности, не является точным. Согласно данному определению публичным должностным лицом является публичное должностное лицо или лицо, оказывающее какую-либо публичную услугу, как это определяется во внутреннем законодательстве государства-участника, в котором данное лицо выполняет такие функции, и это применяется в уголовном законодательстве этого государства. Полагаем, что определять содержание через само понятие недопустимо, тем более, если речь идёт о конвенционных нормах. Публичность должностного лица, по нашему мнению, должна проистекать из характера его деятельно-

¹⁶⁸ Россия-Европа: вместе против коррупции (материалы). Ч.1 Материалы совместного проекта. Приведение российского антикоррупционного законодательства в соответствие с международными стандартами (перераб. и подг. А.Б. Горяниным и В.В. Хлусовым). М. 2009. С. 41-42.

сти, обеспечивающей государственный публичный интерес. Публичный же интерес, в свою очередь, представляет собой интерес, который признан государством, то есть обеспечен правом и является интересом социальной общности, удовлетворение которого служит условием и гарантией её существования и развития. В связи с этим не всякое должностное лицо является публичным. По стандартам Конвенции ООН против коррупции положение о незаконном обогащении применимо только к публичным должностным лицам, а не ко всем должностным лицам.

Примерно 40 % текста Конвенции ООН против коррупции и 30 % текста Конвенции СЕ об уголовной ответственности за коррупцию посвящены вопросам отмывания доходов от преступлений, связанных с коррупцией, ареста, конфискации имущества и возврата активов. Всё это способствует, несомненно, созданию глобальной системы управления мировыми финансовыми потоками и контролю над ними. Тем более, что мировое сообщество имеет с организационные структуры, зарекомендовавшие себя эффективными органами по борьбе с коррупцией и, в частности, с её главным методом – отмыванием денег.

Мировое сообщество явственно осознало проблему отмывания незаконных денежных средств ещё в 80-х г.г. XX века. «Термин «отмывание денег» обозначает финансовые операции, цель которых – скрыть криминальный источник происхождения средств и предоставить деньги в качестве полученных законным путём, обеспечив тем самым себе возможность их использования в легальном обороте. В правовом смысле в рамках судебной процедуры этот термин был впервые использован в США в ходе рассмотрения дела о конфискации денег, «отмытых» Колумбийской кокаиновой мафией»¹⁶⁹. Первая попытка решить данную проблему была предпринята 20 декабря 1988 г., когда была принята Конвенция ООН по борьбе против незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ (Венская

¹⁶⁹ Воронин Ю.А. Транснациональная организованная преступность: Монография-Екатеринбург: Изд-во УрГЮА, 1997. С.47.

Конвенция). Так как незаконный оборот наркотиков обеспечивал огромные прибыли, это позволяло транснациональным преступным организациям благодаря коррумпированности чиновников проникать в государственные (правительственные) механизмы, банковскую сферу, вовлекать их в сложную систему преступных зависимостей, обязательств и связей. «Поэтому целью Венской Конвенции явилась не только борьба с незаконным оборотом наркотиков, но и принятие мер противодействия легализации криминальных доходов.

Учитывая то, что значительная роль в отмытии преступных доходов принадлежит банкам, мировое сообщество предприняло беспрецедентный шаг, посягнув на принцип банковской тайны»¹⁷⁰. В п.3 ст. 5 Венской Конвенции указывалось, что с целью осуществления конфискации каждая Сторона уполномочивает свои суды или другие компетентные органы издавать постановления о предоставлении либо аресте банковских, финансовых или коммерческих документов, обеспеченные запретом уклонения от принятия мер в соответствии с положениями данного пункта, ссылаясь на необходимость сохранения банковской тайны. Более того, согласно ст. 7 Конвенции, стороны предоставляют друг другу самую широкую взаимную юридическую помощь в расследовании, уголовном преследовании и судебном разбирательстве, касающихся уголовного правонарушения, признанного таковым в соответствии с п.1 ст. 3 Конвенции, причём сторона не может отказываться от предоставления юридической помощи, ссылаясь на банковскую тайну.

Приведённые положения можно признать заметным прорывом в международном законодательстве, поскольку впервые был создан реальный механизм противодействия отмытию доходов, полученных от коррупции, а, следовательно, это был первый, но самый решительный этап в плане борьбы

¹⁷⁰ Рогачевский Л.А. Адвокатура в правовом механизме противодействия легализации доходов, полученных преступным путём, и финансирования терроризма: международно-правовой и внутригосударственные аспекты// Правоведение. 2005. № 4. С.80.

международного сообщества с транснациональной организованной преступностью, основывающейся на коррупции.

Этот механизм, показав на практике свою эффективность, стал внедряться практически во все международные правовые акты, касающиеся вопросов противодействия транснациональной организованной преступности.

Так, в п. 2 ст. 23 Конвенции СЕ устанавливается: «Каждая Сторона принимает такие законодательные и иные меры, которые могут потребоваться в целях надления её судов или других компетентных органов полномочиями отдавать распоряжения о предоставлении и аресте банковской, финансовой или коммерческой документации в целях осуществления действий, предусмотренных пунктом 1 настоящей статьи». В п. 3 данной статьи устанавливается, что банковская тайна не является препятствием для осуществления мер, предусмотренными её пунктами 1 и 2.

Можно сделать вывод, что Конвенция СЕ расширила содержание банковской тайны, присовокупив к ней и коммерческую тайну. Тем самым, был создан реальный механизм привлечения к уголовной ответственности за коррупцию и лиц, связанных с частным сектором.

В ст. 22 Конвенции ООН против коррупции положения п. 2 ст. 23 Конвенции СЕ получили дальнейшее развитие: «Каждое Государство-участник рассматривает возможность принятия таких законодательных и других мер, какие могут потребоваться, с тем, чтобы признать в качестве уголовно наказуемого деяния, когда оно совершено умышленно в ходе экономической, финансовой или коммерческой деятельности; хищение лицом, которое руководит работой организации частного сектора или работает в любом качестве, в такой организации, какого-либо имущества, частных средств, или ценных бумаг, или любого другого данного предмета, находящегося в ведении этого лица в силу его служебного положения».

В п. 1 ст. 12 Конвенции ООН против коррупции (частный сектор) устанавливается: «Каждое Государство – участник принимает меры, в соответствии с основополагающими принципами своего внутреннего законодатель-

ства, по предупреждению коррупции в частном секторе, усилению стандартов бухгалтерского учёта и аудита в частном секторе и, надлежащих случаях, установлению эффективных, соразмерных и оказывающих сдерживающее воздействие гражданско-правовых, административных или уголовных санкций за несоблюдение таких мер.

В соответствии с этими нормами можно сделать вывод, что коррупция выходит за пределы взяточничества и подкупа и охватывает многочисленные формы незаконного присвоения публичных средств для частного использования. Об этом свидетельствует и тот факт, что Центр по международному предупреждению преступности в рамках Глобальной программы ООН по борьбе с коррупцией регулярно проводит анализ и оценку наиболее опасных и распространённых видов коррупционных деяний - коррупции в сфере государственной администрации, коррупции в сфере коммерческой деятельности и коррупции на высоком уровне в финансовых, политических и административных структурах»¹⁷¹.

Отмывание преступных доходов является не только определённым видом криминальной деятельности транснациональных преступных сообществ, но и конечным результатом их криминальной специализации.

«В последнее десятилетие, - отмечает Л.Н. Анисимов, - организованная преступность и коррупция, в том числе легализация (отмывание) доходов, полученных незаконным путём, приняли международный характер, в особенности в крупных финансовых и экономических центрах Европы, и превратились в *политический фактор* (курсив наш – Д.В.), негативно влияющий на авторитет государственной власти¹⁷². Например, ст. 6 Конвенции СЕ имеет название «Подкуп членов иностранных публичных собраний», на основе которого можно сделать вывод, что речь идёт, прежде всего, о парламента-

¹⁷¹ См.: Глобализация и развитие законодательства: очерки // Ю.А.Тихомиров, А.С. Пиголкин. М: ОАО «Издательский дом «Городец»», 2004.С.378-379.

¹⁷² Анисимов Л.Н. Международно-правовые средства противодействия легализации (отмыванию) доходов, полученных незаконным путём // Московский журнал международного права. 2001. № 1. С. 88.

риях различного уровня национальных правовых систем. Статья гласит: «Каждая Сторона принимает такие законодательные и иные меры, которые могут потребоваться для того, чтобы признать в качестве уголовных правонарушений в соответствии с её внутренним правом деяния, о которых говорится в статьях 2 и 3, в том случае, когда это касается любого лица, являющегося членом какого-либо публичного собрания, осуществляющего законодательные и административные полномочия в каком-либо другом государстве».

Транснациональные преступные корпорации получают доходы преимущественно от незаконного оборота наркотиков, сокрытия прибыли, торговли оружием, людьми, физиологическими параметрами человека, от преступной деятельности в сфере новейших технологических разработок.

Отмывание доходов, полученных незаконным путём, - это, как уже отмечалось выше, конечная цель деятельности транснациональной организованной преступности, реализовать которую они способны только при помощи коррупции.

Сопоставим, в этой связи, некоторые положения Конвенции ООН о борьбе против незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ 1988 г. (Венская Конвенция) и Конвенции Совета Европы об отмывании, выявлении, изъятии и конфискации доходов от преступной деятельности от 8 ноября 1990 г. (Страсбургская Конвенция).

Отметим, что Страсбургская Конвенция представляет собой программный документ в сфере борьбы с отмыванием денег. Её главная задача – содействие международному сотрудничеству в расследовании преступлений, связанных с отмыванием нелегальных доходов. Важно отметить, что Страсбургская Конвенция имеет в виду доходы, полученные любым преступным путём, в то время как Венская Конвенция говорит только о доходах, полученных в результате незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ. В Венской Конвенции вообще не используется термин «отмывание доходов», а согласно п. «р» ст. 1 «доходы» означают любую соб-

ственность, полученную или приобретённую в результате совершения правонарушения, признанного таковым в соответствии с п.1 ст. 3. В данном пункте указывается, что каждая сторона принимает такие меры, которые могут потребоваться с тем, чтобы признать уголовными преступлениями согласно своему законодательству следующие действия, когда они совершаются преднамеренно: конверсию или перевод собственности, если известно, что такая собственность получена в результате любого правонарушения или правонарушений, признанных таковыми в соответствии с пп. «а» данного пункта или в результате участия в таком правонарушении или правонарушениях, в целях сокрытия или утаивания незаконного источника собственности или в целях оказания помощи любому лицу, участвующему в совершении такого правонарушения или правонарушений, с тем, чтобы он мог уклониться от ответственности за свои действия.

Как видим, в приведённых положениях речь идёт о правонарушениях, а не о преступлениях. Л.Н. Анисимов полагает, что в этом есть определённый смысл. «Согласно общим принципам международного права те или иные противоправные деяния могут не признаваться преступлениями в соответствии с национальным законодательством Государства-участника того или иного международного правового акта. Государство-участник Конвенции само определяет, какую ответственность установить за то или иное правонарушение: уголовную, административную или гражданско-правовую. Например, во многих странах установлена уголовная ответственность за немедицинское употребление наркотических средств или психотропных веществ, в иных такой ответственности нет, в частности, в Российской Федерации. В Нидерландах же, к примеру, за изготовление и продажу наркотиков установлена административная ответственность, в то время как во многих странах мира подобные деяния наказываются смертной казнью»¹⁷³.

¹⁷³ Анисимов Л.Н. Международно-правовые средства противодействия легализации (отмыванию) доходов, полученных незаконным путём // Московский журнал международного права. 2001. № 1. С. 91.

Венская Конвенция дала развёрнутый перечень действий по отмыванию доходов и чётко их определила, что было воспринято всеми последующими международными соглашениями, связанными с противодействием отмыванию доходов, полученных от преступной деятельности. В Страсбургской Конвенции речь уже идёт «о доходах от преступной деятельности», но в ст.1 при этом используется формулировка Венской конвенции – «уголовное правонарушение, в результате которого получены доходы». В то же время, когда речь идёт об отмывании доходов, то в ст. 1 данное правонарушение признаётся уголовно наказуемым, то есть преступлением.

В п.1 ст. 6 Страсбургской Конвенции перечислены уголовные правонарушения, являющиеся источником преступных доходов, отмывание которых образует преступления.

По сравнению с Венской Конвенцией, в Страсбургской Конвенции значительно расширена сфера уголовных правонарушений, являющихся источником преступных доходов. В связи с этим, в п. «е» ст. 1 Конвенции впервые было введено понятие «основное правонарушение»: «основное правонарушение» означает любое уголовное правонарушение, в результате которого были получены доходы, которые могут стать объектом правонарушения в соответствии со статьей 6 настоящей Конвенции».

В целом согласимся с выводом о том, что «Конвенция предусмотрела совокупность правил, относящихся ко всем этапам процесса расследования преступлений, вынесения и исполнения приговоров о конфискации имущества преступных доходов. Главная цель – лишить преступников результатов их деятельности, что является одним из наиболее эффективных средств борьбы с организованной преступностью»¹⁷⁴.

Вместе с тем некоторые исследователи обращают внимание на отдельные недостатки Страсбургской Конвенции 1990 г., связанные с тем, что:

¹⁷⁴ Шульга И.В. Организованная преступность и зарубежный опыт государственно-правового контроля над ней // Организованная преступность: проблемы борьбы и предупреждения: Сб. научных статей / Отв. ред. А.Н. Тарбагаев. Красноярск: Краснояр. гос. ун-т., 2001. С. 7.

-во-первых, в соответствии с п. 2 «в» ст. 6 Конвенции за её участниками сохраняется право предусмотреть в национальном законодательстве, что преступления, представляющие собой отмывание доходов в соответствии с п. 1 ст. 6 не могут вменяться в вину лицам, совершившим основное правонарушение;

-во-вторых, в соответствии с п. «d» ст.1 конфискация означает «наказание или меру, назначенную судом в результате разбирательства по уголовному делу, или по уголовным делам и состоящую в лишении имущества».

относительно первого недостатка отметим, что п. 2 «в» ст. 6 Страсбургской Конвенции является, несомненно, «ограничительным, поскольку...он *уменьшает юридическое значение отмывания доходов как самостоятельного (хотя и связанного с основным правонарушением) уголовного преступления*. При этом Конвенция, закрепляя указанную норму, не возлагает на государства каких-либо обязательств по усилению ответственности лица, если после совершения преступления оно отмывало доходы, полученные от этого деяния. Таким образом, указанное положение Конвенции позволяет преступнику полностью избежать ответственности за отмывание доходов, полученных в результате совершённого им преступления, и является препятствием для дальнейшего развития национального законодательства в области борьбы с легализацией преступных доходов»¹⁷⁵.

Второй недостаток Конвенции усматривается в том, что в ней не разведены понятия конфискации как изъятия возможностей и средств, используемых для совершения преступления в рамках гражданского права и конфискации как уголовного наказания. Конфискация, по нашему мнению, должна выступать в качестве не основного, а дополнительного наказания за отмывание доходов, иначе смысл наказания за данное деяние утрачивается. Более того, необходимо иметь в виду и тот факт, что конфискация имущества рас-

¹⁷⁵ Анисимов Л.Н. Международно-правовые средства противодействия легализации (отмыванию) доходов, полученных незаконным путём // Московский журнал международного права. 2001., № 1. С. 94.

смачивается международным правом в гораздо большей мере как изъятие возможностей и средств, используемых для совершения преступления, в рамках гражданского, а не уголовного права. Например, это следует из п. 3 ст. 19 Конвенции СЕ: «Каждая Сторона принимает такие законодательные и иные меры, которые могут потребоваться для того, чтобы наделять себя правом конфисковывать или иным образом изымать орудия совершения и доходы от уголовных правонарушений, признанных в качестве таковых в соответствии с настоящей Конвенцией, или имущество, стоимость которого эквивалентна таким доходам». Указание на то, что каждая Сторона наделена правом изымать орудия совершения уголовных правонарушений и доходы от них говорит о процессуальных мерах противодействия коррупции. В п.1 ст. 23 Конвенции Совета Европы, устанавливающей меры по содействию сбору доказательств и конфискации доходов, указано, что каждая Сторона принимает такие законодательные и иные меры, которые могут оказаться необходимыми, включая меры, допускающие использование специальных методов расследования в соответствии с внутренним законодательством, в целях содействия сбору доказательств, имеющих отношение к уголовным правонарушениям, признанным в качестве таковых в соответствии со статьями 2-14 данной Конвенции, а также выявления, розыска, наложения ареста и изъятия орудий преступлений и доходов от коррупции, либо имущества, стоимость которого эквивалентна таким доходам, в отношении которых могут быть применены меры, установленные в соответствии с п. 3 ст. 19 Конвенции. То есть в данной статье речь идёт о действиях «в целях содействия «сбору доказательств», что не позволяет рассматривать конфискацию в качестве наказания. Вместе с тем постоянный рефрен норм Страсбургской Конвенции об определении стоимостного эквивалента имущества и доходов от коррупции позволяют сделать вывод, что речь в данных статьях идёт о нормах материального права.

Отметим, что международные правовые инструменты предоставляют значительную свободу действий в имплементации различных видов конфис-

кации. Но при этом необходимо выполнение некоторых основных требований.

Внутреннее законодательство должно предусматривать положения, позволяющие конфисковать или каким-либо иным образом лишить инструментов преступления, т.е. имущества, оборудования и других средств, использующихся при совершении преступления, и доходов (равного экономического преимущества) от соответствующих преступных деяний или имущества, стоимость которого соответствует этим доходам. Конвенции ООН дают в этом отношении дополнительные разъяснения. Они недвусмысленно распространяют эту меру на преступные доходы, «полученные от преступлений», а также прямо включают случаи, когда «доходы от преступлений были превращены или преобразованы, частично или полностью, в другое имущество», когда они «были приобщены к имуществу, приобретённому из законных источников», и даже к «доходу или другим выгодам, полученным от инвестирования вышеупомянутых видов доходов от преступлений»¹⁷⁶. Именно такие основные требования перечислены в ст.12 Конвенции против транснациональной организованной преступности.

Вернёмся к нашему утверждению, высказанному выше, о прогрессе, достигнутом в Конвенции ООН против коррупции, по вопросам возврата активов и распоряжения ими (ст. 57 Конвенции).

Конвенции ООН и СЕ создают эффективный механизм противодействию отмывания доходов, цель которого – скрыть криминальный источник происхождения средств и предоставить деньги в качестве полученных законных путём.

Связь отмывания денежных средств с транснациональной организованной преступностью очевидна. Для традиционных «семейных» криминальных структур, временных или малочисленных, отмывание преступных доходов не

¹⁷⁶ Россия-Европа: вместе против коррупции (материалы). Ч.1 Материалы совместного проекта. Приведение российского антикоррупционного законодательства в соответствие с международными стандартами (перераб. и подг. А.Б. Горяниным и В.В. Хлусовым). М. 2009. С. 45.

нужно в силу того, что они имеют дело с наличностью и избегают использования финансовых институтов. «Но ситуация диаметрально меняется, когда дело касается криминального бизнеса более крупных, в особенности транснациональных, образований. Количество наличных денег, генерируемых, в частности, наркобизнесом, так велико, что конвертация их в более крупные банкноты или перевод в безналичные формы становится настойчивой необходимостью. В противном случае существенно возрастает уязвимость этих организаций от правоохранительных органов»¹⁷⁷. Стратегией небольших преступных групп не является, таким образом, манипулирование нелегальными доходами, но зато эта стратегия характерна для транснациональной организованной преступности, в основе которой лежат финансовые интересы. «Таким образом, отмывание денег является ключевым элементом любого вида преступного бизнеса ... В связи с тем, что необходимым условием успешного отмывания денег служит запутывание следов в отношении источника их происхождения, *подобная деятельность неизбежно связана с транснациональными операциями, переводом средств через границы и по финансовым сетям нескольких государств* (курсив наш – Д.В.). Например, синдикаты по торговле наркотиками зачастую должны платить иностранным поставщикам сырья, группам его переработчиков, «челнокам», ввозящим товар, организациям, занятым отмыванием доходов, наконец, структурам, использующим полученные средства, в том числе путём инвестирования их в законный бизнес»¹⁷⁸. Борьба с отмыванием доходов транснациональной организованной преступности осложняется тем, что в их рамках «работают общественные некоммерческие фонды, благотворительные организации, фирмы, специализирующиеся на переводе мелких наличных средств. В мире продолжают существовать оффшорные зоны со слабыми механизмами контроля, где небольшие банки стекаются нелегальные доходы со всего ми-

¹⁷⁷ Воронин Ю.А. Транснациональная организованная преступность: Монография-Екатеринбург: Изд-во УрГЮА. 1997. С.47.

¹⁷⁸ Там же, с. 47.

ра»¹⁷⁹. Всё это и составляет суть скрытых механизмов действия транснациональной организованной преступности.

Таким образом, возникает порочный круг: преступная деятельность транснациональных групп - коррупция - отмыwanie доходов. Чтобы его разорвать, необходимо нейтрализовать ключевое звено этого порочного круга, каковым является отмыwanie доходов, одинаково питающее и коррупцию, и транснациональную преступность.

В связи с этим в п.1 ст. 7 Конвенции ООН против транснациональной организованной преступности, посвящённой мерам борьбы с отмыванием денежных средств, говорится, что каждое государство-участник устанавливает в отношении банков и банковских финансовых учреждений, а также в надлежащих случаях, других органов, особо уязвимых с точки зрения отмыwania денежных средств, требование в отношении идентификации личности клиента, ведения отчётности и предоставления информации о подозрительных сделках.

Одновременно с принятием международных Конвенций, многие государства, осознав угрозу слияния транснациональной организованной преступности с терроризмом, стали расширять сотрудничество на межправительственном уровне, прежде всего в организационном плане. В 1989 г. на встрече «большой семёрки» в Париже была создана специальная организация – Financial Action task Force on Money Laundering (Группа финансового противодействия отмыванию денег – FATF), а в июне 1995 г. была создана международная организация служб финансовой разведки (The Egmont Group) – группа «Эгмонт». Данные организации на практике доказали возможность международного сообщества противодействовать коррупции, отмыванию доходов, и, тем самым, ликвидировать источник и цель существования транснациональной организованной преступности. К сожалению, объём данного параграфа не позволяет нам углубиться в анализ деятельности этих

¹⁷⁹ Поляничко Е.Г. Формирование международных режимов борьбы с терроризмом. Монография / Е.Г. Поляничко.-М: Вита-Пресс, 2008. С. 95.

структур, созданных мировым сообществом. Отметим лишь, что эти структуры не уполномочены непосредственно применять какие-либо меры воздействия к странам, которые не следуют их рекомендациям, но влияние этих структур на повышение эффективности борьбы с коррупцией и отмыванием доходов так велико, что многие государства воспринимают эти рекомендации как обязательные для имплементации в национальное законодательство.

Итак, в результате проведённого нами в данном параграфе исследования можно сделать следующие выводы.

1. Коррупция является антиобщественным явлением, характеризующимся устойчивостью.

2. Международно-правовое легальное определение коррупции нуждается в корректировке в связи недостаточной правовой определённости ключевых его элементов «получение преимуществ» и «имущество»; в международном праве отсутствуют чёткие определения категорий «проявление коррупции» и «средства коррупции»; в международном праве не фиксируется тот факт, что коррупция не образует единого состава преступления; коррупция, являясь незаконным обогащением, – это результат деяния, а уголовные кодексы стран мира криминализируют сами деяния, а не их результат, что не позволяет национальным правовым системам эффективно противодействовать коррупции.

3. В международном праве отсутствует единая методика диагностики коррупционных деяний. В связи с этим более 95 % коррупционных деяний не регистрируются, не рассматриваются и не наказываются.

4. В мире наблюдается тенденция контролирования государственной власти финансовыми структурами. В связи с этим происходит процесс политизации коррупции, когда для продвижения своих национальных интересов государства используют коррупционные механизмы для воздействия в нужном для них направлении на отдельные страны мира и даже на регионы. Полагаем, что процесс политизации коррупции – это закономерность её развития в мировом пространстве эпохи глобализации.

5. Анализ преамбул Конвенции ООН против коррупции и Конвенции СЕ об уголовной ответственности за коррупцию, позволил определить уровни их воздействия на предотвращение коррупции и борьбы с ней.

6. Наблюдается расхождение в конвенционном праве в категориальном определении статуса «публичное лицо», «должностное лицо» и «иностранное должностное лицо», что не способствует формированию единой правовой политики государств по предотвращению коррупции и борьбе с ней. Анализ конвенционных норм показал, что коррупция выходит за пределы взяточничества и охватывает многочисленные формы незаконного присвоения публичных средств для личного использования.

7. Отмывание доходов, полученных незаконным путём, - это конечная цель деятельности транснациональной преступности, реализовывать которую она способна только при помощи коррупции.

8. Сравнительно-правовой анализ некоторых положений Конвенции ООН о борьбе против незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ (Венская конвенция) и Конвенция Совета Европы об отмывании, выявлении и конфискации доходов от преступной деятельности (Страсбургская конвенция) позволил определить не только их несомненные достоинства, но и ряд недостатков (неразвитость понятия «отмывание доходов» в Венской Конвенции; установление нормы в Страсбургской Конвенции, в соответствии с которой за Сторонами сохраняется право предусмотреть в национальном законодательстве положения, в соответствии с которыми преступления, представляющие собой отмывание доходов, не могут вменяться в вину лицам, совершившим основное преступление; двойственность квалификации конфискации в Страсбургской Конвенции и др.).

Глава 3. Проблемы реализации международно-правовых норм о борьбе с транснациональной преступностью в законодательстве Российской Федерации

§ 1. Специфика имплементации норм международного права о борьбе с транснациональной преступностью в уголовное законодательство Российской Федерации

Данный параграф начнем с анализа специфических черт имплементации некоторых международно-правовых норм в уголовное законодательство России.

Во-первых, положения об уголовно-правовом иммунитете, закреплённые в международно-правовых нормах, в России действуют непосредственно. Это означает, что нормы уголовного законодательства страны не должны затрагивать иммунитет сотрудников иностранных дипломатических и консульских представительств, высших публичных должностных лиц иностранных государств, некоторых других категорий иностранных граждан, на которых распространяется иммунитет.

Во-вторых, нормы договоров, предназначенные для прямого действия в России, или нормы договоров, ратифицированных парламентом, должны непосредственно регулировать уголовные правоотношения.

В-третьих, нормы международных договоров, которые предусматривают криминализацию тех или иных правонарушений, являются лишь основанием для приведения законодательства в соответствие с нормами международного права. Далее судьба таких норм сводится к инкорпорации в уголовное законодательство либо путём рецепции (безусловного воспроизведения), либо путём имплементации. При этом нормы международного договора, как правило, содержат стандартные формулировки, указывающие на такие способы инкорпорирования: «если не противоречит Конституции Государства-участника», «в рамках национальной правовой системы», «Государство-

участник рассматривает возможность». Например, согласно Конвенции ООН против коррупции дача взятки криминализируется государствами-участниками в обязательном порядке, а криминализация получения взятки - по их усмотрению.

В-четвёртых, в случае противоречия уголовно-правовой нормы, содержащейся в международном договоре России, общепризнанным нормам или принципам международного права, приоритет имеют нормы международного договора при условии их нормативного закрепления в РФ.

Сам факт помещения положения о примате международного права в ч.4 ст. 15 Конституции РФ «поднимает её значимость в системе законодательства страны, а во-вторых, включение общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров России в её правовую систему. Отсюда должно возникать унифицирующее влияние международного права не только на федеральное и региональное правотворчество, но и на правореализацию, правовую культуру и правосознание граждан страны»¹⁸⁰.

В рамках данной специфической черты инкорпорирования норм международного права в российское уголовное законодательство, определимся с вопросом роли общепризнанных принципов международного права во внутригосударственном регулировании противодействия ТОП.

В соответствии с Декларацией ООН о принципах международного права, касающихся дружественных отношений и сотрудничества между государствами в соответствии с Уставом Организации Объединённых Наций, такими принципами являются принципы Устава ООН, воплощённые в указанной Декларации. В п. 3 Декларации установлено, что «принципы Устава ООН, воплощённые в настоящей Декларации, представляют собой основные принципы международного права, и поэтому призывает все государства руководствоваться этими принципами в своей международной деятельности и

¹⁸⁰ Правотворчество и формирование системы законодательства РФ в условиях глобализации. Актуальные проблемы (по материалам «круглого стола» ИГП РАН) //Государство и право, 2007. № 4. с. 111.

развивать свои взаимодействия на основе строго соблюдения этих принципов». Применительно к национальным правовым системам общепризнанные принципы международного права, «понимаемые как «положения (правила) объективного права», которые «могут выражаться, а могут и не выражаться в текстах, но обязательно применяются в судебной практике и обладают достаточно общим характером»¹⁸¹, получили признание во всём мире. В отсутствие нормы национального права, регулирующей правоотношение (международное или внутринациональное) они могут применяться непосредственно. В этом нами усматривается важная нормативная роль общепризнанных принципов международного права. Применение международно-правовых норм и общепризнанных принципов международного права вменяется в обязанность российскому суду, так как одним из оснований отмены судебного акта в надзорной инстанции является «нарушение нормы международного права» (её неприменение или неправильное истолкование).

В-пятых, межправительственные международные договоры обладают приоритетом в отношении правительственных актов; международные договоры межведомственного характера имеют приоритет лишь в отношении актов заключившего их ведомства.

В целом следует отметить, что в международном уголовном праве прослеживаются некоторые особенности правовых текстов, затрудняющие их инкорпорацию в уголовное законодательство РФ.

В этой связи Е.Н. Трикоз в качестве одной из негативных черт международного уголовного права рассматривает его бессистемность. Именно в этой связи многие юристы говорят о невозможности его приоритетного и прямого действия в отношении национального уголовного права.

¹⁸¹ Цит. по: Марченко М.Н. Об основных тенденциях развития права в условиях глобализации // Государство и право. 2009. № 6. С. 7.

Автор пишет, что «международные уголовно-правовые нормы до сих пор не связаны в единый документ, база их источников довольно эклектична и лишена чёткой иерархической структуры»¹⁸².

На наш взгляд, процесс имплементации международных норм во внутригосударственное право затрудняет и тот факт, что интернализация уголовного права приводит к созданию комплексной отрасли «международное уголовное право», которая в силу своего комплексного характера содержит отсылочные нормы, нередко имея при этом декларативный и казуистический характер¹⁸³.

В России из двух видов имплементации международно-правовых норм (непосредственной (прямой) и опосредованной), реализуется лишь вторая (опосредованная). Первая из них «не свойственна национальной (российской) уголовно-правовой традиции и теоретически означает, что правила международного договора непосредственно применяются на территории Государства-участника в силу самого акта о его ратификации (присоединения к нему), или так называемого бланкетного законодательства, в котором указывается заключённый международный договор и дата вступления его в силу. В российском уголовном законодательстве не предусмотрена возможность применения международной нормы напрямую в случае пробела и отсутствия аналогичного положения в УК РФ. Абсолютное большинство норм

¹⁸²См.: Трикоз Е.Н. Развитие уголовного законодательства в условиях глобализации // Глобализация и развитие законодательства. Очерки /Отв. Ред. Ю.А.Тихомиров, А.С. Пиголкин. М: ОАО «Издательский дом «Городец», 2004. С. 409-410.

¹⁸³См: Гаухман Л.Д. Проблемы УК РФ: бланкетность, декларативность, казуистичность // Уголовное право в XXI веке: Материалы международной научной конференции на юридическом факультете МГУ им. В.М.Ломоносова, 31 мая-1 июня 2001 г., М., 2003. С.30; В.Михайлов. Выступление на Совещании по выработке предложений по приведению УК РФ в соответствие с Конвенцией ООН против коррупции и Конвенции Совета Европы об уголовной ответственности за коррупцию 8 июля 2005 г. Россия-Европа: вместе против коррупции (материалы) / (Программа сотрудничества ЕС и России). Ч.1 Материалы совместного проекта Приведения российского антикоррупционного законодательства в соответствие с международным стандартом./Перераб. и подг. А.Б. Горяниным и В.В. Хлусовым). М., 2008. С. 50, Трикоз Е.Н. Развитие уголовного законодательства в условиях глобализации // Глобализация и развитие законодательства. Очерки /Отв. Ред. Ю.А.Тихомиров, А.С. Пиголкин. М: ОАО «Издательский дом «Городец», 2004. С. 410 и др.

международного права воспроизведены в национальном УК с точки зрения опосредованной (косвенной) имплементации: отсылки и инкорпорации. В Особенной части Кодекса отсылки к международным договорам содержатся только в четырёх статьях и это означает, что диспозиции соответствующих уголовно-правовых норм зафиксированы в определённых международных договорах РФ. В то же время непосредственно связаны с международно-правовым регулированием более двух десятков статей УК РФ»¹⁸⁴. Таким образом, следует заключить, что прямая имплементация присутствует в уголовном законодательстве в очень незначительной степени и в основном касается уголовной ответственности лиц, обладающих дипломатическим или иным иммунитетом.

Отметим, что инкорпорация представляет собой вид систематизации нормативных правовых актов без изменения их нормативного содержания. Отсылка - отсылочная правовая норма, не содержащая определённого правила поведения, и отсылающая к правилу другой статьи данного или иного нормативного правового акта.

Для Российской Федерации характерна косвенная инкорпорация путём восприятия новелл международного права. Например, именно таким способом имплементации пользовался законодатель в отношении норм главы 34 УК РФ «Преступления против мира и безопасности человечества». Но этот путь оказался достаточно тернистым, не позволяющим говорить о классической рецепции (прямом включении положений международного права в УК РФ). Речь идёт о концепции «самоисполнительных» и «несамоисполнительных» норм, утвердившейся в отечественном правоведении и не позволяющей нам признать рецепцию в уголовном законодательстве как распространённое явление. Суть этой концепции заключается в том, что непосредственно дей-

¹⁸⁴ Трикоз Е.Н. Развитие уголовного законодательства в условиях глобализации // Глобализация и развитие законодательства. Очерки /Отв. Ред. Ю.А.Тихомиров, А.С. Пиголкин. М.: ОАО «Издательский дом «Городец», 2004. С. 414.

ствовать могут только самоисполнительные нормы (нормы прямого действия).

Профессор С.Ю. Марочкин, исследователь действия норм международного права в правовой системе России, утверждает, что «в принципе это устоявшееся положение как в зарубежной, так и отечественной литературе. В теории международного права о «самоисполнительности» говорят достаточно давно (Н.В.Миронов, Р.А. Мюллерсон, Э.М.Аметистов, М.Л. Энтин и др.), хотя не всегда при этом имеют в виду одно и то же¹⁸⁵. Данный автор пишет, что в законодательстве новые типы самоисполнительных норм появились недавно (в ГК РФ 1994 г., в Федеральном законе «О международных договорах», в Водном кодексе РФ, в Лесном кодексе РФ и в некоторых других). Во всех этих нормативных правовых актах использовалась формула: «международные договоры РФ применяются к соответствующим положениям непосредственно, за исключением случаев, когда для применения договора требуется принятие внутригосударственного правового акта»¹⁸⁶.

Проблема заключается, на наш взгляд, в том, что правоприменителю всегда необходимо будет ответить на вопрос: препятствует ли принятие внутригосударственных актов о порядке выполнения тех или иных договоров непосредственному действию и применению последних? В любом случае самоисполнительность международной нормы в процессе инкорпорации путём рецепции подвергается сомнению в связи с неполнотой самоисполнительности, вынуждающей законодателя государства-участника доводить её до требуемой полноты. В этой связи трудно согласиться с мнением Е.Н. Трикоз, что глава 34 УК РФ «Преступления против мира и безопасности человечества» «не имеет в качестве формального источника в отличие от Общей ча-

¹⁸⁵См.: Марочкин С.Ю. Действие норм международного права в правовой системе Российской Федерации. Тюмень. Изд-во Тюменского госуниверситета, 1998. С. 156-157; см. также: Курашвили А. Ю. Проблемы самоисполнимости международных договоров во внутригосударственной правовой системе // Правоведение. 2006. № 4. С. 176 - 185 и др.

¹⁸⁶Там же, с. 156-157.

сти УК самоисполнительных международных договоров»¹⁸⁷. Они, разумеется, там присутствуют, но для реализации этих норм требуется технико-юридическая доработка. Как пишет данный автор, для «реализации соответствующих международно-правовых норм и предписаний необходимо было подтвердить их в части диспозиции, а в части санкции «развернуть» до полного объёма»¹⁸⁸. Таким образом, предложенная отечественными правоведами формула самоисполнения нормы не представляется нам корректной, если не ведётся речь о степени её полноты.

Завершая наш краткий теоретический обзор, отметим, что какие бы виды имплементации не использовались, главное, чтобы они соответствовали своей цели в виде определения задач уголовного права и сфер уголовной юрисдикции; установления принципов уголовной ответственности и признаков состава преступлений как её основания; определения принципов назначения наказания.

При имплементации норм Конвенции ООН против транснациональной организованной преступности, а также Конвенции ООН против коррупции, Конвенции Совета Европы об уголовной ответственности за коррупцию следует проанализировать части 3 и 4 ст. 35 и ст. 210 УК РФ «Организация преступного сообщества (преступной организации) или участие в нем (ней)» на предмет внесения соответствующих изменений в данные статьи.

Объектом указанных преступлений является общественная безопасность. Деяние же, предусмотренное в ч.3 ст. 210 УК РФ имеет своим объектом ещё и государственную власть, интересы государственной службы. Цель совершения преступной организацией тяжких и особо тяжких преступлений создаёт угрозу личности, собственности, государственной власти.

В ч. 1 ст. 210 УК РФ законодатель вводит понятие не только преступного сообщества (преступной организации), но и понятие «структурное подразделение организаторов, руководителей или иных представителей органи-

¹⁸⁷ Трикоз Е.Н. Указ. соч. С. 415.

¹⁸⁸ Там же.

зованных групп». В этом плане отечественный уголовный закон трактует организованную преступность более широко, чем Конвенция ООН против транснациональной организованной преступности, которая определяет организованную преступную группу как *структурно оформленную группу в составе трёх и более лиц, существующую в течение определённого периода времени и действующую согласованно с целью совершения одного или нескольких серьёзных преступлений или преступлений, признанных таковыми в соответствии с Конвенцией, с тем, чтобы получить, прямо или косвенно, финансовую или иную материальную выгоду.*

В ч. 4 ст. 35 УК РФ (в новой редакции) преступление признаётся совершённым преступным сообществом (преступной организацией):

- во-первых, если оно совершено структурированной организованной группой;

- во-вторых, если оно совершено объединением организованных групп, действующих под единым руководством;

- в-третьих, если члены структурированной организованной группы или объединения организованных групп действуют в целях совместного совершения одного или нескольких тяжких либо особо тяжких преступлений для получения прямо или косвенно финансовой или иной материальной выгоды.

«Таким образом, это – либо одна сплочённая организованная группа (организация), имеющая иерархическую (двух и более уровневую) структуру, либо союз таких групп, представляющих относительно автономные устойчивые образования, специально созданные в качестве его структурных подразделений или в разное время соединившихся под единое руководство»¹⁸⁹.

Согласно ч. 3 ст. 35 УК РФ организованная группа представляет собой устойчивую группу лиц, заранее объединившихся для совершения одного

¹⁸⁹ Казакова В.А., Михлин А.С. Уголовно-правовой анализ преступлений террористического характера. Комментарий к статьям 205-211, 277, 282 (1), 282 (2), 360 УК РФ //Терроризм. Правовые аспекты противодействия: нормативные и международные правовые акты с комментариями, научные статьи /Под ред. И.Л. Трунова и Ю.С. Горбунова. Изд. 2-е перераб и доп. М: Эксмо, 2007. С.253.

или нескольких преступлений. Такой оценочный признак, как *устойчивость*, является определяющим для разграничения с группой лиц, действующих по предварительному сговору.

В Конвенции против транснациональной организованной преступности понятия «организованная преступная группа» и «структурно оформленная группа» различаются.

Как следует из пп. «с» п. 2 Конвенции, «структурно оформленная группа» означает группу, которая не была случайно образована для немедленного совершения преступления и в которой не обязательно формально определены роли её членов, оговорён непрерывный характер членства или создана развитая структура.

Можно констатировать, что в пп. «с» ст. 2 Палермской Конвенции отсутствуют критерии определимости такой группы. Непрерывный характер членства может не иметь места, развитая структура не обязательна, а, следовательно, роли её членов не могут быть формально определены. Остаётся один критерий: создание для какой-то цели, которая должна появиться в будущем. Полагаем, что такой критерий сомнителен, трудно определим и вызывает сложности в процессе применения таких норм у правоохранительных органов.

Надо полагать, что «структурно оформленная» группа в Палермской Конвенции является синонимом «организованной преступной группы», предусмотренной в тексте Уголовного кодекса РФ. Как следует из ч. 3 ст. 35 УК РФ, *устойчивость* – это критерий организованной преступной группы.

По мнению В.А. Казаковой и А.С. Михлина, это оценочный признак, который «характеризуется наличием организатора (который создаёт группу, вербует в неё соучастников, распределяет между ними роли, планирует объекты преступной деятельности, поддерживает дисциплину, а также обеспечивает целенаправленную, спланированную и слаженную деятельность как группы в целом, так и каждого участника и т.п.). Имеет значение также наличие прочных связей между соучастниками, специфических индивидуальных

форм и методов деятельности, стабильности состава и организационной структуры преступной группы»¹⁹⁰. С таким утверждением уважаемых авторов трудно не согласиться, и наоборот, невозможно согласиться с нормой, согласно которой «структурно оформленная группа» может вполне обойтись без своего сущностного проявления – без структуры. Обратимся к этимологии данных слов. В Толковом словаре русского языка (составитель С.И. Ожегов) «устойчивость» трактуется как синоним твёрдости, непоколебимости, а твёрдость означает сохранение своей формы и размера¹⁹¹.

В Философском энциклопедическом словаре «структура» определяется как «совокупность устойчивых связей объекта, обеспечивающих его целостность и тождественность самому себе... В современной науке понятие «структура» обычно соотносится с понятием системы и организации. Хотя единой точки зрения на соотношение этих понятий нет, однако в большинстве случаев в качестве наиболее широкого из них рассматривают понятие системы, характеризующее всё множество проявлений некоторого сложного объекта (*его элементы, строение, связи, функции* (курсив наш – Д.В.)). Структура выражает лишь то, что остаётся устойчивым, относительно неизменным при различных преобразованиях системы; организация же включает в себя как структурные, так и динамические характеристики системы, обеспечивающая её направленное функционирование»¹⁹².

Таким образом, следует сделать вывод, что части 3 и 4 ст. 35 и ст. 210 УК РФ гораздо более совершенны с точки зрения юридической техники, чем те определения «организованной преступной группы» и «структурно оформленной группы», которые сформулированы Палермской Конвенцией.

¹⁹⁰ Казакова В.А., Михлин А.С. Уголовно-правовой анализ преступлений террористического характера. Комментарий к статьям 205-211, 277, 282 (1), 282 (2), 360 УК РФ //Терроризм. Правовые аспекты противодействия: нормативные и международные правовые акты с комментариями, научные статьи /Под ред. И.Л. Трунова и Ю.С. Горбунова. - Изд. 2-е перераб и доп. М.: Эксмо, 2007. 253с.

¹⁹¹ См.: Словарь русского языка /Составитель С.И.Ожегов. Госуд. изд-во иностр. и национальных словарей. М.: 1953. С. 778, с. 731.

¹⁹² См.: Философский энциклопедический словарь. М: «Советская энциклопедия», 1983. С. 657.

Направленное функционирование как цель преступного сообщества (преступной организации) задаётся его специальной целью, которая согласно ч. 4 ст. 35 и ч.1 ст. 210 УК РФ состоит в совершении одного или нескольких тяжких или особо тяжких преступлений. Понятие последних даётся в ст.15 УК РФ.

Как следует из доктринального толкования ч. 1 ст. 210 УК РФ, планирование совершения тяжких и особо тяжких преступлений – это конститутивный признак преступного сообщества (преступной организации). То есть устойчивость преступного сообщества и организованной группы является универсальным их признаком, а цель – дополнительным признаком последнего объединения.

Сравним указанные новеллы с текстом Палермской Конвенции. В ней цель совершения преступления организованной преступной группой является определяющим критерием, а устойчивость уходит на второй план в связи с формулировкой пункта «а» ст. 2, где указывается структурно оформленная группа в составе трёх и более лиц, *существующая в течение определённого периода времени* (курсив наш – Д.В.).

Конвенция не устанавливает соподчинённости «структурно оформленной группы» и «организованной преступной группы». Они действуют автономно.

В российском уголовном законе наблюдается рассогласование санкций за преступления, совершённые преступным сообществом (преступной организацией) и организованной группой.

Совершение преступления преступным сообществом (преступной организацией) не устанавливается в нормах УК РФ в качестве квалифицирующего признака. В то же время совершение преступлений организованной группой является *квалифицирующим признаком многих составов преступлений*. Например, А.И. Долгова отмечает, что «диспозиция ст. 210 УК РФ, предусматривающая направленность преступного сообщества на совершение тяжких либо особо тяжких преступлений, «фактически исключает возможность

уголовно-правовой борьбы с преступными сообществами на стадии совершения ими преступлений небольшой и средней тяжести и предупреждения тяжких деяний», и полагает, что преступные сообщества и преступные организации – это разные виды организованных преступных формирований»¹⁹³. Такая позиция А.И. Долговой созвучна определениям «организованной преступной группы» и «структурно оформленной группы», присутствующим в Палермской Конвенции.

В.А. Казакова и А.С. Михлин совершенно справедливо, на наш взгляд, полагают: «следует прийти выводу, что поскольку *преступное сообщество является одним из видов организованной группы* (курсив – наш Д.В.), то в том случае, когда преступление совершается преступным сообществом, а среди квалифицирующих признаков названа организованная группа, данное преступление следует рассматривать как квалифицированное преступление»¹⁹⁴. В связи с этим данные авторы считают, что для обеспечения привлечения к ответственности по статье 210 УК РФ необходимо выявить признаки, характеризующие данное объединение как *преступное сообщество (преступную организацию)*.

Другие исследователи полагают, что статья 210 УК РФ сформулирована логически безошибочно, но нуждается в некотором уточнении, которое не позволит всем лицам, действующим как в конкретной преступной группе, так в преступном сообществе в целом, уйти от уголовной ответственности. К примеру, такой позиции придерживался М.И. Ковалёв, полагающий, что развёрнутую законодательную характеристику ответственности преступной организации следует признать удовлетворительной. Однако она нуждается в некотором уточнении. Речь идёт о словах «если они охватываются его умыслом», содержащихся в ч. 5 ст. 35 УК РФ применительно к ответственности

¹⁹³ Долгова А.И. Организованная преступность. М, 1998. С. 34-35.

¹⁹⁴ Казакова В.А., Михлин А.С. Уголовно-правовой анализ преступлений террористического характера. Комментарий к статьям 205-211, 277, 282 (1), 282 (2), 360 УК РФ //Терроризм. Правовые аспекты противодействия: нормативные и международные правовые акты с комментариями, научные статьи /Под ред. И.Л. Трунова и Ю.С. Горбунова. - Изд. 2-е перераб. и доп. М.: Эксмо, 2007, 254.

лица, создавшего организованную группу или преступное сообщество (преступную организацию), а равно руководившего ими. Как отмечает М.И. Ковалев, «такая формулировка ограничивает возможность привлечения к ответственности главарей преступного сообщества умыслом на конкретные преступления. Но преступные сообщества бывают столь мощными и разветвленными, а их руководство – многоступенчатым и строго иерархичным, что высшие руководители (главари) могут и не знать об отдельных преступлениях, совершённых в рамках деятельности сообщества и в его интересах. ... указанные лица должны отвечать и за такие преступления. Поэтому слова «если они охватывались его умыслом» было бы целесообразно заменить на «... если соответствовали его целям». В этом случае главные действующие лица преступной группы не смогут уйти от ответственности за все преступления, совершённые в интересах руководимой ими преступной организации»¹⁹⁵.

С таким утверждением уважаемого автора можно было бы согласиться, если бы он правильно определил *соподчинённость преступного сообщества и преступной группы*. Исходя из смысла его высказывания, преступная группа руководит преступной организацией. Разумеется, какая-то преступная группа, входящая в то или иное преступное сообщество, может выполнять исключительно руководящие функции, но при этом ничто не нарушается в логике их взаимодействия: преступное сообщество, состоящее из ряда преступных групп, руководит ими, а не наоборот. К нашей позиции близка точка зрения Н.П. Водько: «Во-первых, организация преступного сообщества считается окончанным составом преступления с момента создания такого сообщества, и привлечение виновных к уголовной ответственности на этой стадии - лучший метод предупреждения других преступлений. Во-вторых, *совершение членами преступного сообщества преступлений небольшой и средней тяжести не может исключать возможности борьбы с преступным сообществом, поскольку в его состав входят организованные группы*

¹⁹⁵ Ковалёв М.И. Соучастие в преступлении. Екатеринбург, 1999. С. 174.

(курсив наш – Д.В), а совершение преступления в составе организованной группы является обстоятельством, отягчающим наказание ...»¹⁹⁶.

Таким образом, следует констатировать, что Уголовный кодекс РФ рассматривает понятие «преступное сообщество» предельно широко, то есть как сообщества, действующего целенаправленно, структурно организованного, со строгой иерархической подчинённостью его составных элементов (преступных групп), взаимодействующего с коррумпированными структурами органов государственной власти и т.д. Это позволяет без изменения норм УК применять положения Палермской Конвенции в противодействии транснациональной организованной преступности. Все необходимые признаки преступной группы в уголовном законе России присутствуют в полном объёме, однако в нём необходимо учесть возможность приобретения ею транснационального характера, что отражено в ст. 3 Палермской Конвенции. Следует внести в УК РФ новеллу, в которой указать на возможность выхода преступной деятельности такого преступного сообщества за пределы страны.

Законопроект о внесении изменений в статьи 35 и 210 УК РФ имел целью, как сказано в пояснительной записке к нему, четко разграничить ответственность за совершение преступлений в составе организованных форм соучастия, а также привести российское уголовное законодательство в соответствие с требованиями Конвенции ООН против транснациональной организованной преступности (хотя еще в 2004 г. после ратификации Российской Федерацией названной Конвенции специалисты утверждали, что наше законодательство отвечает требованиям международного договора). Руководители МВД России неоднократно объясняли скромные достижения в борьбе с организованной преступностью недостатками законодательства.

Сказанное позволяет сделать следующие выводы.

1. После внесения изменений в УК РФ на основании Федерального закона от 3 ноября 2009г. № 245-ФЗ смысл понятий «преступное сообщество

¹⁹⁶ Водько Н.П. Уголовно-правовая борьба с организованной преступностью. М, 2000. С. 37.

(преступная организация)» и «организованная группа» стал гораздо более широким, чем в предыдущей редакции данных статей УК. Становится понятно, что преступное сообщество может состоять из объединившихся преступных групп. Однако возникает сомнение в том, что преступное сообщество необоснованно отождествлено законодателем в ч. 4 ст. 35 УК с организованной группой (правда, с указанием на её структурированность). Это, на наш взгляд, является серьёзным шагом назад по сравнению с предыдущей редакцией данной статьи УК. Исходя из смысла частей 3 и 4 ст. 35 УК РФ можно, по-нашему мнению, сделать вывод, что законодатель, вводя понятие «структурированная организованная группа», имел в виду вертикально иерархично организованную преступную организацию. Когда же речь идёт об объединении организованных групп, то законодатель, очевидно, имел в виду горизонтальную иерархию преступного сообщества.

2. Предполагалось, что внесённые изменения коснутся и проблемы транснациональной организованной преступности, но *никаких указаний на возможность выхода деятельности таких преступных организаций за пределы страны в указанных нормах УК, не появилось*, хотя в Палермской Конвенции против транснациональной организованной преступности в п. 2 ст. 3 прописаны рассмотренные ранее критерии транснационального характера действия организованной преступной группы.

Таким образом, не все новеллы уголовного закона приближают Россию к международным стандартам в сфере уголовного права.

§ 2. Роль международно-правовых норм в борьбе с транснациональной организованной преступностью и противодействию коррупции в России

Установление коррумпированных связей с представителями органов государственной власти и управления – важнейший аспект транснационализации деятельности преступных сообществ в Российской Федерации. «Рос-

сия по степени коррумпированности государственной власти в конце 90-х годов прошлого столетия и в начале третьего тысячелетия входила в первую десятку наиболее неблагополучных в этом отношении стран»¹⁹⁷. Коррупция ослабляет государство, делает его неспособным охранять правопорядок.

«Неспособность государства охранять правопорядок создаёт вакуум, который заполняет организованная преступность. Когда власть и юридическая система становятся настолько коррумпированными, что не могут обеспечить выполнение принятых законов, единственной силой, способной навести порядок, становится мафия» - справедливо утверждает В. Андрианов¹⁹⁸. Такую точку зрения разделяют практически все исследователи проблемы коррупции¹⁹⁹. Коррупция зачастую сопрягается с иными видами преступной деятельности, связанными, прежде всего, с теневой экономикой, приобретшей за последнее время, глобальный характер.

Специфика российской легальной экономики особенно благоприятна для разрастания коррупции. Существует мнение, что в результате проводившихся с начала 1990-х годов политических реформ создавшиеся предпринимательские структуры стали делать упор не на свободную конкуренцию, а на установление клановых связей, патрон-клиентских отношений с государством. Начал утверждаться нерыночный по своим методам действия и клановый по структуре капитализм, при котором основным мотивом деятельности стало установление монополии или олигополии, позволяющей получать ренту за счёт контроля над потоком ресурсов.

¹⁹⁷ Андрианов В. Коррупция как глобальная проблема современности//Общество и экономика. 2008. № 3-4. С. 62.

¹⁹⁸ Там же. С. 62.

¹⁹⁹ См., например: Коррупциогенность законодательства: причины, факторы, преодоление / Отв. ред. А.М. Цирин. М., 2014; Правовые механизмы имплементации антикоррупционных конвенций / Под ред. О.И. Тиунова. М., 2012. Коррупция: природа, проявления, противодействие / Отв. ред. Т.Я. Хабриева. М., 2012.; Антикоррупционная экспертиза проектов нормативных правовых актов: Науч.-практ. пособие / Отв. ред. Ю.А. Тихомиров, Е.И. Спектор. М., 2012; Роль предпринимательских структур в противодействии коррупции: Науч.-практ. пособие / Отв. ред. Н.Г. Семилютина, Е.И. Спектор. М., 2012; Правовые средства противодействия коррупции: Науч.-практ. пособие / Отв. ред. Н.А. Власенко. М., 2012.

В современной глобализующейся экономике государства всячески стремятся проталкивать свои ТНК на рынке зарубежных стран. Для этого требуются не только легальные, но и нелегальные средства (например, когда агенты государства устанавливают неформальные сети отношений с привилегированными крупными компаниями), а это уже практически открывает государствам путь к коррупции. В международном праве выработано понятие «пленение государства» как самая тяжёлая разновидность коррупции, когда коррупционеры участвуют в формировании органов государственной власти, имеют непосредственные каналы воздействия на законодательную власть с целью издания необходимых им нормативно-правовых актов; осуществляют незаконные взносы в кассы нужных им политических партий и т.д.

Ещё в 2008 г. применительно к России коррупция была охарактеризована как «один из наиболее опасных признаков разложения государства» и подчёркивалось, что «уровень коррупции в стране остаётся крайне высоким, за 2007 г. только по официальной статистике расследовано более 10,5 тыс. уголовных дел в указанной сфере²⁰⁰.

Генеральная прокуратура России оценивает потенциальный коррупционный рынок в России в миллиарды долларов. Как отмечает Генеральный прокурор России Ю. Чайка, «наметилась положительная тенденция: от противодействия низовой коррупции стали переходить к противодействию более опасным для общества ее проявлениям. Количество установленных коррупционных преступлений, совершенных в крупном или особо крупном размерах, выросло за год почти вдвое и составило более 5 тысяч; около полутора тысяч - в составе организованных групп и преступных сообществ. Значительно активизировалась оперативная работа по выявлению наиболее значимых системных коррупционных преступлений, совершаемых высокопоставленными чиновниками. За год (2012г. – Д.В.) привлечены к уголовной ответ-

²⁰⁰ См.: Консилиум в палате// Российская газета. 2008. 12 ноября.

ственности 23 депутата различных уровней, 7 министров субъектов Федерации, 8 заместителей министров»²⁰¹.

В 2006 г. Мировой Банк подготовил исследование «Административная реформа и реформа государственного регулирования в России: устранение потенциальных источников коррупции». В нём, в частности, отмечалось, что возросла коррупция при получении лицензий и разрешений (особенно в строительстве), налоговом администрировании, распределении госзаказов. Количество российских фирм, сообщивших представителям Мирового Банка о взятках, в 2002-2005 г.г. увеличилось с 13 до 21,4%»²⁰².

Объём данного параграфа нашего диссертационного исследования не позволяет нам анализировать социально-экономические, политические и нравственные корни коррупции в России. В связи с этим мы остановимся лишь на правовых средствах противодействия коррупции в стране, поскольку коррупция сопровождает деятельность транснациональных преступных групп. Попытаемся также определить пробелы и перспективы российского законодательства в этой сфере.

Отметим, что международно-правовой базой формирования антикоррупционного законодательства в России являются Палермская конвенция ООН против транснациональной организованной преступности с тремя дополнительными Протоколами, Конвенция ООН против коррупции, Конвенция Совета Европы об уголовной ответственности за коррупцию и др.

Научное и модельное значение для России имеет Межамериканская Конвенция против коррупции 1996 г., Модельный закон СНГ «О противодействии коррупции» от 25 ноября 2008г. и др.

Вместе с тем следует отметить тот факт, что членство России в Совете Европы «придаёт всё большее нормативное содержание европейской фиксации национального уголовного права, особенно в условиях политико-

²⁰¹ Российская газета. 2013. 29 апреля.

²⁰² Цит.: по Андрианов В. Коррупция как глобальная проблема современности //Общество и экономика. 2008. № 3-4.С.65.

правового сближения с Римской конвенцией 1950 г., её протокольной частью²⁰³ и «Страсбургскими стандартами», а также ратификации целого пакета из десяти Конвенций СЕ по отдельным общеуголовным и международным преступлениям и по вопросам уголовной юстиции. Кроме того, в последнее время расшились правовые основы взаимодействия российских правоохранительных органов с компетентными органами стран-членов СЕ по вопросам оказания взаимной правовой помощи и экстрадиции преступников²⁰⁴. Россия активно участвует в специальных антикриминальных программах Совета Европы (Программа «Спрут» по борьбе с организованной преступностью, отмыванием капиталов, полученных незаконным путём и коррупцией; группа «Помпиду» по борьбе со злоупотреблениями наркотиков и их незаконным оборотом).

Россия сотрудничает с ЕСПСО (Сотрудничество полиции и судебных органов в уголовно-правовой сфере). В рамках Совета Европы в составе Генерального секретариата СЕ действует Отдел юридического сотрудничества по гражданским и уголовным делам, который разрабатывает проекты нормативных правовых актов по конфискации имущества, защите свидетелей, прослушиванию телефонных разговоров и т.д. Данный Отдел вырабатывает основные направления политики СЕ против коррупции. Рекомендации Отдела Россия внедряет в своё законодательство. На уровне СПСО планируется издание модельного нормативного акта «Основные законодательства по вопросам уголовного права и процесса», в разработке которого Россия принимает самое активное участие.

Перечислим основные проблемы правового характера, которые не решены Россией в связи с ратификацией ею вышеперечисленных Конвенций.

²⁰³ Конвенция о защите прав человека и основных свобод от 4 ноября 1950 г., Ратифицирована РФ 30 марта 1998 г. 21 февраля 2001 г. принят ФЗ о внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты РФ в связи с ратификацией Конвенции о защите прав человека и основных свобод. Согласно этому Закону в УК РФ были внесены дополнения (ч. 2 ст.102, ст. 139).

²⁰⁴ См.: Трикоз Е.Н. Развитие уголовного права в законодательстве в условиях глобализации//Глобализация и развитие законодательства: Очерки / Отв. Ред. Ю.А.Тихомиров, А.С. Пиголкин. М: ОАО «Издательский дом «Городец», 2004. С. 391.

Во-первых, пробельность российского антикоррупционного законодательства. В России реализуется целенаправленная государственная антикоррупционная политика, но при этом подавляющее число нормативных правовых актов, затрагивающих сферу коррупции, имеют своей целью применение санкций за коррупцию, тогда как законодательство большинства других государств-участников Конвенций в качестве главной цели противодействия коррупции имеет её профилактику. Даже принятие Федерального закона «О противодействии коррупции» от 25 декабря 2008 г., в котором в значительной мере прописаны антикоррупционные меры превентивного характера, в целом ситуацию не изменило. Соответственно и способы противодействия коррупции ещё отстают от международных стандартов. Данный Федеральный закон был принят через 12 лет после того, когда начала реализовываться государственная целенаправленная политика в сфере противодействия коррупции. Следовательно, всё это время можно рассматривать как период реально проявившейся пробельности российского законодательства.

Во-вторых, либерализм российского антикоррупционного законодательства, не позволяющий в настоящее время в полном объёме реализовать статьи 8 и 9 Палермской Конвенции и статьи 2-23 раздела 2 Конвенции СЕ об уголовной ответственности за коррупцию. В этих нормах содержится дифференциация мер, принимаемых на национальном уровне. Так, нашему законодателю предстоит ввести в уголовное законодательство в соответствии с этими конвенциональными нормами ответственность за осуществление активного и пассивного подкупа государственных должностных лиц, членов парламентов (как федерального, так и субъектов РФ), подкупа членов иностранных государственных собраний, международных организаций, членов парламентов зарубежных стран. России предстоит детализировать соучастие в коррупции и внести в этой связи соответствующие изменения в нормы уголовного законодательства.

Обратим внимание на реальный законотворческий процесс по рассматриваемой проблеме.

В сентябре 2010 г. депутаты Государственной Думы России предложили *de lege ferenda* исключить лишение свободы как меру наказания для коррупционеров, впервые попавшихся на взятке, не превышающей 3000 рублей. По мнению авторов законопроекта, эта инициатива позволит «защитить наиболее уязвимые категории мздоимцев» - учителей и врачей. Лишение свободы предлагалось заменить крупными штрафами (250-300 тыс. рублей), а также принудительными работами. В то же время наказание для «серьезных» взяточников в законопроекте предлагается ужесточить²⁰⁵. При этом нам представляется сомнительным, что такой законопроект в будущем будет способствовать решению поставленных антикоррупционных задач.

Особая проблема заключается в необходимости создания внутригосударственного законодательства по защите свидетелей, сотрудничающих с правосудием. Пока имеющихся правовых и материальных возможностей не достаточно. Также законодательство РФ пока не охватывает всех мер по содействию сбору доказательств и конфискации доходов, полученных незаконным путём. Контроль за выполнением положений Конвенции СЕ об уголовной ответственности за коррупцию возложена на Группу государств против коррупции (ГРЕКО).

Безусловно, Россия принимает серьёзные шаги в формировании эффективного антикоррупционного законодательства, но процесс этот продвигается медленно (что связано, прежде всего, с отсутствием в стране специального антикоррупционного органа, независимого от ветвей власти и способного принимать меры по противодействию коррупции, а также контролировать соблюдение всеми субъектами права антикоррупционного законодательства).

Например, меры, принятые нашим государством во исполнение Федерального закона «О ратификации Конвенции об отмывании, выявлении, изъятии и конфискации доходов от преступной деятельности» от 28 мая 2001 г., связаны с изменениями редакции статей 174 и 174. 1 УК РФ. Данные статьи

²⁰⁵ См.: Электронный ресурс: URL: www.stopcorruption.ru (дата обращения: обращение 07.03.2014).

устанавливают ответственность за легализацию (отмывание) денежных средств или иного имущества, приобретенных в результате совершения преступления. Однако, эти нормы, по оценке многих специалистов, оказались неэффективными.

Россия сделала серьёзный прорыв в борьбе с коррупцией, приняв Национальный план противодействия коррупции²⁰⁶, утверждённый Президентом РФ в 2008 г. и Федеральный закон «О противодействии коррупции от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ²⁰⁷. 18 мая 2008 г. был издан Указ Президента РФ № 815 «О мерах по противодействию коррупции»²⁰⁸, а в дальнейшем - образован Совет при Президенте РФ по противодействию коррупции, решающий 3 круга задач:

1) подготовка предложений по государственной политике в сфере противодействия коррупции;

2) координация деятельности федеральных органов исполнительной власти, органов местного самоуправления по реализации государственной политики по противодействию коррупции;

3) осуществление контроля за реализацией мероприятий, предусмотренных Национальным планом противодействия коррупции.

«Фактически был создан антикоррупционный орган без правоохранительных функций, - отмечает А.М. Цирин. Вместе с тем, состав названного Совета образуют только представители государственных институтов. ... состав указанного Совета может быть расширен за счёт включения представителей гражданского общества. Данный подход позволит обеспечить больший уровень независимости при осуществлении контроля за реализацией меро-

²⁰⁶ См.: Национальный план противодействия коррупции (утв. Президентом РФ 31 июля 2008 г.: № Пр-1658) // Российская газета, 2008. 5 августа.

²⁰⁷ См.: Собрание законодательства РФ. 2008. № 52 (ч. 1). Ст. 6228.

²⁰⁸ См.: Собрание законодательства РФ. 2008. № 21. Ст.2429.

приятый, предусмотренных национальным планом противодействия коррупции»²⁰⁹.

В целом, можно констатировать, что в российском законодательстве не установлен в полном объёме круг коррупционных преступлений и не предусмотрены в связи с этим конкретные правовые и организационные меры борьбы с ними, не криминализована ответственность юридических лиц за коррупцию, как того требуют конвенциональные обязательства России.

Коррупция представляет собой сложное политико-правовое, экономико-социальное и нравственное явление, требующее системного подхода. Прежде всего, такая системность должна быть реализована на уровне законодательства страны. Несмотря на принятие Федерального закона «О противодействии коррупции» такого системного подхода в стране не существует.

В указанном Законе дано определение коррупции в полном соответствии с конвенционными нормами. При этом под коррупцией понимается:

а) злоупотребление служебным положением, дача взятки, злоупотребление полномочиями, коммерческий подкуп либо иное незаконное использование физическим лицом своего должностного положения вопреки законным интересам общества и государства в целях получения выгоды в виде денег, ценностей, иного имущества или услуг имущественного характера, иных имущественных прав для себя или для третьих лиц либо незаконное предоставление такой выгоды указанному лицу другими физическими лицами;

б) совершение указанных выше деяний от имени и в интересах юридического лица.

В п. 2 ст. 1 Федерального закона «О противодействии коррупции» раскрывается понятие «противодействие коррупции», понимаемое как деятельность федеральных органов государственной власти, органов государственной власти субъектов Российской Федерации, органов местного самоуправ-

²⁰⁹ Цирин А.М. Формирование институциональной основы противодействия коррупции в федеральных органах исполнительной власти//Журнал российского права, 2009. № С. 34.

ления, интересов гражданского общества, организаций и физических лиц в пределах их полномочий:

а) по предупреждению коррупции, в том числе по выявлению и последующему устранению причин коррупции (профилактика коррупции);

б) по выявлению, предупреждению, пресечению, раскрытию и расследованию правонарушений (борьба с коррупцией);

в) по минимизации и (или) ликвидации последствий коррупционного правонарушения.

Данные определения, на наш взгляд, не только вполне соответствуют конвенционным обязательствам России, но и превосходят их по точности, однозначности и краткости формулировок. Например, полностью снимается абстрактный характер конвенционных норм рассмотренных нами в параграфе 2 главы 2 настоящего диссертационного исследования.

В ст.3 анализируемого Закона установлены основные принципы противодействия коррупции; в п. 5 определён принцип комплексности: комплексное использование политических, организационных, информационно-пропагандистских, социально-экономических, правовых, специальных и иных мер. Но дальше фиксации этого принципа дело не пошло. Пожалуй, только ст.13 данного Закона даёт возможность усмотреть намёк на некую комплексность. В п. 1 ст. 13 устанавливается: «Гражданин Российской Федерации, иностранные граждане и лица без гражданства за совершение коррупционных правонарушений несут уголовную, административную, гражданско-правовую и дисциплинарную ответственность в соответствии с законодательством Российской Федерации.

В п. 1 ст. 14 присутствует ещё более краткая формулировка, не предусматривающая всех видов юридической ответственности за коррупцию: «В случае если от имени или в интересах юридического лица осуществлена организация, подготовка и совершение коррупционных правонарушений или правонарушений, создающих условия для их совершения, к юридическому

лицу могут быть применены меры ответственности в соответствии с законодательством Российской Федерации» (курсив наш – Д.В.).

Такие определения, на наш взгляд, страдают правовой неопределённостью и носят неоправданный бланкетный характер, в связи с чем в российском законодательстве, например, пока не предусматривается уголовная ответственность юридического лица за коррупцию.

Как отмечается в специальной литературе, «для противодействия коррупции необходим взаимосвязанный комплекс антикоррупционных норм в уголовном, административном, гражданском, трудовом, бюджетном и других отраслях законодательства, поскольку противодействие коррупции предполагает совместную деятельность органов государственной власти, местного самоуправления, институтов гражданского общества»²¹⁰. Но, даже задействовав все отрасли права в деле противодействия коррупции, на наш взгляд, нельзя решить проблему отсутствия истинной борьбы с коррупционными правонарушениями. Система предполагает иерархичность, многоуровневость, структурность, поэтому системная борьба с коррупцией возможна в России только на основе конституционного соподчинения регионального уровня и уровня местного самоуправления федеральному, с чётким разделением полномочий в сфере борьбы с коррупцией. Иерархичность данного процесса усматривается нами не просто в фиксации в законах или иных нормативных правовых актах способов предотвращения коррупции или борьбы с ней. Нам представляется, что иерархия таких норм должна непосредственно вытекать из текста Конституции РФ. Анализ последней показывает, что в её тексте не содержится упоминания о коррупции и ответственности должностных лиц за неё. В связи с этим становится непонятным, в чём же заключается конституционная ответственность государства перед обществом и личностью. Разумеется, можно делать конституционные отсылки на консти-

²¹⁰ Найденко В.Г. Правовая основа противодействия коррупции как фактору, способствующему распространению этнонационального экстремизма в Российской Федерации // Журнал российского права. 2009. № 6.

туционную обязанность государства охранять права и свободы человека (глава 2 Конституции РФ), не покушаться на его естественные права (ч.2 ст. 17), на непосредственное действие прав и свобод человека и гражданина (ст. 18) и т.д. Но все эти нормы никак не касаются вопросов коррупции должностных лиц. Понятие свободы от коррупции в классификации прав и свобод человека и гражданина отсутствует. Поэтому мы полагаем, что ст. 18 Конституции РФ носит ассиметричный характер, создающий конституционные гарантии только реализации прав и свобод человека и гражданина, но не их обязанностей. Надо исходить из конституционного положения о том, что права и свободы человека и гражданина являются непосредственно действующими. Они определяют смысл, содержание и применение законов, деятельность законодательной и исполнительной власти, местного самоуправления и обеспечиваются законом, тогда как об обязанностях как равнозначной с правами человека и гражданина основе деятельности органов государственной власти и местного самоуправления нет и упоминания. По логике данной конституционной нормы получается, что обязанности субъектов права в стране не определяют смысл, содержание и применение законов. Это нонсенс, который благополучно обошли своим вниманием, как исследователи национального конституционного права, так и специалисты по международному праву.

Практика показывает: там, где существенно снижен контроль со стороны государства, коррупция немедленно заполняет создавшиеся бесконтрольные ниши. Для противодействия коррупции необходим взаимосвязанный комплекс антикоррупционных норм в административном, гражданском, предпринимательском, трудовом, социальном, валютном, бюджетном, банковском, таможенном и иных отраслях права. Поэтому без реализации принципа системности борьбы с коррупцией мы не придём к необходимым результатам.

В связи с принятием Федерального закона «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с ратификацией Конвенции ООН против коррупции от 31 октября 2003 г. и Конвенции об

уголовной ответственности за коррупцию от 27 января 1999 г.» и принятием Федерального закона «О противодействии коррупции» во многие федеральные законы были внесены соответствующие поправки.

Разумеется, сдвиги, в направлении системного правового воздействия на коррупцию в России происходят. Так, например, Концепция административной реформы в 2006-2010 годах, одобренная распоряжением Правительства РФ от 25 октября 2005 № 1789-р²¹¹, в качестве неотъемлемого условия достижения своих целей предусматривала разработку действенных механизмов противодействия коррупции. Среди мер антикоррупционного характера Концепция предусматривала: подготовку и реализацию антикоррупционных программ для федеральных органов исполнительной власти, органов исполнительной власти субъектов РФ, внедрение практики антикоррупционной экспертизы законопроектов и иных нормативных правовых актов, механизмов противодействия коррупции в сферах деятельности органов исполнительной власти. В проекте Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на 2008-2020 г.²¹², разработанном Министерством экономического развития РФ, по сути, говорится о тех же мерах противодействия коррупции»²¹³.

Итогом таких совместных действий явилось утверждение министерствами РФ антикоррупционных программ, предусмотрено создание коллегиальных органов, уполномоченных противодействовать коррупции. Предлагается ввести институт уполномоченного по вопросам противодействия коррупции в подразделениях государственной службы и многие другие меры, которые уже получили признание на международном уровне. Россия исключена из чёрного списка ФАТФ, в котором перечислены страны, не сотрудничающие в деле противодействия легализации доходов, полученных преступ-

²¹¹ См.: Собрание законодательства РФ. 2005. № 46. Ст.4720.

²¹² См.: Собрание законодательства РФ. 2007. № 11. Ст.1280.

²¹³ Цирин А.М. Формирование институциональной основы противодействия коррупции в федеральных органах исполнительной власти//Журнал российского права, 2009. № С. 34.

ных путём, а также высокую оценку ФАТФ получила Федеральная служба РФ по финансовому мониторингу.

Ещё одной проблемой в сфере борьбы с коррупцией является всё ещё имеющие место коррупциогенных нормативных правовых актов, то есть таких, которые создают предпосылки коррупционного поведения должностного лица²¹⁴. Следовательно, необходимо разработать действенную методику антикоррупционного мониторинга нормативных правовых актов. На сегодняшний день методик много, но ни одна из них не носит системного характера; все они основаны на относительном принципе изучения причин коррупциогенности и не представляют собой документ, на основании которого можно провести антикоррупционный мониторинг нормативного правового акта²¹⁵. Несмотря на значительную законодательную базу РФ по этому вопросу, антикоррупционная экспертиза пока не показала своей эффективности. Полностью отсутствует статистика о её результатах, но существует большое количество исследований, связанных с целями такой экспертизы²¹⁶.

Чтобы не быть голословными, приведём пример правовой нормы, имеющей, безусловно коррупциогенный характер. Речь идёт о ч. 3 ст. 575 ГК РФ «Запрещение дарения». При разработке данной нормы, относящейся к реальным и консенсуальным договорам, законодатель исходил из того, что необходимо перечислить случаи, когда на совершение договора дарения налагаются запреты, а также из необходимости определения обычного подарка, то есть такого, стоимость которого не превышала 5 МРОТ (в соответствии со ст. 5 ФЗ «О минимальном размере оплаты труда»).

²¹⁴ См. подробнее об этом: Правовые акты: антикоррупционный анализ / Отв. ред. В.Н. Найденко, Ю.А. Тихомиров, Т.Я. Хабриева. М.: Волтерс Клувер, 2010.

²¹⁵ В России действует Федеральный закон «Об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов и проектов нормативно-правовых актов» от 17 июля 2009 № 172-ФЗ; Правила проведения экспертизы проектов нормативно-правовых актов и иных документов в целях выявления в них положений, способствующих созданию условий для проявления коррупции, утверждённые Постановлением Правительства РФ от 5 марта 2009г. № 196.

²¹⁶ См, например: Талапина Э.В. Об антикоррупционной экспертизе // Журнал российского права. 2007. №5. С. 35; Тихомиров А. Преодолевать коррупционность законодательства // Право и экономика. 2004. № 5 и др.

Данная норма ГК РФ в первоначальном виде выглядела следующим образом: «Не допускается дарение, за исключением обычных подарков, стоимость которых не превышает пяти установленных законом минимальных размеров оплаты труда: государственным служащим и служащим органов муниципальных образований в связи с их должностным положением или в связи с исполнением ими служебных обязанностей».

После внесения в данную статью поправок в соответствии с ФЗ от 25 декабря 2008г. № 280-ФЗ, текст её существенным образом изменился. Так, в новой редакции установлено: «Не допускается дарение, за исключением обычных подарков, стоимость которых не превышает трех тысяч рублей: лицам, замещающим государственные должности Российской Федерации, государственные должности субъектов Российской Федерации, муниципальные должности, государственным служащим, муниципальным служащим, служащим Банка России в связи с их должностным положением или в связи с исполнением ими служебных обязанностей».

Исчезло указание на стоимость обычного подарка, исходящего их МРОТ, и совершенно необоснованно, на наш взгляд, его стоимость была закреплена в фиксированной сумме – 3000 рублей. Во время «крестового похода» страны против коррупции это вызывает, по крайней мере, удивление, поскольку цель рассматриваемой нормы в виде недопущения превращения дара во взятку не только не была достигнута, а превратилась в свою противоположность. Разрешение государственным служащим и служащим муниципальных образований получать обычные подарки, стоимость которых не превышает 3000 рублей, именно в связи с их должностным положением или исполнением служебных обязанностей, фактически декриминализирует деяния, предусмотренные статьями 290-291 УК РФ – получение и дачу взятки.

Под получением взятки УК РФ понимает получение должностным лицом, иностранным должностным лицом либо должностным лицом публичной международной организации лично или через посредника взятки в виде денег, ценных бумаг, иного имущества либо в виде незаконных оказания ему

услуг имущественного характера, предоставления иных имущественных прав за совершение действий (бездействие) в пользу взяткодателя или представляемых им лиц, если такие действия (бездействие) входят в служебные полномочия должностного лица либо если оно в силу должностного положения может способствовать таким действиям (бездействию). Как видим, УК РФ не ограничивает взятку какими-то стоимостными рамками. Более того, исходя из анализа ч. 3 ст. 575 ГК РФ, можно сделать вывод, что фактический взяткодатель абсолютно безнаказанно может многократно «дарить» обычные подарки, поскольку на однократность дарения в ч. 3 ст. 575 ГК РФ указания нет.

Таким образом, можно сделать вывод, что данная норма ГК является коррупциогенной по своему содержанию и нуждается в немедленной коррекции.

Проблема экспертизы коррупциогенности нормативных правовых актов РФ состоит не только в отсутствии единой методики анализа последних, но, также и в том, что в России отсутствует специализированный орган, отвечающий за отсутствие коррупциогенности нормативных правовых актов, издаваемых в РФ. Переложить эту обязанность на федерального или регионального законодателя, на наш взгляд, нельзя, так как в силу конвенционных норм они могут являться тоже потенциальными взяткополучателями (например, при подкупе публичного должностного лица и т.п.).

Согласно существующим научным разработкам решения проблемы снижения (устранения) коррупциогенности нормативных правовых актов, можно говорить о двух способах такого решения: первый связан с общим повышением их качества, а второй – с выделением специализированного направления повышения качества нормативных правовых актов (целенаправленным и системным обновлением и устранением в них положений, касающихся порождения коррупционных действий. Но и при первом, и при втором способах нужны не многочисленные методики, а одна, применимая к любому

нормативному правовому акту. Пока же отсутствие такой методики приводит к возможности коррумпированности тех, кто её непосредственно применяет.

Таким образом, можно сделать следующие выводы по реализации международно-правовых норм о криминализации транснациональной организованной преступной деятельности в уголовном законодательстве России.

1. В уголовном законодательстве РФ имеют место пробелы, связанные, прежде всего, с отсутствием легального определения транснационального характера организованной преступности. В то же время следует отметить значительно более четкую правовую позицию России в юридической характеристике преступного сообщества (преступной организации) и организованной группы. (В Палермской Конвенции употребляются термины – «организованная преступная группа» и «структурно оформленная группа»). В уголовном законодательстве РФ имеется 48 составов, вытекающих прямо или опосредованно из норм международного права. Пробелы в материальном и процессуальном праве следует преодолевать посредством дальнейшего правотворчества. В частности, по примеру Великобритании, Китая и ряда других государств предлагается предусмотреть меры уголовной ответственности для юридических лиц, участвующих в совершении транснациональных организованных преступлений.

2. В международном уголовном праве в отношении закрепления понятия ТОП и её разновидностей, а также иных вопросов международного сотрудничества прослеживаются юридико-технические недостатки, выражающиеся в бессистемности, абстрактных формулировках, неоднозначности толкования, что создает определённые сложности в процессе имплементации норм международного права в национальное законодательство государств. Это требует систематических усилий участников международно-правового общения по уточнению и систематизации национально-правовых актов и их правоприменению, созданию международных механизмов унификации национально-правовой практики противодействия ТОП. Формирование таких механизмов должно осуществляться на основе общепризнанных принципов и

норм международного права с использованием международно-правовых стандартов уголовного правосудия.

3. Членство Российской Федерации в Совете Европы способствует формированию европейской ориентации российского уголовного законодательства.

4. Для российского уголовного законодательства характерно отсутствие системного подхода к имплементации конвенционных норм. В ряде случаев прослеживается конкуренция составов (например, в статьях 126, 127.1 и 127.2 УК РФ). В целях совершенствования уголовного законодательства, предлагается в системном единстве, по всем составам преступлений, относящимся к ТОП, повысить строгость мер уголовной ответственности.

5. Нормы Федерального закона «О противодействии коррупции» не только вполне соответствуют конвенционным, но и во многом превосходят их по степени определённости (имеются в виду такие конвенционные термины, как «предоставление преимуществ», «имущество» и др.).

6. Выполнение конвенционных обязательств Российской Федерацией возможно только на системном уровне. Между тем, в самом главном из них – конституционном – существует ряд серьезных противоречий, связанных, прежде всего, с императивным характером ст. 18 Конституции РФ.

7. В некоторых имплементированных Российской Федерацией конвенционных нормах отсутствует необходимая характеристика их транснационального характера, что нарушает обязательства России в связи с подписанием и ратификацией ею некоторых конвенций.

8. Отсутствие в России единой методики определения коррупциогенности нормативных правовых актов создаёт фундамент для усиления коррупции и препятствует выполнению Россией своих конвенционных обязательств в связи с подписанием ряда конвенций.

9. В целях повышения эффективности международного сотрудничества по борьбе с ТОП предлагается интенсифицировать практику заключения Россией двухсторонних международных договоров, придавая им

комплексный характер, включать в их содержание нормы, регламентирующие различные правовые вопросы взаимодействия правоохранительных органов в борьбе с ТОП. В этом контексте заслуживает особого внимания необходимость совершенствования международного механизма борьбы с ТОП. Первым шагом могло бы стать создание надгосударственного Международного комитета по мониторингу ситуации ТОП, анализу деятельности Интерпола, оценке эффективности средств правового воздействия, направленных на борьбу с деятельностью транснациональных преступных группировок в рамках ООН.

Наряду с этим, необходимо инициировать создание «Центров антикриминальной подготовки» на базе соответствующих силовых структур, в которых целесообразно проводить специализированную подготовку кадров правоохранительных органов, способных осуществлять эффективную борьбу с различными формами ТОП, специфичными для регионов нашей страны (московский регион, Северный Кавказ, Восточная Сибирь, Приморье), а также предоставлять специализированным подразделениям необходимые ресурсы для борьбы с указанными видами преступлений.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В результате проведенного исследования значительного количества международно-правовых нормативных актов, посвященных прямо либо косвенно всему спектру вопросов борьбы с транснациональной организованной преступностью, изучения соответствующих теоретических источников, данных статистики и фактов реальной правовой действительности автор свёл воедино те теоретические выводы и идеи, а также практические предложения, которые обоснованы в изложенном выше диссертационном исследовании.

Теоретические выводы.

1. Транснациональная организованная преступность – это антиобщественное и антиправовое явление, представляющее собой последовательную целенаправленную систему преступных деяний (активных действий) одной или нескольких преступных группировок, организованных на основе национальных, родственных, религиозных, профессиональных или иных связей, действующих на территории нескольких государств в целях совершения правонарушений и извлечения прибыли или иного запрещенного дохода.

2. Причинами ТОП являются следующие обстоятельства:

- деформации, искажения экономического, социального, политического и духовного развития общества;
- развитие рыночных отношений и экономическая свобода, понимаемая некоторыми как экономическая вседозволенность;
- недобросовестная конкуренция, ожидания сверхприбылей;
- национальная вражда и стремление с помощью терроризма, торговли оружием и других тяжких преступлений решить острые межнациональные конфликты;
- социальные конфликты, социальные диспропорции, которые ведут к преступлениям, могут отражать недовольство человека своим статусом, материальным положением, образованием и т.п.;
- ослабление социального контроля со стороны государства, падение нравственных устоев и др.;

- утрата духовных ценностей, массовый атеизм, падение нравственности, деградация системы образования и недооценка сферы культуры;
- технологический прогресс и процессы глобализации, либеральная миграционная политика;
- недостаточная эффективность работы правоохранительных органов, а также системы, валютного, финансового, банковского, налогового и иного экономического контроля;
- глубокая стандартизация (унификация) условий жизни людей, при которых становится возможным перенесение преступного поведения в иную культурную, языковую и социально-правовую среду;
- унификация законодательства;
- стирание этнических, языковых, культурных особенностей народов и стран;
- духовный кризис человечества, отдельных народов и стран.

3. Совершение конкретного преступления, имеющего транснациональный характер, является результатом взаимодействия факторов, сформировавшихся под воздействием неблагоприятных жизненных условий негативных нравственно-психологических свойств личности и внешних объективных обстоятельств, образующих криминогенную ситуацию.

4. Сущностью всех типов правонарушений, относящихся к ТОП, является уголовно-правовой запрет всех антиобщественных социально опасных правонарушений, которые связаны с выходом за пределы национальных границ государств, а также с созданием кооперативных преступных сообществ в разных странах. Общая сущность таких деяний позволяет назвать основные виды преступлений, входящих в группу ТОП.

5. В совокупности группа ТОП объединяет двенадцать основных видов правонарушений и семь подвидов. Это легализация денег и иного имущества, добытых преступным путем («отмывание средств»); кражи объектов интеллектуальной собственности (включают присвоение товарных знаков, кражи знаков обслуживания, фирменных наименований, элементов

промышленного дизайна; кражи и контрабанда произведений искусства и предметов культуры); незаконная торговля огнестрельным оружием; незаконную транспортировку, сбыт ядерных боеприпасов и компонентов; коррупцию; кражи автотранспорта; мошенничества в сфере страхования; компьютерную преступность (включает мошенничества с кредитными карточками; мошенничества, связанные с выманиванием денег через игры, бонусы и т.п. формы вымогательства с помощью сети Интернет); экологические преступления; торговлю людьми (включает контрабанду людей; рабство; сексуальное насилие); торговлю человеческими органами; незаконный оборот и торговлю наркотиками, психотропными и сильнодействующими веществами.

6. Одним из критериев транснациональной организованной преступности следует считать ее полисубъектность. В этом случае субъектом ТОП могут быть юридические лица, группы лиц, действующие по предварительному сговору, а также физические лица.

Предложения по совершенствованию законодательства.

1. Необходимо принять специальный Федеральный закон Российской Федерации о противодействии транснациональной организованной преступности.

2. Следует привести российское законодательство в соответствие с Конвенцией ООН против транснациональной организованной преступности.

3. Анализ важнейших документов международного права показывает, что к настоящему моменту пока отсутствует чёткое различие между категориями «международное преступление» и «преступление международного характера»; не сложились критерии транснационального характера преступлений и его форм. Это может привести, в свою очередь, к дефектам международного конвенционального права. Поэтому требуется дальнейшая технико-юридическая работа заинтересованных сторон по совершенствованию юридической терминологии, применяемой в Конвенции.

4. Характеристика организованной преступной группы, данная в п. «а» ст. 2 Конвенции явно недостаточна. Узость данной формулировки не позволяет определить как субъектов транснациональных организованных преступлений, зафиксированных в Конвенции и Протоколах к ней, например, таких сравнительно новых, но уже реально и потенциально опасных ТНК, занимающихся преступным бизнесом; по нашему мнению, данное определение не фиксирует важнейший признак современных организованных преступных групп – их организованность как ключевой, конститутивный элемент преступного сообщества, порождающий многообразие его форм.

5. Сравнительно-правовой анализ некоторых положений Конвенции ООН о борьбе против незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ (Венская конвенция) и Конвенция Совета Европы об отмывании, выявлении и конфискации доходов от преступной деятельности (Страсбургская конвенция) позволил определить не только их несомненные достоинства, но и ряд недостатков (неразвитость понятия «отмывание доходов» в Венской Конвенции; установление нормы в Страсбургской Конвенции, в соответствии с которой за Сторонами сохраняется право предусмотреть в национальном законодательстве положения, в соответствии с которыми преступления, представляющие собой отмывание доходов, не могут вменяться в вину лицам, совершившим основное преступление; двойственность квалификации конфискации в Страсбургской Конвенции и др.).

6. Международно-правовое легальное определение коррупции нуждается в корректировке в связи недостаточной правовой определённости ключевых его элементов «получение преимуществ» и «имущество»; в международном праве отсутствуют чёткие определения категорий «проявление коррупции» и «средства коррупции»; в международном праве не фиксируется тот факт, что коррупция не образует единого состава преступления; коррупция, являясь незаконным обогащением, – это результат деяния, а уголовные кодексы стран мира криминализируют сами деяния, а не их результат,

что не позволяет национальным правовым системам эффективно противодействовать коррупции.

7. В российском уголовном законодательстве имеются пробелы, связанные с «молчанием законодателя» относительно отсутствия легальных определений транснационального характера организованной преступности.

8. В международном уголовном праве прослеживаются негативные черты, препятствующие инкорпорированию его норм в уголовное законодательство Российской Федерации: бессистемность, неоднозначность толкования при переводе норм международного права на национальные языки государств, абстрактность, проявляющаяся в отсутствии конкретных признаков тех или иных преступлений и т. д.

9. В некоторых конвенционных нормах, имплементированных Российской Федерацией, отсутствует необходимая характеристика их транснационального характера, что нарушает обязательства России в связи с подписанием и ратификацией ею отдельных конвенций.

Практические рекомендации.

На основе изучения реальных мероприятий и практического опыта государств по борьбе с ТОП в 2000-2015 годах представляется актуальным предложить следующие первоочередные направления практической деятельности правотворческих и правоохранительных органов России, связанные с минимизацией того негативного влияния, которое оказывает ТОП на криминологическую обстановку в нашей стране.

1. Необходимо разработать и принять Концепцию ООН по борьбе с международной преступностью. Здесь крайне желательны единые подходы, стратегия на длительную перспективу, чтобы эффективно противодействовать возрастающей угрозе, которая, по признанию ООН, стала главной невоенной угрозой человечеству.

2. Следует сократить временные циклы между заседаниями Конгрессов ООН по предупреждению преступности и обращению с правонарушителями

с пяти до трех, а возможно, и до двух лет и проводить их поочередно на каждом континенте.

Также следует разработать и заключить Всемирную конвенцию о правовой помощи. Целесообразно было бы заключить даже не одну, а две конвенции: Конвенцию ООН о правовой помощи по уголовным делам и Конвенцию ООН о правовой помощи по гражданским и семейным делам.

3. Российской Федерации необходимо активно участвовать в Совете Европы при выработке параметров единой европейской политики противодействия транснациональной организованной преступности. Это будет способствовать формированию европейской ориентации российского уголовного законодательства.

4. Требуется активное использование в Российской Федерации методики определения коррупциогенности принимаемых нормативных правовых актов. Это создаст фундамент для снижения коррупции и препятствий для выполнения Россией своих международных обязательств, связанных с данным направлением.

5. Целесообразно внести дополнения в «Стратегию национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года», предусмотрев в документе детальные положения о противодействии транснациональной и региональной (в пределах СНГ) организованной преступности.

Список использованной литературы

I. Международно-правовые акты

1. Декларация о принципах международного права, касающихся дружественных отношений и сотрудничества между государствами в соответствии с Уставом Организации Объединённых Наций (принята 24.10.1970 Резолюцией 2625 (XXIV) Генеральной Ассамблеей ООН // Международное публичное право. Сб. документов // Сост. К.А. Бекяшев, А.Г. Ходаков: в 2-т.т. М.: БЕК, 1996. Т.1. С. 5-8.
2. Конвенция Организации Объединённых Наций против транснациональной организованной преступности. Принята резолюцией 55/25 Генеральной Ассамблеи от 15 ноября 2000 года // Собрание законодательства Российской Федерации. 2006. № 26. Ст. 2780.
3. Конвенция Организации Объединённых Наций о борьбе против незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ 1988 г. // Сборник международных документов СССР и РФ. Вып. XLVII. М., 1994. С. 133 – 157.
4. Международная конвенция о пресечении обращения порнографических изданий и торговли ими 1923 г. // Сборник дипломатических документов СССР. Вып. IX. М., 1929. С. 100 – 105.
5. Римский статут Международного уголовного суда. Документ A/CONF.183/9 от 17 июля 1998 года с изменениями на основе протоколов от 10 ноября 1998 года, 12 июля 1999 года, 30 ноября 1999 года, 8 мая 2000 года, 17 января 2001 года и 16 января 2002 года // Заключительный акт Дипломатической конференции полномочных представителей под эгидой Организации Объединённых Наций по учреждению Международного уголовного суда.
6. Декларация XII Конгресса ООН по предупреждению преступности и уголовному правосудию (Салвадор, Бразилия, 12-19 апреля 2010 г.). «Комплексные стратегии для ответа на глобальные вызовы: системы

предупреждения преступности и уголовного правосудия и их развитие в изменяющемся мире». (Проект). UN A/CONF. 213/ L/5.

7. Доклад Конференции Организации Объединенных Наций по проблеме незаконной торговли стрелковым оружием и легкими вооружениями, 9 - 11 июля 2001 г., UN Doc. A/CONF. 192 p.

8. Доклад XI Конгресса ООН по предупреждению преступности и уголовному правосудию (Таиланд, Бангкок, 18-25 апреля 2005 г.)

9. Справочный документ XI Конгресса ООН по предупреждению преступности и уголовному правосудию (Таиланд, Бангкок, 18-25 апреля 2005 г.) «Эффективные меры борьбы с транснациональной организованной преступностью» UN A/CONF. 203/4//.

10. Конвенция Совета Европы об уголовной ответственности за коррупцию от 27 января 1999 г. // Совет Европы и Россия. 2002. №2. С. 46-55.

11. Европейская конвенция по борьбе с терроризмом 1977 г. // Государство и право. 1995. № 4.

12. Дополнительный Протокол к Конвенции об уголовной ответственности за коррупцию от 15 мая 2003 г.

13. Европейская конвенция о контроле за приобретением и хранением огнестрельного оружия частными лицами 1978 г. // Не опубликована.

14. Конвенция о борьбе с подделкой денежных знаков 1929 г. // Сборник дипломатических документов СССР. Вып. VII. С. 40 – 51.

15. Конвенция о предупреждении преступления геноцида и наказании за него 1948 г. // Ведомости СССР. 1954. № 12. Ст. 244.

16. Конвенция о борьбе с торговлей людьми и эксплуатацией проституции третьими лицами 1949 г. // Российская юстиция. 1995. № 7.

17. Единая конвенция о наркотических средствах 1961 г. // Сборник дипломатических документов СССР. Вып. XXIII. М., 1970. С. 105 – 136.

18. Конвенция о преступлениях и некоторых других актах, совершаемых на борту воздушного судна, 1963 г. // Действующее

международное право / Сост. Ю.М.Колосов и Э.С. Кривчикова. В 3 т. Т. 3. М., 1997. С. 571 – 576.

19. Конвенция о борьбе с незаконным захватом воздушных судов 1970 г. // Сборник дипломатических документов СССР. Вып. XXVII. М., 1974. С. 292 – 296.

20. Конвенция о борьбе с незаконными действиями, направленными против безопасности гражданской авиации 1971 г. // Сборник дипломатических документов СССР. Вып. XXIX. М., 1975. С. 90 – 95.

21. Конвенция о психотропных веществах 1971 г. // Сборник дипломатических документов СССР. Вып. XXXV. М., 1981. С. 416 – 436.

22. Конвенция о предотвращении и наказании преступлений против лиц, пользующихся международной защитой, в том числе дипломатических агентов 1973 г. // Сборник дипломатических документов СССР. Вып. XXXIII. М., 1979. С. 90 – 94.

23. Международная конвенция о борьбе с захватом заложников 1979 г. // Сборник международных документов СССР. Вып. XLIII. М., 1989. С. 99 – 105.

24. Конвенция о физической защите ядерного материала 1980 г. // Сборник международных документов СССР. Вып. XLIII. М., 1989. С. 105 – 109.

25. Международная конвенция о борьбе с вербовкой, использованием, финансированием и обучением наемников 1989 г. // Действующее международное право / Сост. Ю.М. Колосов и Э.С. Кривчикова. В 3 т. Т. 2. М., 1997. С. 812 – 819.

26. Договор о сотрудничестве государств-участников СНГ в борьбе с терроризмом 1999 г. // Содружество. Информационный вестник Совета глав государств и Совета глав правительств СНГ. 1999. № 2. С. 120 – 129.

27. Доклад Секретариата Всемирной организации здравоохранения на 62 сессии ВОЗ 26 марта 2009 г. «Трансплантация человеческих органов и тканей».

28. Доклад Генерального Секретаря ООН на 61-й сессии Генеральной Ассамблеи «Глобализация и взаимозависимость: предупреждение коррупции и перевода активов незаконного происхождения, борьба с этими явлениями и возвращение таких активов, в частности в страны происхождения, в соответствии с Конвенцией ООН против коррупции // Доклад ООН. A/61/177.

II. Нормативно-правовые акты Российской Федерации

29. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. // Российская газета. 1993. 12 декабря.

30. Федеральный закон «О международных договорах Российской Федерации» 1995 г. // Собрание законодательства РФ. 1995. № 29. Ст. 2757.

31. Федеральный закон от 28.05.2001 N 62-ФЗ «О ратификации конвенции об отмывании, выявлении, изъятии и конфискации доходов от преступной деятельности» // Российская газета. 2001. 31 мая.

32. Федеральный закон «О ратификации Конвенции об отмывании, выявлении, изъятии и конфискации доходов от преступной деятельности» 2001 г. // Российская газета. 2001. 31 мая.

33. Федеральный закон от 07.08.2001 N 115-ФЗ (ред. от 29.06.2015) «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма» (с изм. и доп., вступ. в силу с 30.10.2015). 7 августа 2001 года N 115-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации от 13 августа 2001 г. N 33 (Часть I) ст. 3418.

34. Федеральный закон от 25.12.2008 N 273-ФЗ (ред. от 28.11.2015) «О противодействии коррупции» // Российская газета. 2015 г. 30 ноября.

35. Указ Президента Российской Федерации от 13 апреля 2010 г. № 460 «О Национальной стратегии противодействия коррупции и Национальном плане противодействия коррупции на 2010 - 2011 годы» // Российская газета. 2010. 15 апреля.

36. Указ Президента РФ от 12 мая 2009 № 537 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года» // Российская газета. 2009. 18 мая.

37. Указ Президиума Верховного Совета СССР «О порядке выполнения обязательств, вытекающих для СССР из Конвенции о передаче лиц, осужденных к лишению свободы, для отбывания наказания в государстве, гражданами которого они являются» 1979 г. // Ведомости СССР. 1979. № 33. Ст. 540.

38. Приказ Генерального прокурора Российской Федерации от 16.01.2012 № 7 «Об организации работы органов прокуратуры Российской Федерации по противодействию преступности».

39. Приказ Генерального прокурора Российской Федерации от 6 сентября 2007 г. № 136 «Об организации прокурорского надзора за процессуальной деятельностью органов предварительного расследования».

40. Приказ Генерального прокурора Российской Федерации от 27 ноября 2007 г. № 189 «Об организации прокурорского надзора за соблюдением конституционных прав граждан в уголовном судопроизводстве».

41. Приказ Генерального прокурора Российской Федерации от 19 ноября 2009 г. № 362 «Об организации прокурорского надзора за исполнением законодательства о противодействии экстремистской деятельности».

42. Приказ Генерального прокурора Российской Федерации от 12 марта 2009 г. № 67 «Об организации международного сотрудничества органов прокуратуры Российской Федерации».

43. Приказ Генерального прокурора Российской Федерации от 15.05.2010 № 208 «Об организации исполнения Национального плана противодействия коррупции на 2010-2011 годы».

44. Приказ Генерального прокурора Российской Федерации от 15.05.2010 № 209 «Об усилении прокурорского надзора в свете реализации Национальной стратегии противодействия коррупции».

45. Инструкция МВД РФ «О порядке исполнения и направления органами внутренних дел РФ запросов и поручений по линии Интерпола» 1993 г. // Информационный бюллетень. 1993. № 8 – 9.

46. Инструкция о порядке обработки информации в НЦБ Интерпола в РФ 1994 г. // Информационный вестник. 1994. № 8 – 9.

47. Положение о Национальном Центральном Бюро Интерпола в России 1996 г. // Собрание законодательства РФ. 1996. № 43. Ст. 4916.

48. Об утверждении Инструкции по взаимодействию правоохранительных органов Российской Федерации при расследовании и раскрытии преступлений, связанных с посягательствами на культурные ценности России: Приказ Генеральной прокуратуры, МВД России, ФСБ России. ИГТК России от 25 ноября 1997 г. № 69/777/ 425/ 700.

III. Научные монографии и статьи

49. Амирова Р.Р. Содержание и виды гарантий прав человека в теории конституционного права. Казань: Изд-во КГУ, 2007.

50. Андрианов В. Коррупция как глобальная проблема современности // Общество и экономика. 2008. № 3-4.

51. Антонян Ю.М. Почему люди совершают преступления. Причины преступности. М.: ИД «Камерон», 2006.

52. Алешин К.Н. Легализация (отмывание) доходов, полученных преступным путем, как преступление международного характера: Дис. ... канд. юрид. наук: СПб., 2004. 183 с.

53. Анисимов Л.Н. Международно-правовые средства противодействия легализации (отмыванию) доходов, полученных незаконным путём // Московский журнал международного права. 2001. № 1.

54. Бабошина Е.В. Региональная правовая политика в сфере конфессиональных отношений: на примере Республики Дагестан. Автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. Ростов-на-Дону, 2008.
55. Баландина Н. В. Правовая политика российского государства по декриминализации общественных отношений. Автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2008.
56. Белоглазов В.А. Причинный комплекс преступности: вопросы теории и методологии: М., 2003.
57. Безбородов Ю.С. Международные модельные нормы. М.: Волтерс Клувер, 2008.
58. Безверхов А.Г. Общественная опасность коррупции //Актуальные проблемы юридической ответственности. Тольятти, 2003. С. 201 – 206.
59. Белый И.Ю. Отдельные проблемы имплементации норм о военных преступлениях Римского Статута в российском национальном законодательстве // Государство и право, 2009. № 3.
60. Березной А. Транснационализация российского бизнеса // Мировая экономика и международные отношения. 2008. № 11.
61. Бирюков П.Н. Международное право. М.: Юристъ, 2006. 685 с.
62. Бирюков П.Н. К вопросу о признании в Российской Федерации решений иностранных арбитражных судов // Журнал международного частного права. 1998. № 4.
63. Бирюков П.Н. О получении в США доказательств по гражданским делам // Журнал международного частного права. 2004. № 3.
64. Блищенко И.П., Жданов Н.В. Сотрудничество государств в борьбе против террористических актов международного характера // Сов. государство и право. 1981. №8.
65. Богданова Н.А. Правовая догма и политика в науке конституционного права // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 11. Право. М., 1997. N 4.

66. Валеев Р.М. Выдача преступников в современном международном праве (некоторые вопросы теории и практики). Казань: Изд-во Казанского ун-та, 1976. 126 с.
67. Валеев Р.М. Универсальная система защиты прав человека // Международная и внутригосударственная защита прав человека. Учебник / Под ред. Р.М. Валеева. М.: Статут, 2011.
68. Ведерникова О. Н. Римский Статут Международного Уголовного Суда: критический анализ // Государство и право. 2009. № 5.
69. Воронин Ю.А. Транснациональная организованная преступность. Екатеринбург: Изд-во УрГЮА, 1997.
70. Воронин Ю.А. Сущность и тенденции развития организованной преступности // Организованная преступность: состояние и тенденции (материалы исследования). Екатеринбург, 1995.
71. Войшвилло Е.К. Понятие как форма мышления: логико-гносеологический анализ. М.: МГУ, 1989.
72. Гаврилов В.В. Международная и национальные правовые системы: понятие и основные направления взаимодействия: понятие и основные направления взаимодействия: Дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.10 Владивосток, 2005. 315 с.
73. Гаврилов В.В. Взаимодействие международной и национальных правовых систем и правосознание // Журнал российского права. 2006. № 2. С. 131-138.
74. Гаухман Л.Д. Проблемы УК РФ: Бланкетность, декларативность, казуистичность // Уголовное право в XXI веке: Материалы международной научной конференции на юридическом факультете МГУ им. В.М.Ломоносова, 31 мая-1 июня 2001 г, М., 2003.
75. Глобализация и развитие законодательства: очерки // Ю.А.Тихомиров, А.С. Пиголкин. М.: ОАО «Издательский дом «Городец»». 2004.

76. Горский Д.П. Логика. М.: Государственное учебно-педагогическое изд-во министерства просвещения РСФСР. 1955.
77. Гревцов Ю.И. Социология права: Статус. Метод. Предмет // Правоведение. 1996. № 1.
78. Глобализация и развитие законодательства: Очерки./Отв. ред. Ю.А.Тихомиров, А.С. Пиголкин. М: ОАО «Издательский дом «Городец»», 2004.
79. Годунов И.В. Транснациональная организованная преступность в России (Пути и формы противодействия): Дис. ... д-ра юрид. наук. Рязань, 2002. 604 с.
80. Гуров А.И. Профессиональная преступность: прошлое и современность. М.: Юрид. лит. 1990.
81. Дайчман И. Интерпол. Всемирная система борьбы с преступностью. М.: РИПОЛ КЛАССИК, 2003. 480 с.
82. Джордан Энн. Аннотированное руководство к Протоколу ООН против торговли людьми /Энн Джордан, (пер. с англ. О.А. Полетаева), под ред. Ф.Л. Сеницына. Центр помощи пережившим сексуальное насилие «Сестра». М, 2005.
83. Долгов М.А. Противодействие коррупции: соотношение международно-правового и внутригосударственного регулирования. Автореф. дис. ... соиск. уч. степ. канд. юрид. наук. Казань, 2007. 23 с.
84. Долгова А.И. Организованная преступность. М, 1998.
85. Долгова А.И. Преступность, ее организованность и криминальное общество. - М., 2003.
86. Дубинин Н.П., Карпец И.И., Кудрявцев В.И. Генетика. Поведение. Ответственность. М.: Политическая литература, 1989.
87. Елифанова Е.В. Понятие преступления и современная уголовно-правовая политика России. Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 2008.

88. Журавлев Г.Т., Ковалевская Е.В. Криминология. Учебное пособие. Московский государственный университет экономики, статистики и информатики. М., 2007. 128 с.
89. Загашвили В. Государство на новом этапе экономической глобализации // Мировая экономика и международные отношения, 2009. № 5.
90. Заемский В. Ключевые вопросы реформы ООН // Мировая экономика и международные отношения. 2008, № 7.
91. Иванов Э.А. Система международно-правового регулирования борьбы с отмыванием денег. М.: КНОРУС, 2003. 272 с.
92. Иванов Э.А. Система международно-правового регулирования борьбы с легализацией (отмыванием) доходов, полученных преступным путем. Автореф. дис. ... соиск. уч. степ. доктора юрид. наук. Москва, 2004. 36 с.
93. Иванов Н. Глобализация и общество: проблемы управления // Международная экономика и международные отношения. 2008. №4.
94. Игнатенко Г.В. Заключительный акт Общеευропейского совещания в Хельсинки // Правоведение 1976, № 3.
95. Ильин Ю.Д. Право человека и государства на безопасность в современном мире / Ю.Д. Ильин.-М.: Норма, 2007.
96. К. Дель Понте. Охота: я и военные преступники. М.: Эксмо, 2008. 640 с. Правовая система в России в условиях глобализации. Сборник материалов «круглого стола» / Под ред. Н.П. Колдаевой, Е.Г. Лукьяновой. М: «Ось-89», 2005.
97. Казакова В.А., Михлин А.С. Уголовно-правовой анализ преступлений террористического характера. Комментарий к статьям 205-211, 277, 282 (1), 282 (2), 360 УК РФ // Терроризм. Правовые аспекты противодействия: нормативные и международные правовые акты с комментариями, научные статьи / Под ред. И.Л. Трунова, Кондратюк Л.В. Антропология преступления (микркриминология). М.: Норма, 2001.

98. Каюмова А.Р. Международное уголовное право (монография). Казань: Изд-во КГУ, 1998.
99. Каюмова А.Р. Проблемы теории международного уголовного права. Казань: Центр инновационных технологий, 2004.
100. Князькина А.К. Конвенционные преступления в уголовном праве Российской Федерации: понятие, виды, общая характеристика. М.: Проспект, 2010.
101. Ковалёв М.И. Соучастие в преступлении. Екатеринбург. УрГЮА, 1999.
102. Коробова А.П. К вопросу о понятии правовой политики // Вестник междунар. акад. бизнеса и банк. дела. Сер.: Юриспруденция. Тольятти, 1996. N 5.
103. Корпунов С.В. Диалектика национальной и международной безопасности // Полис. 2009. № 1.
104. Коррупция: природа, проявления, противодействие. Монография/ отв.ред. академик РАН Т.Я. Хабриева. М., 2012.
105. Кортунов С.В. Диалектика национальной и международной безопасности: некоторые методологические проблемы // Полис. 2009. № 1.
106. Криминология / под ред. А.И. Долговой. М.: Норма, 2005.
107. Кудрявцев В.Н. Причинность в криминологии (О структуре индивидуального преступного поведения). М.: ТК Велби, Изд-во Проспект, 2007.
108. Кузахметов Д.Р. Легализация (отмывание) денежных средств или иного имущества, приобретенных преступным путем: вопросы теории, законодательного регулирования и практики. Автореф. дис. ... соискание уч. степ. канд. юрид. наук. Казань, 2006. 25 с.
109. Курдюков Г.И. Государства в системе международно-правового регулирования. Казань: Изд-во Казанского ун-та, 1979.
110. Лазутин Л.А. Правовая помощь по уголовным делам как комплексное формирование в международном уголовном и уголовно-

процессуальном праве. Автореф. дис. ... соискание уч. степ. доктора юрид. наук. Казань, 2008. 41 с.

111. Лазутин Л.А. Договоры о мерах доверия с государствами Азиатско-Тихоокеанского региона // Российский юридический журнал. - 2010. - №4. - С. 61 – 66

112. Латыпов У.Р. Об определении понятия «государственный терроризм» // СЕМП. 1986. М., 1988.

113. Лисин А.Н. Легализация (отмывание) доходов, полученных преступным путем, с использованием оффшорных финансовых центров: уголовно-правовые и криминологические аспекты. Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2006. 22 с.

114. Лили П. Грязные сделки. Ростов-на-Дону: Феникс, 2005.

115. Ломброзо Ч. Преступный человек. М.: Эксмо, 2005. 880 с .

116. Лукашук И.И. Глобализация, государство, право. XXI век. М., 2000.

117. Лукашук И.И. Нормы международного права в международной нормативной системе права в международной нормативной системе. М, 1997.

118. Лукашук И.И. Нормы международного права в правовой системе России. М, 1997.

119. Лукьянова Е.Г. Глобализация и правовая система России (основные направления, развития). М: Норма, 2006 .

120. Ляхов Е.Г. Терроризм и межгосударственные отношения. М., 1991.

121. Мазуренко А.П. Правовая политика и правовое развитие общества / под ред. А. В. Малько. Москва, Компания Спутник+, 2007.

122. Майдан И. А. Процессуально-правовая политика современной России: проблемы теории и практики. Автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2009.

123. Макайвер Р. Социальные причины преступности: Пер. с англ. // Социология преступности. М.: Прогресс, 1966.

124. Мансуров Г.Т. Понятие и общие признаки преступлений международного характера // Юрист – международник, 2004, № 1.
125. Марочкин С.Ю. Действие норм международного права в правовой системе Российской Федерации. Тюмень. Изд-во Тюменского госуниверситета, 1998.
126. Марочкин С.Ю. Проблемы эффективности норм международного права. Иркутск: Изд-во Иркутского госуд. ун-та, 1988.
127. Марченко М.Н. Об основных тенденциях развития права в условиях глобализации // Государство и право. 2009. № 6. С. 10.
128. Матузов Н.И. Правовая политика // Теория государства и права: Курс лекций / Под ред. Н.И. Матузова и А.В. Малько. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Юристъ, 2001. 776с.
129. Международное право: учебник / Ред. Г.В. Игнатенко. М.: Норма, 2009. 784 с.
130. Международная и внутригосударственная защита прав человека: Учебник / Под ред. Р.М. Валеева. М.: Статут, 2011.
131. Мезяев А.Б. Международные договоры об экстрадиции и проблема смертной казни / А.Б. Мезяев // Государство и право. – 2003. – № 3. – С. 79-87.
132. Мезяев А.Б. Международное уголовное правосудие. Современные проблемы / А.Б. Мезяев, Ш.Бассиуни, А.В. Наумов, др. / Институт права и публичной политики / Под ред. Г.И. Богуша, Е.Н. Трикоз, - М.: 2009. – 744 с. (47 п.л.) (Автор главы «Право обвиняемого на апелляцию в современном международном уголовном процессе»: С. 354-372.
133. Мезяев А.Б. Проблемы обеспечения независимости и беспристрастности международных судов / А.Б. Мезяев // Международные суды: актуальные проблемы международного права: Межвузовский сб. научн. трудов / Отв. ред. Г.В. Игнатенко, Л.А. Лазутин. – Вып. 2 (6). – Екатеринбург, 2010. – С. 52-65.

134. Мезяев А.Б. Смертная казнь в Российской Федерации: взаимодействие международного и национального права. Казань: Изд-во Казанского ун-та, 2002. 116 с.

135. Мезяев А.Б. Универсальные и региональные системы защиты прав человека и интересов государства / А.Б. Мезяев, П.В. Чиков, Г.Н. Хадиева, др. – Казань: Легранд, 2002. – 204 с.

136. Мельник Т.В. Международно-правовое регулирование борьбы с финансированием терроризма на универсальном уровне. Автореф. дис. ... соискание уч. степ. канд. юрид. наук. Москва, 2010. 26 с.

137. Меркушин В.В. Борьба с транснациональной организованной преступностью. Минск: Амалфея, 2003. 208 с.

138. Мизулина Е.Б. Торговля людьми и рабство в России: международно-правовой аспект. М.: Юрист, 2006. 591 с.

139. Микумс М., Шор Д. Организованная преступность в Соединенном Королевстве и деятельность Национальной службы по борьбе с преступностью // Организованная преступность: проблемы борьбы и предупреждения: Сб. науч. статей / отв. ред. А.Н. Тарбагаев. Краснояр. гос. ун-т Красноярск, 2001.

140. Михайлов В. Палермская Конвенция ООН против транснациональной организованной преступности // Российская юстиция, 2001, № 7 .

141. Мишина Н. В. Современная правовая политика России в области железнодорожного транспорта: формы практической реализации. Ростов-на-Дону: Ростовский гос. ун-т путей сообщ., 2008.

142. Моджорян Л.А. Терроризм на море. М., 1991.

143. Мухин А.А. Российская организованная преступность и власть. История взаимоотношений. М.: Издательство Центр политической информации. 2003; Пол Ланд. Организованная преступность. Тайная история самого прибыльного бизнеса в мире. АСТ, Астрель, 2005.

144. Найденко В.Н. Средства противодействия коррупции как фактору, способствующему распространению этнонационального экстремизма в Российской Федерации//Журнал российского права.2009.№ 6.

145. Нигматуллин Р.В. Международное сообщество в противодействии наркоугрозе: современное состояние и перспективы. // Международное уголовное право и международная юстиция. 2014. №6. С. 22.

146. Нигматуллин Р.В. Международно-правовые стандарты противодействия коррупции и проблемы обеспечения национальной безопасности. // Евразийский юридический журнал. 2011. № 4. С. 15.

147. Нигматуллин Р.В. Преступления международного характера как одна из современных угроз правам человека. // Международное публичное и частное право. 2009. №2.

148. Нигматуллин Р.В. Сотрудничество государств в борьбе с преступлениями международного характера в XX-начале XXI столетия (историко-правовой аспект). Автореф. дис. ... соискание уч. степ. доктора юрид. наук. М., 2007.

149. Новоселов Г.П. Учение об объекте преступления. М.: Норма, 2001.

150. Номоконов В.А. Транснациональная организованная преступность и ее проявления на Дальнем Востоке России // Организованная преступность: проблемы борьбы и предупреждения: Сб. науч. статей / Отв. ред. А.Н. Тарбагаев. Красноярский гос. ун-т. Красноярск, 2001.

151. Нугаева Н.Г. Международная и внутригосударственная защита прав женщин. Казань, 2003.

152. Общество в условиях финансового кризиса: экономика, политика, право: материалы международной научно-практической конференции (г.Екатеринбург, 2009). Часть.1. Изд-во Уральского института экономики, управления и права. Екатеринбург, 2009.

153. Организованная преступность: состояние и тенденции (материалы исследования). Екатеринбург, 1995.

154. Осипенко А.Л. Борьба с преступностью в глобальных компьютерных сетях. Международный опыт. М.: Норма, 2004.
155. Панов В.П. Сотрудничество государств в борьбе с международными уголовными преступлениями. Учеб пособие. М., 1993.
156. Переплеснина Е.М. Общепризнанные принципы и нормы международного права, международные договоры Российской Федерации в российской правовой системе. Петрозаводск: VERSO, 2009.
157. Панченко М.Ю. Реалистская парадигма международного порядка: прошлое и настоящее // Полис. 2009. № 5.
158. Питер Лилли. Грязные сделки. Тайная правда о мировой практике отмывания денег, международной преступности и терроризме. Феникс, 2008.
150. Поляничко Е.Г. Формирование международных режимов борьбы с терроризмом: Монография / Е.Г. Поляничко. М.: ВИТА- ПРЕСС, 2008.
151. Правовые акты: антикоррупционный анализ. Научно-практическое пособие / Отв. ред. Ю.А. Тихомиров. М.: Волтерс Клувер, 2010.
152. Правовые механизмы имплементации антикоррупционных конвенций: монография, Т.Я. Хабриева, О.И.Тиунов, В.П. Кашепов и др.; отв. Ред. О.И.Тиунов. М, 2012.
153. Правотворчество и формирование системы законодательства РФ в условиях глобализации. Актуальные проблемы (по материалам «круглого стола» ИГП РАН) // Государство и право, 2007. № 4.
154. Пресняков М.В. Правовая определённость как системное качество российского законодательства // Журнал российского права, 2009, № 5.
155. Притулин В. П. Судебно-правовая политика защиты прав и свобод личности в современной России. Армавир: ИП Шурыгин В. Е., 2006.
156. Пронников А.В. Уголовно-правовая политика в сфере противодействия экономической преступности. Автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. Омск, 2008.
157. Пяткина С.А. О правовой теории русского юридического позитивизма // Правоведение. 1964. № 4.

158. Рахимов М.С. Разграничение торговли людьми со смежными составами преступлений // Государство и право. 2008. № 10.

159. Репецкая А. Л. Транснациональная организованная преступность: Дис. ... д-ра юрид. наук. Иркутск, 2001. 388с .

160. Родионов К.С. Интерпол: вчера, сегодня, завтра: научно-популярное издание. - 3-е изд., перераб. и доп. - М. : Международные отношения, 1990. - 223 с.

161. Родионов К.С. Международная организация уголовной полиции (Интерпол). М., 1972. 116 с.

162. Ромашов Ю.С. Концепция развития международного права и законодательства государств в области борьбы с преступлениями международного характера на море // Право и политика. 2000. №3.

163. Рогачевский Л.А. Адвокатура в правовом механизме противодействия легализации доходов, полученных преступным путём, и финансирования терроризма: международно-правовой и внутригосударственные аспекты // Правоведение. 2005. № 4.

164. Российская государственность: история, современность и перспективы глобализма: Межвузовский сборник трудов/ Под ред. В.Я. Мизюкина, В.В. Сорокина. Барнаул, 2009.

165. Российская правовая политика: Курс лекций / Саратов. гос. акад. права / Под ред. Матузова Н.И., Малько А.В. М.: НОРМА, 2003. - 520 с.

166. Россия-Европа: вместе против коррупции (материалы). Ч.1. Материалы совместного проекта. Приведение российского антикоррупционного законодательства в соответствие с международными стандартами (перераб. и подг. А.Б. Горяниным и В.В. Хлусовым). М. 2009.

167. Сафаров Н.А. Экстрадиция в международном уголовном праве: проблемы теории и практики. Автореф. дис. ... соискание уч. ст. доктора юрид. наук. Москва, 2007. 57 с.

168. Словарь русского языка /Составитель С.И.Ожегов. Госуд. Изд-во иностр. и национальных словарей. М.: 1953.

169. Старчак М.В. Противодействие наркопроизводству в современном Афганистане: оценка эффективности // Мировая экономика и международные отношения. 2008. №4.

170. Сорокин В.В. Национальные государства перед вызовами глобализации мира // Российская государственность: история, современность и перспективы глобализма: межвузовский сборник трудов / Под ред. В.Я. Музыкина, В.В. Сорокина. Барнаул, 2009.

171. Терроризм. Правовые основы противодействия: нормативные и международные правовые акты с комментариями, научные статьи / Под ред. И.П. Трунова и Ю.С. Горбунова–Изд. 2-н перераб. и доп.-М:Эксмо, 2007.

172. Титов В.Н. Неформальная экономика в России: исторические традиции // Общественные науки и современность.2008. № 5.

173. Тиунов О.И., Каширкина А.А., Морозов А.Н. Международные межведомственные договоры Российской Федерации. М., 2008.

174. Тиунов О.И., Каширкина А.А., Морозов А.Н. Выполнение международных договоров Российской Федерации. М., 2011.

175. Тихомиров А. Преодолевать коррупционность законодательства // Право и экономика. 2004, № 5.

176. Тихомирова Л.В., Тихомиров М.Ю. Юридическая энциклопедия. Издание 5-е, доп и перераб./М.Ю. Тихомирова. М: 2007.866 с.

177. Ткаченко М.Ю. Реалистская парадигма международного порядка: прошлое и настоящее // Полис, 2009. № 5.

178. Торговля людьми: международно-правовые и внутригосударственные проблемы противодействия: монография/ Р.В. Нигматуллин, Р.Р. Каримов, А.А. Романов, А.И. Казамиров; под ред. Р.В. Нигматуллина. Уфа: УЮИ МВД России, 2013. – 136 с.

179. Транснациональная организованная преступность: дефиниции и реальность / Отв. ред. В.А. Номоконов. Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та. 2001. 375с.

180. Трикоз Е.Н. Развитие уголовного законодательства в условиях глобализации // Глобализация и развитие законодательства: очерки // Отв. Ред. Ю.А.Тихомиров, А.С. Пиголкин. М: ОАО «Издательский дом «Городец», 2004.
181. Торговля людьми. Социокриминологический анализ / Под ред. Е.В. Тюрюкановой, Л.Д. Ерохиной. М.: Academia, 2002. 224 с.
182. Тюрина Н.Е. Международный правопорядок (современные проекты совершенствования и преобразования). Казань: Изд-во КГУ, 1991.
183. Уголовное право. Особенная часть / Отв. ред. И.Я. Козаченко, З.А. Незнамова, Г.П. Новоселов. М.: Норма. 1998.
184. Фельдман Д.И. Баскин Ю.Я. Международное право: Проблемы методологии. М.: Юрид. лит., 1971.
185. Фельдман Д.И. Система международного права. Казань: Изд-во Казанского ун-та, 1983.
186. Фёдоров Ю. Современный терроризм: особенности и перспективы // Аналитические доклады научно-координационного Совета по международным исследованиям МГИМО (У) МИД России. - вып.1 (июнь 2005). М: МГИМО – Университет, 2005.
187. Ферри Э. Уголовная социология. М.: Инфра-М, 2009. 658 с.
188. Философский энциклопедический словарь. М. Советская энциклопедия.
189. Фрейд З. Психопатология обыденной жизни. М.: Азбука-классика, 2008. 224с.
190. Фролова Н.А. Идеология социальной безопасности и правовая политика государства: теоретический и исторический аспект. Москва: АВА-БЕСТ. 2007.
191. Философский энциклопедический словарь. М: «Советская энциклопедия», 1983.

192. Цирин А.М. Формирование институциональной основы противодействия коррупции в федеральных органах исполнительной власти // Журнал российского права. 2009. №3.

193. Черниченко С.В. Определение массовых и грубых нарушений прав человека как международного преступления // Доклад ООН E/CN/4/Sub.10/1997/2/ P. 9-11.

194. Шульга И.В. Организованная преступность и зарубежный опыт государственно-правового контроля над ней // Организованная преступность: проблемы борьбы и предупреждения: Сб. научных статей / Отв. Ред. А.Н. Тарбагаев. Краснояр. гос. ун-т. Красноярск, 2001.

195. Шейнис В.Л. Национальная безопасность России. Испытание на прочность // Полис. 2009. № 5.

196. Юрченко М. Международная дипломатия в односторонних интересах // Международная жизнь, 2009, № 2-3.

197. Ярочкин В.И. Организованная преступность. Откуда исходит угроза. М.: «Ось-89». 1995.

198. Яценко В.А. Транснациональная организованная преступность: Криминологическая характеристика и предупреждение: Автореф. дисс. ... на соиск. уч. ст. канд. юрид. наук. Ростов-на-Дону. 2003.

IV. Литература на иностранных языках

199. Albanese, Jay S. Organized crime in our times. Cincinnati : Anderson Pub., 2004. 338 p.

200. Beare Margarte E., editor. Critical Reflections on Transnational Organized Crime, Money Laundering, and Corruption. University of Toronto Press, 2003, 352 pp.

201. Critical Reflections on Transnational Organized Crime, Money Laundering, and Corruption. University of Toronto Press, 2003, 352 pp.

202. Drucker P. The New Realities. London, 1990. 137 p.

203. Edwards Adam, Gill Peter. Transnational organized crime: perspectives on global security Transnational crime. Routledge, 2003. 290 p.

204. Finckenauer, James O. Asian transnational organized crime and its impact on the United States. Washington, D.C.: U.S. Dept. of Justice, Office of Justice Programs, National Institute of Justice, 2007. 36 p.

205. John R. Wagley. Transnational Organized Crime: Principal Threats and U.S. Responses. CRS Report for Congress. March 20, 2006.

206. Madsen Frank. Transnational Organized Crime (routledge Global Institutions). Paperback. 2009. 144 p.

207. Stuart S. Nagel. Handbook of Global Legal Policy. NY. Bazel. CRC Press, 2000. 521 p.

208. Transnational organized crime and international security : business as usual? / edited by Mats Berdal and Mónica Serrano. Lynne Rienner Pub., 2002. 243 p.

209. Transnational Organized Crime. Myth, Power, and Profit / Emilio C. Viano, José Magallanes, Laurent Bridel. Carolina academic press. Durham, North Carolina 2003.

210. The encyclopedia of international organized crime / Carlo DeVito. NY : Facts on File, 2005. 386 p.

211. The United Nations and Transnational Organized Crime. By Philip Williams, Phil Williams (Editor), Ernesto U. Savona (Editor). 1996. 208 p.

212. The politics of organized crime and the organized crime of politics : a study in criminal power / Alfredo Schulte-Bockholt. Lanham, MD : Lexington Books. 2006.

213. Varese Federico. Mafias on the Move: How Organized Crime Conquers New Territories: The Globalization of Organized Crime. Princeton University, 2011.

214. Viano Emilio, Magallanes José, Bridel Laurent. Transnational organized crime: myth, power, and profit. Carolina Academic Press, 2003. 213 p.

РОССИЙСКАЯ ФЕДЕРАЦИЯ
ФЕДЕРАЛЬНЫЙ ЗАКОН О ПРОТИВОДЕЙСТВИИ
ТРАНСНАЦИОНАЛЬНОЙ ОРГАНИЗОВАННОЙ ПРЕСТУПНОСТИ

Принят

Государственной Думой

Одобрен

Советом Федерации

Настоящий Федеральный закон устанавливает основные принципы и направления деятельности, направленной на искоренение форм транснациональной организованной преступности, правовые основы профилактики и борьбы с нею, минимизации и (или) ликвидации последствий проявлений транснациональной организованной преступности.

Статья 1. Основные понятия

Для определения целей настоящего Федерального закона применяются следующие основные понятия:

транснациональная организованная преступность – это социальное уголовно наказуемое явление, представляющее собой последовательную, упорядоченную, целенаправленную совокупность активных преступных действий одной или нескольких преступных групп, организованных на основе национальных, родственных, профессиональных или иных связей и осуществляющих преступное взаимодействие на территории нескольких

государств в целях совершения преступлений и извлечения прибыли или иного запрещенного дохода;

формы транснациональной организованной преступности – формы транснациональной организованной преступной деятельности, включающие различные виды правонарушений, предусмотренные настоящим Законом;

противодействие формам транснациональной организованной преступности - деятельность органов государственной власти, органов государственного управления и органов местного самоуправления по:

а) выявлению и устранению причин и условий, способствующих совершению преступных действий в формах транснациональной организованной преступности;

б) пресечению, раскрытию и расследованию актов преступной деятельности в формах транснациональной организованной преступности;

в) ликвидации последствий актов преступных действий в формах транснациональной организованной преступности;

акт транснациональной организованной преступности - система запрещенных настоящим Законом активных противоправных действий физического или юридического лица, в составе организованной преступной группы на территории нескольких государств.

Статья 2. Правовая основа противодействия транснациональной организованной преступности

Правовую основу деятельности по противодействию транснациональной организованной преступности составляют Конституция Российской Федерации, нормы международного права, международные договоры Российской Федерации, настоящий Федеральный закон, иные федеральные законы Российской Федерации, нормативные правовые акты Президента Российской Федерации, нормативные правовые акты Правительства Российской Федерации, нормативные правовые акты иных федеральных органов власти.

Статья 3. Основные принципы противодействия транснациональной организованной преступности

Противодействие транснациональной организованной преступности основывается на следующих принципах:

- 1) законность;
- 2) соблюдение основных прав и свобод человека;
- 3) защита прав и законных интересов лиц, потерпевших от преступной деятельности транснациональной организованной преступности;
- 4) неотвратимость наказания за осуществление деятельности транснациональной организованной преступности;
- 5) сотрудничество государства с другими государствами, международными и иными организациями в противодействии транснациональной организованной преступности;
- 6) приоритет мер, направленных на предупреждение транснациональной организованной преступности.

Статья 4. Основные формы транснациональной организованной преступности

К основным формам транснациональной организованной преступности относятся:

- 1) легализация денег, добытых преступным путем («отмывание средств»);
- 2) кражи объектов интеллектуальной собственности (присвоение товарных знаков, кражи знаков обслуживания, фирменных наименований, элементов промышленного дизайна; кражи и контрабанда произведений искусства и предметов культуры);
- 3) незаконная торговля огнестрельным оружием;
- 4) незаконная транспортировка, сбыт ядерных боеприпасов и компонентов;
- 5) коррупция;
- 6) кражи автотранспорта;

- 7) мошенничества в сфере страховой деятельности;
- 8) компьютерная преступность (мошенничества с кредитными карточками; мошенничества, связанные с выманиванием денег через игры, бонусы и т.п., осуществляемые в сети Интернет);
- 9) экологические преступления;
- 10) торговля людьми (контрабанда людей; рабство; сексуальное насилие);
- 11) торговля человеческими органами;
- 12) незаконный оборот и торговля наркотическими средствами, психотропными и сильнодействующими веществами.

Статья 5. Международное сотрудничество Российской Федерации в области противодействия транснациональной организованной преступности

Российская Федерация в соответствии с международными договорами Российской Федерации сотрудничает с иностранными государствами, их правоохранительными органами, а также с международными организациями в целях минимизации распространения транснациональной организованной преступности.

Статья 6. Компетенция федеральных органов исполнительной власти, принимающих меры по противодействию транснациональной организованной преступности

1. Президент Российской Федерации:
 - 1) определяет основные направления государственной политики в области деятельности по противодействию транснациональной организованной преступности;
 - 2) устанавливает компетенцию федеральных органов власти, осуществляющих деятельность по противодействию транснациональной организованной преступности;

3) осуществляет персональные назначения руководителей органов исполнительной власти, осуществляющих деятельность по противодействию транснациональной организованной преступности.

2. Правительство Российской Федерации:

1) определяет компетенцию федеральных органов власти, руководство деятельностью которых оно осуществляет, в области противодействия транснациональной организованной преступности;

2) организует проведение мероприятий по предупреждению транснациональной организованной преступности.

3. Федеральные органы исполнительной власти, органы государственной власти субъектов Российской Федерации и органы местного самоуправления реализуют меры по противодействию транснациональной организованной преступности в пределах своих полномочий.

Статья 7. Деятельность правоохранительных органов по предупреждению транснациональной организованной преступности

Правоохранительные органы в соответствии с наделенными полномочиями и компетенцией осуществляют и применяют все возможные силы и средства в порядке, установленном нормативными правовыми актами Российской Федерации для предупреждения транснациональной организованной преступности.

Статья 8. Правовой режим пресечения и раскрытия транснациональной организованной преступной деятельности

Правоохранительные органы осуществляют в рамках своей компетенции оперативно-розыскную деятельность в соответствии с законодательством Российской Федерации в целях пресечения и раскрытия транснациональной организованной преступной деятельности.

Применяются и допускаются в соответствии с законодательством Российской Федерации следующие формы оперативно-розыскной деятельности:

1) получение информации путем опроса, наблюдения, исследования, осмотра;

2) контроль телефонных переговоров и информации, передаваемых иным электронным способом;

3) негласное внедрение информаторов в целях информирования о готовящихся противоправных актах транснациональной организованной преступной деятельности;

Допускаются иные, не запрещенные законом, формы оперативно-розыскной и уголовно-процессуальной деятельности.

Статья 9. Условия осуществления правоохранительной деятельности, направленной на противодействие транснациональной организованной преступности

1. Планирование и осуществление системы мероприятий, направленных на противодействие транснациональной организованной преступности, принимается уполномоченным должностным лицом (руководителем федерального исполнительного органа власти, либо иным должностным лицом исполнительной власти в пределах его полномочий), предусматривающих применение мер по противодействию транснациональной организованной преступности.

2. Деятельность по противодействию транснациональной организованной преступности предусматривает осуществление компетентными должностными лицами в пределах их компетенции планирования деятельности правоохранительных органов, определения сил и средств, привлекаемых для деятельности по противодействию транснациональной организованной преступности, а также принятия решений по реализации конкретных форм оперативно-розыскной деятельности, направленных на пресечение противоправной деятельности транснациональных организованных преступных групп.

Статья 10. Ответственность юридических лиц за причастность к транснациональной организованной преступности

Юридические лица, деятельность которых способствовала совершению актов транснациональной организованной преступности, несут ответственность в соответствии с законом.

Юридические лица, деятельность которых была направлена на совершение актов транснациональной организованной преступности, подлежат ликвидации (а деятельность – запрещению) по решению суда.

Статья 11. Возмещение вреда, причиненного в результате транснациональной организованной преступной деятельности

Возмещение вреда, причиненного в результате транснациональной организованной преступной деятельности, осуществляется в порядке, установленном законодательством Российской Федерации.

Статья 12. Экстрадиция (выдача и транзитное перемещение) лиц, совершивших преступления, связанные с транснациональной организованной преступностью

В отношении лиц, осуществлявших транснациональную организованную преступную деятельность, деятельность которых была пресечена правоохранительными органами Российской Федерации, в случаях, предусмотренных международными договорами и соглашениями Российской Федерации, законодательством Российской Федерации, осуществляется экстрадиция (выдача и транзитная перевозка) в порядке, установленном законодательством Российской Федерации.

Статья 13. Защита свидетелей

Свидетели, принимавшие непосредственное участие в выявлении, раскрытии, и пресечении преступной деятельности транснациональных организованных преступных групп, находятся под защитой государства. В этих целях по решению уполномоченного должностного лица, осуществляющего планирование и реализацию мер по противодействию транснациональной организованной преступности в пределах его полномочий, осуществляется комплекс мер, направленных на защиту свидетелей.

Статья 14. Правовые основы профилактики транснациональной организованной преступности

Федеральные органы исполнительной власти, органы государственной власти субъектов Российской Федерации и органы местного самоуправления осуществляют систему социальных, правовых, и иных мер, направленных на выявление и устранение причин и условий, способствующих совершению актов транснациональной организованной преступности.

Статья 15. Вступление в силу настоящего Федерального закона

Настоящий Федеральный закон вступает в силу со дня его официального опубликования.

Президент
Российской Федерации